

THE
HIDDEN
AD
SECRET

ОБОРОТНИ
НУНАВУТА

ВИОЛА
РИВАРА

АВТОР БЕСЦЕЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

Документалист Джиннифер Кастильо получает единственную возможность в жизни быть принятой в уединенную стаю арктических волков-оборотней. В то время как ее цель — показать другую сторону непонятого вида, она понимает, что попала в плен под обаянием Альфы волков, Зейна. С момента, когда он ловит аромат Джиннифер, внутренний волк Зейна приходит в восторг. Утверждение ее, как его пары, может иметь катастрофические последствия для стаи, но сильная выдержка Зейна не может соревноваться с привлекательностью девушки.

Автор: Виола Ривард

Название: «Пленный альфа»

Серия: «Оборотни Нунавута»

Номер в серии: 1

Переводчик: Panther Lily

Редакторы: Carina Kocharyan и Иришка Котолуп

Вычитка: Оксана Зворыгина

Обложка: Наталя Калиничева

Глава 1

— Время 14:00, и температура в настоящий момент -20°C . В течение двух часов солнце зайдет и затем пройдет еще... тринадцать часов до следующего рассвета. Трудно выразить, насколько здесь холодно, особенно учитывая мое, ближе к экватору, происхождение. Здесь обжигает не солнце, это делает воздух. Ветер, как иголки, и, даже когда я на ночь прячусь в палатке, сделать вдох все равно, что выкурить сигарету без фильтра. В темноте я очень часто спрашиваю себя — почему я здесь и что делаю. Когда день вернется, я выползу из моего укрытия и поприветствую зрелище, подобное этому...

Джиннифер повернула камеру, направляя ее на лежащую внизу долину. Оранжевый солнечный свет отразился от слегка волнующейся поверхности моря. Вода граничила с просторами тундры, и она увеличила изображение последнего заинтересовавшего ее объекта.

— Несмотря на то, что кольчатые нерпы достигают размера до полутора метров в длину, в действительности они являются самым маленьким подвигом тюленей. И такой размер делает их идеальной добычей этой голодной матери.

На конце дорожки из крови и взрыхленного снега самка белого медведя разрывала тушу тюленя, с неразборчивой прожорливостью поглощая куски. Два маленьких детеныша прятали головы под ее животом, кормясь материнским молоком и не обращая внимания на пир, устроенный их матерью.

— Учитывая время года, вполне вероятно, что эта самка белого медведя только что выбралась из своего логова, где она пережидала зиму в уникальной перинатальной спячке. Эти детеныши родились около трех месяцев назад. При рождении, во время которого их

мать оставалась в спячке, они были меньше, чем щенок лабрадора.

Увидев лису, Джиннифер осторожно повернула камеру. Все еще в зимней пушистой шубке, полярная лиса прекрасно бы спряталась в снегу, если бы не ее черный нос. Низко прижавшись к земле, она передвигалась медленно и осторожно.

— Арктические лисы — опытные охотники, но когда не хватает еды, они не брезгают рыться в отбросах, — сказала она, возвращаясь к комментарию. — Однако, эта лиса должно быть действительно голодна, если пытается стащить кусок только что убитой добычи. Самки белого медведя славятся своими защитными инстинктами и известны тем, что бросают вызов даже более крупным самцам, если рядом с ними их потомство.

Она почувствовала, как сама напряглась, когда лиса подкралась ближе. Медведица, по-видимому, о ней знала, но была слишком сосредоточена на еде, чтобы обращать на нее внимание. Продемонстрировав замечательное бесстрашие, лиса метнулась и быстро стащила кусок мяса от туши тюленя. Личное пространство матери нарушено, она встает на дыбы, поднимаясь на задних лапах. Но лиса уже умчалась прочь. Она остановилась в нескольких метрах от нее, и несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом мать вернулась к еде, по-видимому, решив, что лиса не стоила ее усилий. Поняв, что она была в безопасности, лиса нахально улеглась и начала отрывать куски от своего приза.

Кадры были невероятные, и даже без пересмотра она знала, что они попадут в окончательный вариант. Она продолжила съемку, улыбаясь от уха до уха, в то время как медвежата убежали от матери и начали резвиться в снегу.

Позади Джиннифер раздался громкий хруст, предупреждая ее о приближении Боаз. Она резко покачала головой и подняла палец, молчаливо призывая его затихнуть. Он остановился на пути к ней и раскинул тощие руки, как будто собираясь взлететь.

— Ты должна это увидеть, — сказал он шепотом, но с таким же успехом он мог произнести это в микрофон. — Я нашел одного.

Джиннифер бросила на него сердитый взгляд.

— Ты спугнешь моего медведя, — сказала она тихим голосом.

Боаз жестом показал ей следовать за ним.

— Если твой медведь может превратиться в человека, тогда можешь забыть о том, что я сказал.

Джиннифер оглянулась на долину. Ее сердце замерло, когда она увидела, что медведица уводила своих детенышей с этого места. Предприимчивая лиса уже начала пировать на брошенной туше тюленя.

К тому времени, как она отключила камеру, Боаз уже был у подножия холма. Джиннифер полностью сосредоточилась на его поясице, на которую она взглянула, спускаясь вслед за ним.

Просто это будет очередной серый волк, тоскливо подумала она.

За последнюю неделю это будет пятый раз, когда Боаз подумал, что видит вервольфа. Трое из них оказались обычными серыми волками, еще один — камнем в форме волка. Что хуже всего, он всегда обнаруживал оборотня в самое неподходящее время, как правило, сразу после того, как она засыпала.

По крайней мере, в этот раз он не пытается спрятаться.

Она догнала Боаз в тот момент, когда они прошли бежевую палатку, установленную в их лагере. Когда они начинали экспедицию, то у каждого было по палатке, но оказалось, что практичней жить в одной маленькой. Холодные ночи доказали, что делиться теплом тел

было жизненно важным, несмотря на то, что по утрам было весьма неловко просыпаться в объятиях друг друга. К счастью, на них было достаточно слоев одежды, так что Джиннифер могла притвориться, что она не чувствовала его утренней эрекции, тыкавшейся ей в живот.

— Могу сказать, что ты опять настроена скептически, — сказал Боаз, взволнованно сверкая зелеными глазами. — Но на этот раз все по-настоящему.

— Откуда такая уверенность?

— Он огромный, — сказал он ей. — Ну, по крайней мере, он больше, чем любой волк, какого я видел.

Ей передан его энтузиазм, но она постаралась держать свои ожидания под контролем.

— Уверен, что это не очередной просто крупный самец? Ты ведь знаешь, что они крупнее самок.

Боаз покачал головой.

— Однозначно нет. Вот увидишь.

Они прошли три дюны, которые с таким же успехом можно было назвать горами. Даже на ровной поверхности идти по глубокому снегу было трудно, и Джиннифер в тысячный раз пожалела, что оставила своих собак с Ритой.

Ее бодрая стажерка вместе с ними прибыла к заливу Ранкин месяц назад. Через неделю пребывания в ледяной пустыне Рита заработала обморожение и инфекцию верхних дыхательных путей. Несмотря на то, что Джиннифер столько времени провела за границей, она все равно воспринимала систему дорожного сообщения США как само собой разумеющееся. Когда они наконец-то умудрились добраться до деревни, оказалось, что у местных жителей не было врача, и они были вынуждены отправить Риту в ближайший город на санках. Они уже потеряли несколько дней, и Джиннифер пришлось дать сигнал о продолжении экспедиции вместо того, чтобы путешествовать еще несколько дней и забрать собак обратно.

Без ездовых собак путешествие временами становилось почти невыносимым, и только надежда найти настоящего вервольфа продолжала толкать их вперед, вглубь ледяной пустыни.

— После того, как мы снимем этого парня, сможем отправиться домой?

В этот момент они поднимались уже на четвертую дюну, и Боаз, тяжело задыхаясь, дышал. На его штаны и ботинки налип снег, доходивший почти до коротких тощих голеней. В нескольких местах кучерявой растрепанной бороды задержался снег.

— Мы не собираемся снять одного вервольфа и уйти, — сказала она. — Ты же понимаешь, что мы здесь для чего-то большего, чем это.

— И тут я подумал, что ты меня сюда притащила, чтобы соблазнить, — он сверкнул улыбкой, демонстрируя два ряда идеально ровных зубов. Таких, какие бывают только у тех, кто в юности носил брекеты. Джиннифер сверкнула в ответ аналогичной улыбкой.

— Размечтался.

— Не могу этого отрицать, — пробормотал он, слегка краснея.

Когда они добрались до вершины дюны, улыбка Джиннифер погасла, и у нее отвисла челюсть. У них за спиной садилось солнце, и от этого дюна бросала тень на лежащий внизу каньон. Снег лежал почти нетронутым за исключением середины, где он был перепахан и окрашен пятнами красного цвета.

— Что я тебе говорил? — спросил Боаз, уперев руки в бока. — Скажи мне, что это не вервольф.

Посреди взрытого снега находился волк с волнистым, каштанового цвета мехом. У него были длинные, худые ноги, стройное тело, и его можно было бы назвать маленьким, если бы он не был таким же высоким, как взрослый мужчина. Глубоко в землю была вбита цепь, к которой крепился стальной капкан, державший в своих зубах левую заднюю лапу волка. То скуля, то рыча, высокий волк пытался от него избавиться.

— О, это действительно вервольф, согласна... — прошептала она.

Боаз уже присел и, держа камеру, приготовился снимать борьбу волка.

— Думаешь, это браконьеры установили тот капкан?

— А кто еще? — спросила она, ложась с ним рядом. Она открыла свой «Canon», не решаясь нажать кнопку "запись".

— Как думаешь, они вернуться?

— Не знаю, — сказал Боаз. — Но, если они это сделают, то получатся чертовски хорошие кадры. С помощью этой штуковины — он махнул своей шестнадцатимиллиметровой камерой, — у нас будут четкие снимки их лиц. Можешь себе представить снимок лучше?

Она не могла. Если они смогут снять браконьеров, снимающих шкуру с живого вервольфа, то общественный резонанс будет оглушительным. У Канады, как и большинства развитых стран, были законы, направленные против браконьерской охоты на оборотней, но они были почти неприменимы, в основном потому, что оборотни обитали в Арктике. На огромных просторах незаселенных земель и в условиях жестокого холода полицейский контроль был практически невозможен. Преследования браконьеров в большинстве случаев становились возможны только после того, как они пытались выставить свою добычу на черном рынке. Однако они начинали действовать умнее.

Зубы, шкуры и кости, особенно черепа, стоили десятки тысяч долларов. Сезон в Арктике мог принести маленькой команде до миллиона долларов и почти в два раза больше, если им удавалось поймать медведя или двух. В прошлом, в конце каждой весны черный рынок был переполнен, и браконьеров было легко отследить. Но в последнее время они стали выжидать, продавая добытое нечестным путем маленькими партиями на различных рынках в течение всего года. Новый метод не привлекал внимания правоохранительных органов, и, честно говоря, браконьерская добыча вервольфов не стояла на первом месте в списке их приоритетов. А общественность такое состояние дел просто не волновало.

Пока что.

Кадры, подобные этим, показывающие зверства браконьеров, были именно тем, что могло бы всколыхнуть апатичные массы. Именно об этом подумала Джиннифер, нажимая на кнопку запись.

Джиннифер застегнула маску, прикрывавшую рот и нос, и установила таймер на своих цифровых часах. Они с Боазом продолжали снимать, пока полчаса не превратились в час, а час не превратился в два. Солнце исчезло, и появилась полная луна, освещающая тундру ужасным светом. Северное сияние мерцало в небе, но в этот раз ее это не привлекло.

Ее сердце болело за волка, когда его крики стали слабее. Иногда он ложился, и Джиннифер с Боазом обменивались взглядами, гадая, был ли это конец. Но затем волк бросался вперед с удвоенной энергией, борясь с капканом и сильнее раня ногу в процессе.

— Почему он просто не обернется? — прошептал Боаз.

Это были первые слова, что он произнес за долгое время.

Джиннифер покачала головой.

— Мне все время это тоже было интересно.

Ловушки были разработаны так, чтобы люди могли их открыть, так что вервольф в человеческой форме мог бы это сделать.

— Может, он не в состоянии, — подумала Джиннифер. Она не знала, как именно происходило превращение, но ей показалось, что это могло бы быть трудным или даже опасным обернуться со стальным капканом на ноге.

Через некоторое время волк упал на бок. Он тяжело вздохнул и закрыл глаза. На этот раз Джиннифер, не отрывая глаз от волка, наблюдала, как поднималась и опадала его грудь, когда он делал неглубокие вдохи.

Прежде, чем она смогла бы отговорить себя от этого, девушка встала.

— Я иду туда.

Боаз поднялся на ноги, и ему удалось схватить ее за куртку. Она подалась вперед, а затем дернулась назад.

— Ты с ума сошла? — спросил он хриплым шепотом. — Ты же знаешь, что мы никогда этого не делаем. Это не этично.

— Я что-то не заметила, чтобы ты стонал об этике, когда Рита отгоняла кобру от тех львят, — прошипела Джиннифер, рывком освобождая свою руку.

— Да, но ты не позволила ей об этом забыть, — выпалил он в ответ. — До конца поездки ты твердила ей о круге жизни, разглагольствуя о том, что эти повзрослевшие львята могли убить детеныша антилопы и...

— Это не животное, — выдавила Джиннифер, указывая в направлении волка. — Под этим мехом находится человек такой же, как ты и я. И мы не оставляем людей умирать.

Эти слова росли внутри нее в течение последних двух часов, и она почувствовала огромное облегчение, наконец-то произнеся их вслух. Она понимала точку зрения Боаз. Проведя несколько летних сезонов в Африке, она была очарована большими кошками, но, фактически, должна была оставаться на месте, снимая бесчисленных животных, страдающих и умирающих.

Ее самый знаменитый фильм, сделавший ее имя нарицательным в течение нескольких недель, напрямую был связан с браконьерством. Они с Боазом прятались в кустах, их сердца стучали, а по лицам струился пот, пока они снимали жестокое убийство браконьерами последнего северного белого носорога.

— Мы снимаем природу, Джин, а не играем в Бога.

Она медленно покачала головой и засунула камеру в карман.

— В первую очередь в Бога играют те, кто установил тот ужасный капкан. Если мы что-то делаем, то мы восстанавливаем порядок во вселенной.

Боаз несколько раз моргнул и сморщил лицо. Джиннифер воспользовалась возможностью спуститься вниз, прежде чем он мог попытаться ее остановить, и заскользила вниз по восточной стороне дюны.

Их спор наконец-то привлек внимание волка, и к тому времени, как Джиннифер добралась до основания дюны, он поднял голову и оскалится. Блестящие белые клыки заставили ее остановиться, но она отодвинула страх в сторону. Рассуждая, что если это действительно был человек, как она только что утверждала, то его поведение было обосновано.

— Привет, — сказала она тихим, успокаивающим голосом. — Я здесь, чтобы помочь.

Джиннифер встала вне его досягаемости, но, тем не менее, волк щелкнул на нее пастью.

Он бросился вперед, но как только цепь натянулась, отскочил и взвыл от боли. Джиннифер замерла на месте, не реагируя, хотя этот бросок вызвал у нее приток адреналина.

— Я понимаю, что ты расстроен, и тебе больно, — сказала Джиннифер. Она присела, оказавшись ниже, чем волк. — Так что я собираюсь здесь присесть и несколько минут с тобой поговорить. И когда я закончу разговаривать, то собираюсь к тебе подойти и попробовать вытащить тебя из капкана. Так что, если хочешь меня укусить, ты сможешь это сделать потом, а пока послушай.

Волк не подал никаких знаков, что он ее понял, но начал расхаживать взад и вперед, прихрамывая во время ходьбы. Его темные глаза постоянно оставались настороже.

— Меня зовут Джиннифер. Тот тощий парень на холме, мой друг, Боаз. Мы здесь снимали... — она замолчала, размышляя, мог ли волк вообще знать, что такое документальное кино. — Мы наблюдаем за природой. И мы не собираемся причинить тебе вред, но я полагаю, что те, кто установил эту ловушку, намеревались это сделать. В любое время они могут вернуться, и я не думаю, что смогу что-то сделать, чтобы их остановить.

Волк продолжал расхаживать. Джиннифер сделала глубокий вздох и встала, отряхивая с коленок снег.

— Так, ладно, я прямо сейчас собираюсь попробовать снять этот капкан, и это твой шанс оторвать мне голову.

За прошедший час температура в этом районе резко упала, но дрожь Джиннифер не имела ничего общего с холодом, когда она подошла к волку. Даже сейчас, когда она присела рядом с задней ногой волка, она была почти уверена, что он собирался ее укусить.

К ее ужасу, она быстро поняла, что капкан будет нелегко разжать. Она заподозрила, что он был сделан так, что открывался после смерти животного, вероятно, после того как отрубали конечность. Она не посмела сообщить это волку, который теперь наблюдал за ней с напряженным интересом.

Осторожно, она ощупала механизм блокировки. Когда справиться с ним не удалось, она положила руки по разные стороны капкана и потянула. Ее руки соскользнули, и все, в чем она преуспела, это разозлила волка, который зарычал и оскалился.

— Полегче, — сказала Джиннифер. Она оглянулась на холм, намереваясь позвать Боаза на помощь, но его нигде не было видно.

"Куда, черт побери, ты делся?"

Джиннифер прикусила нижнюю губу, которая потрескалась от сухого воздуха. Когда она снова потянула, ловушка немного приоткрылась, показывая, что если приложиться с достаточной силой, то ее можно будет открыть. Она могла попробовать сделать еще кое-что, но это будет рискованно, если она не сможет сделать это быстро.

Голыми пальцами она сможет крепче, чем в своих мягких перчатках, ухватиться за сталь. Но в зависимости от того, как долго они останутся на воздухе, ее пальцы очень быстро могут получить обморожение. Рита отморозила пальцы всего лишь через пятнадцать минут.

"Надеюсь, что я покрепче, чем она."

Джиннифер стянула перчатки и спрятала их в карман. Как только ее пальцы прикоснулись к ледяной стали, она съежилась от холода. Первые ее две попытки разжать капкан были безуспешными, но многообещающими. В третий раз она задействовала больше мышц, и капкан раскрылся на несколько сантиметров. Но в ногу волка все еще впивалось слишком много стали, и когда Джиннифер потеряла хватку, он снова захлопнулся, его зубья еще сильнее вонзились в волчью плоть.

Волк завыл от боли, и Джиннифер упала назад, откинув руки, чтобы упереться ими в снег. Но вместо того, чтобы щелкнуть на нее зубами, волк резко упал и издал протяжный, жалобный вой. Звук повторялся снова и снова, и Джиннифер поняла, что он плакал. На ее собственные глаза набежали слезы, когда она снова взглянула на дюны, напрасно ища Боаза.

— Прости, — сказала она, запихивая руки в карманы. — Пожалуйста, позволь мне попробовать еще раз.

Если волк сквозь свой плачь ее и услышал, то не подал никаких признаков. Пальцы Джиннифер уже онемели, когда она снова положила их на капкан. На этот раз она зафиксировала их между пазами створок. Она встала, но наклонилась, чтобы создать оптимальный рычаг и потянула.

Внезапно, ее пальцы больше не были онемевшими. Сталь впиалась в плоть, и ее обожгла боль. Перед глазами все поплыло, но она продолжила тянуть до тех пор, пока у нее от боли не закружилась голова. Она услышала, как ловушка щелкнула, упала назад и сама разрыдалась. Поток бессвязных извинений вырвался из ее рта, когда она прижимала к груди свои окровавленные пальцы.

Когда ее зрение пришло в норму, первое, что она увидела, был капкан, который теперь лежал на земле, закрытый и безвредный. Она два раза моргнула, и затем ее взгляд метнулся в сторону. Ожидая увидеть волка, она ахнула, увидев девушку с длинными ногами и каскадом темных волос. Девушка голой лежала на земле, и вокруг ее распростертого тела поднимался пар.

— Вот блин! — Джиннифер вскочила на ноги и быстро расстегнула свою верхнюю куртку, не обращая внимания на жжение в пальцах. Она накрыла девушку курткой, которая не двигалась, но следила за ней взглядом.

Джиннифер понимала, что без помощи Боаза она никоим образом, не сможет дотащить девушку до лагеря. Даже если бы ее пальцы не были так сильно повреждены, просто поднимать собственное тело на дюны было тяжелым делом. Не говоря уже о девушке, которая была лишь немного меньше ее по размеру.

— Боаз, — закричала она. — Немедленно тащи сюда свою задницу!

Она почувствовала досаду, потому что ее тон напомнил ей о матери. К ее облегчению, через секунду, спотыкаясь, на вершине дюны появился Боаз. Однако облегчение было недолгим. Позади него появились пятеро мужчин, один из которых ружьем подталкивал Боаза в спину.

Браконьеры.

Вот дерьмо.

Они были полностью одеты в зимний комуфляж и прорези, в которых должны были видны их глаза, были скрыты солнцезащитными очками. Ее сердце забилося, и она убрала одну руку за спину.

— Им нужен только волк, — выкрикнул Боаз. — Они сказали, что нас отпустят... погоди, а где волк?

Мужчина, держащий ружье, сильно шлепнул Боаза.

— Хватит. Там, на земле.

— И пока оно в таком виде, нам вряд ли что-нибудь перепадет, — заметил другой.

— Мы заставим его обратиться.

Что-то в том, как это произнес вооруженный мужчина, заставило желудок Джиннифер сжаться. Она не представляла, как можно было заставить вервольфа перекинуться, но могла

прийти к выводу, что это было связано с большой долей садизма.

Она видела, что у остальных тоже было оружие, но оно было привязано у них за спинами или закреплено на бедрах. В данный момент, казалось, они все были сосредоточены на девушке или Боазе, и Джиннифер поняла, что у нее вряд ли появится возможность лучше. Она бросила быстрый взгляд на девушку, чтобы укрепиться в своей решимости, и вытащила пистолет из своих штанов.

Она сняла его с предохранителя и положила палец на спусковой крючок еще до того, как он оказался перед ней. Ну, вот, она направила его на мужчину с ружьем. Все пятеро остановились. Боаз закричал и положил руки на голову.

— Ты что, в самом деле привезла это? — завизжал он.

Джиннифер его проигнорировала.

— Отпустите его и убирайтесь. Я не позволю вам ее забрать.

Мужчины остались на месте, все, за исключением мужика с ружьем, который откровенно рассмеялся.

— Ты хоть знаешь, как из этой штуки стрелять?

Если бы она не была в этот момент так сильно сосредоточена, то закатила глаза. До того, как она смогла выдать какое-нибудь клише по этому поводу, заговорил Боаз.

— Разумеется, она знает, что делает. Она Джиннифер Кастильо. Обладатель серебряной медали на Олимпиаде 2012 года в стрельбе по тарелочкам.

"Стрельба по тарелочкам? В самом деле?"

Джиннифер ухмыльнулась под своей маской.

Боаз продолжил говорить быстро, но уверенно.

— Разве вы не знаете, что такое стрельба по тарелочкам? Она снимет половину из вас, прежде чем вы успеете глазом моргнуть. И поскольку я имею огромную веру в ее способности, то предпочел бы не находиться на этой стороне огня, пока вы парни с ней спорите.

— Мы знаем, что такое стрельба по тарелочкам, — пробурчал один из мужчин.

Другой спросил:

— Вы действительно ожидаете, что мы поверим в то, что так вот запросто столкнулись с Олимпийским призером в стрельбе по тарелочкам?

Джиннифер фыркнула и свободной рукой отодвинула маску.

— Смотрите, это я. И не прикидывайтесь, что не узнали мое лицо.

— Ага, — сказал Боаз. — Она была во всех международных новостях, после того как плюнула в девушку, занявшую первое место и почти сорвала с нее медаль.

Они с Боазом могли насочинять целую историю о Джиннифер Кастильо: Олимпийской медалистке в стрельбе по тарелочкам и в общем плохой девчонке. К счастью, в этом не было необходимости, потому что мужчина с ружьем сильно толкнул Боазу в направлении Джиннифер.

— Хорошо. Забери их обоих, — сказал он. — Но ты должна знать, что остальные мои люди сейчас в твоём лагере вычищают ваши припасы. Если вы умудритесь пережить эту ночь, то утром мы можем снова поторговаться.

У Джиннифер отвисла челюсть, но хотя она не могла видеть его лица, по тому, как он приподнял подбородок, она могла определить, что он был очень в себе уверен. Но ее поразило не то, что он сказал. С мрачным восхищением она наблюдала, как позади мужчин начали меняться тени.

Позади нее тихо застонала девушка. Джиннифер медленно опустила свой пистолет, что мужчины восприняли как возможность вернуть себе преимущество. Пока остальные потянулись за своим оружием, мужчина с ружьем поднял его и нацелился прямо на Джиннифер. Она с каменным лицом посмотрела в две черные дыры ствола.

Темный призрак врезался в мужика с ружьем, фиксируясь на его руке. Одним плавным движением он крутанулся вокруг тела, сбивая, как кегли, других людей. Мужчины поспешили подняться на ноги, но как только они попытались взять в руки оружие, на них напали два волка размером поменьше.

Трое смогли вырваться, стреляя наугад. Одна пуля просвистела мимо Джиннифер, погружаясь в снег прямо между ней и Боазом. Ее друг вскрикнул и бросился прочь, крича Джиннифер следовать за ним.

Она стояла неподвижно, наблюдая за резней, развернувшейся прямо перед ней. На земле неподвижно лежали два тела, снег вокруг них окрасился в черное. Более мелкие волки погнались за беглецами. Тот, что был с белой шерстью, завалил здорового мужика на землю. Разорвав зубами его шею, он помчался за другим мужчиной, не останавливаясь, чтобы проверить свою работу.

Темный волк стоял возле мужчины с ружьем, наблюдая за другими волками, но не участвуя в погоне. Через несколько секунд он повернулся и склонил голову в ее направлении. Его блестящие глаза остановились на девушке, а затем повернулись, удерживая взгляд Джиннифер. Он начал идти к ней, его густой мех колебался при каждом шаге.

Во время движения его тело начало изменяться. Джиннифер, не мигая, наблюдала за его приближением, зачарованность взяла верх над ужасом. Она видела, как сдвигаются кости и мышцы, но волк зашел в тень, и, даже прищуриваясь, она не могла сказать, что конкретно происходит. Когда он, наконец, вышел на свет, то больше не был волком — ну, по крайней мере, внешне.

Это был мужчина, но, каким-то образом, она уже это знала. Он был на целую голову выше ее, так что его рост был намного больше шести футов. Несмотря на тяжелую мускулатуру, из-за высокого роста он не казался слишком большим. На его лице играли тени, делая его угрожающим, несмотря на привлекательные черты.

Он остановился перед ней и тыльной стороной ладони провел по рту, вытирая следы крови. Его глаза с вызовом впились в нее.

Пистолет упал на землю, но не потому, что она не думала, что он может понадобиться или чтобы продемонстрировать ему, что она не представляла угрозы. Просто ее пальцы так занемели, что не могли больше удержать пистолет.

— Я должна засунуть руки в карманы, — сказала она, побоявшись делать резкие движения, чтобы он не подумал, что она пытается достать другое оружие. Она видела, как быстро они поубивали людей, и понимала, что в своем нынешнем состоянии падет так же легко, как и они.

Она медленно двинула руки по направлению к своим карманам, но прежде, чем она успела их засунуть вовнутрь, он схватил одну, затем другую, сжимая в одном большом кулаке. Она с трудом сглотнула, и к тому времени, как выдохнула, его тепло приятными волнами начало передаваться ее рукам.

— Спасибо, — выдохнула она, глядя на его руки. Они были мозолистыми и с небольшими рубцами, но, тем не менее, его длинные пальцы делали их изящными.

— Пожалуйста, — сказал он. Его голос был греховно красивым, в его английском лишь

легкий намек на акцент. — И мне жаль.

Он взглянул на что-то позади нее, и прежде, чем Джиннифер могла спросить, за что он извиняется или последовать за его взглядом, что-то сильно ударило ее по затылку. Ее глаза расширились, и на секунду у нее в глазах все задвоилось. Затем две картинки слились воедино, мигая и уступая место темноте.

Глава 2

Джиннифер открыла глаза в темноте. Пульсирующая боль в затылке была единственным, что сообщило ей, что она уже не спит. Тем не менее, она не могла понять, почему ей было так тепло, или где она могла находиться, учитывая, что здесь не было звезд или танцующего над ней северного сияния.

— Кто ты?

Вопрос прозвучал так, будто он был произнесен прямо у нее в голове, эхом отражаясь сквозь его отделы.

— Кто ты?

— Иногда я сама задаюсь этим вопросом, — сказала она голосом, измученным жаждой. Она заставила себя сесть, вздрагивая от острой боли и накотившего головокружения. — Джиннифер. Мое имя — Джиннифер.

Она услышала, как чиркнула спичка, и когда запах серы достиг ее носа, она потеряла глаза. К тому времени, когда у нее перестало двоиться в глазах, спичку использовали, чтобы поджечь небольшой факел из веток и высушенных корней сорняков. Она уставилась на свет, мгновенно загипнотизированная потрескивающим пламенем. Затем ее глаза переместились на державшего его мужчину.

Лицо было знакомым, но в ее голове все слишком перемешалось, чтобы его узнать. Вначале она заметила его странности. Его каштановые волосы были откинута вправо, открывая ухо, в котором был странный пирсинг из серебра, выглядевший, как кость. На этой же стороне лица через прекрасной формы бровь проходил маленький шрам. Мужчина задумчиво за ней наблюдал, и когда она посмотрела ему в глаза — горящее золото в обрамлении черного кольца — то почувствовала, как будто смотрит в жерло вулкана.

— Ты волк.

Она видела трех волков, но волком был он. Именно тем, который разорвал горло мужчины с ружьем и затем, как это ни парадоксально, согрел ее руки своими.

— Так и есть, — сказал он скромно.

Впервые она поняла, насколько он был красивым, и как только она это осознала, он стал всем, что она могла видеть. Все черты его широкого лица были гармоничны и пропорциональны. Нос крупный, но не очень большой. Его губы достаточного полные, чтобы их можно было назвать чувственными, но рот при этом не был слишком широким. Ресницы были длинной, густой бахромой, окружавшей его глаза, но каким-то образом не казались женственными. Его тело было закутано в темные меха, однако именно его точеный торс врезался ей в память.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Он, казалось, обдумывал вопрос, когда устанавливал факел в мягкую землю, и, воспользовавшись этим моментом, Джиннифер осмотрела комнату. Она походила на своего рода пещеру, с низким потолком из серого камня и земляным полом. Она была маленькой, и

единственный выход, который она увидела, находился за спиной оборотня.

— Зейн, — наконец-то сказал он, заставая ее врасплох.

— Это как-то не похоже на имя вервольфа, — напрямик ответила она.

Его губы изогнулись в улыбке, отчего у нее в животе запорхали бабочки.

— Ну, тогда, может, расскажешь мне, как должно звучать имя для вервольфа?

У Джиннифер было несколько идей, но она подозревала, что вопрос был риторический.

— Где мы? И где мой друг? Ты его видел?

Она начала описывать Боаза, но Зейн отмахнулся от нее.

— Так не пойдет, — резко сказал он. — А сейчас расскажи мне, что ты здесь делаешь.

Джиннифер внутренне ошетибилась, но все равно ответила. Он ей не угрожал, и не было никаких признаков, что собирался причинить ей боль. И она хотела, чтобы все так и оставалось.

— Боаз и я прибыли сюда, чтобы снимать... — она замолчала, поднимая руки, чтобы похлопать ими по карманам. Вывернув их наизнанку, она обнаружила перчатки, но камеры там не было.

Как будто по команде, Зейн поднял ее маленький «Canon», который блеснул в свете костра. Джиннифер облизала губы.

— Это мое. Пожалуйста, отдай обратно.

Он проигнорировал ее просьбу.

— И что ты здесь снимаешь? Из того, что я здесь увидел, все, что ты хотела сделать, это рассказать самой себе о горных породах и грызунах.

Джиннифер застыла от смущения. Прежде чем сделать окончательный вариант, все, что она говорила во время съемки, тщательно проверялось. И она никогда и никому не показывала неотредактированные кадры, даже Боазу. Она постаралась вспомнить, что могло быть конкретно на этой SD карте, в надежде, что это не была та, на которой она не спала всю ночь, и, стараясь не заплакать, говорила, как сильно скучает по своей семье.

— Это личный видеоматериал, — пробормотала она, отводя взгляд. — Он для документального фильма, который я делаю — информационное видео о Нунавут (1) и, надеюсь, об оборотнях.

В его глазах появился опасный блеск.

— Ты пришла сюда, чтобы снимать оборотней?

— Чтобы помочь оборотням, — сказала она. — Мне просто нужно показать людям, что ваш вид так же достоин прав человека, как и мы. И что вас нужно защищать, а не охотиться ради прибыли.

Зейн откинулся назад, опершись локтем на каменный выступ. Он что-то хмыкнул в знак благодарности, но в остальном, казалось, просто над ней посмеивался.

— Я уже делала такое раньше, — сказала она, поджав губы. — Все, что мне нужно, это на несколько недель остаться в стае и снять повседневную жизнь вашего вида. Если ты поможешь мне, я обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы остановить охоту на оборотней.

Зейн нахмурился.

— Ты ожидаешь, что я приведу тебя в мою стаю и позволю их снимать? Каким образом, раскрывая передвижения моей стаи и расположение логова, можно остановить на нас охоту? С таким же успехом я могу привести тебя сюда, чтобы ты сделала дорожную карту и поставила знаки, ведущие браконьеров прямо к нам.

Джиннифер попыталась вставить слово, но он ее перебил.

— Или ты думаешь, что я настолько альтруист, что пожертвую безопасностью своей стаи ради блага всех оборотней? Уверяю тебя, мне плевать на другие стаи. Я защищаю то, что принадлежит мне. И ничего больше.

— Тогда, что насчет той девушки, что я спасла? — быстро спросила она, беспокоясь о том, что будет услышана. — Если бы меня там не было, браконьеры могли...

— Они никогда бы к ней не прикоснулись, — сказал он. — Мы были там еще до рассвета и собирались ее отпустить, если бы браконьеры не появились до следующего утра.

Ее брови приподнялись, и она почувствовала, как от лица отхлынула кровь.

— Вы использовали эту бедную девушку, как приманку?

— Нет, — сказал он, его губы превратились в жесткую линию. — Она сама оказалась в таком положении. Мы просто воспользовались ситуацией.

— Так вы там были все это время? — спросила она. — Слушая, как она звала на помощь?

Он приподнял бровь.

— А вы?

Она заткнулась. Если он был здесь весь день, то мог видеть ее и Боаза на дюне, снимавших в течение двух часов, пока волк боролся со стальным капканом. Они были готовы наблюдать, как она умирает: либо от рук браконьеров, либо от сил природы. Она могла бы попытаться это оправдать, объясняя, как такая сцена добавит ее документальному фильму эмоциональный удар, необходимый, чтобы вызвать резонанс. Но поняла, что у него тоже были собственные оправдания.

— Справедливо, — тихо сказала она.

Он кивнул головой в знак одобрения.

— Почему ты попыталась ей помочь?

Она моргнула и снова встретилась с ним взглядом. Ее нервировал его пристальный и пугающий взгляд, но она не позволила этому поколебать ее спокойствие.

— Полагаю, это был мой гедонизм (2), — сказала она и подумала, был ли он знаком с этим словом. Учитывая, что он использовал слово альтруизм, она решила не оскорблять объяснениями его очевидный интеллект. — Я понимала, что если ее не спасу, то буду чувствовать вину, а мне не хотелось разбираться со своей совестью.

Он снова кивнул, как будто это имело для него смысл. Затем он сказал нечто совершенно неожиданное.

— Девушку, которую ты пыталась защитить, зовут Индиго, и она моя сестра. — он помолчал, давая ей несколько секунд переварить информацию. — Независимо от твоей мотивации или отсутствия для нее опасности, ты была готова отдать жизнь за одну из моих, и поэтому я у тебя в долгу. Ты можешь вернуться со мной к моему логову и снимать, однако, мне решать, что ты снимешь на пленку, и какой материал заберешь с собой, когда уйдешь.

Вставая, он вытащил из земли факел и сделал шаг вперед, предлагая ей свою руку.

Как правило, Джиннифер никогда не соглашалась на условия, подавляющие ее креативность, но сейчас она все еще находилась в восторге от своей удачи. Когда она приняла решение отправиться в Нунавут, она ожидала, что будет наблюдать за стаей вервольфов издали, но это предложение было лучшей возможностью всей ее жизни. Даже если ей позволят уйти всего лишь с несколькими кадрами материала о жизни оборотней, у нее уже было больше, чем у любого другого режиссера. Независимого или работающего на

студию.

Она взяла его за руку, чтобы пожать, но вместо этого, он потянул ее вверх. Между ними оказалось всего лишь несколько дюймов, и ей пришлось вытянуть шею, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Договорились, — сказала она, надеясь, что это не прозвучало слишком нетерпеливо.

Его ноздри встрепетались, и что-то в его поведении на мгновение изменилось, но так быстро прошло, что она не смогла точно определить, что это было.

— Хорошо. А сейчас я отведу тебя к твоему спутнику.

* * *

Когда Зейн передал ей факел, она вопросительно на него посмотрела.

— Мне это не нужно, — сказал он, хотя это лишь отчасти было верно. Они были глубоко под землей, так что проход был темным, как смола, и даже он не мог видеть в полной темноте. Но там, где факел позволял человеку видеть на несколько шагов перед собой, ему такой свет помогал увидеть на большем расстоянии.

Проход был таким широким, что в нем поместились бы десять человек, но недостаточно высоким. Так что ему при ходьбе пришлось наклонять голову. Он заметил, что человек тоже пригибалась, хотя в основном для того, чтобы не столкнуться с ледяными сталактитами. Тем не менее, она была высокой, намного выше любой человеческой женщины, какую он встречал. Даже выше, чем большинство женщин в его стае.

Он заставил ее идти впереди. Ему не нравилось, когда кто-то был у него за спиной, тем более незнакомец. Он чувствовал ее запах, и хотя тот нес мускусный запах путешествия, Зейн мог определить женственный оттенок, который нашел довольно приятным. Где-то внутри него его волк поднял голову в безмолвном размышлении.

Она продолжала, улыбаясь, поглядывать на него через плечо, как будто просто убеждаясь, что он все еще был здесь. Но он мог сказать по тому, как от нервов у нее над бровями выступил пот, она думала, что он мог завести ее в ловушку. Зейн предположил, что это просто был инстинкт. В конце концов, по сравнению с ним, она с таким же успехом могла быть зайчонком на открытых равнинах, и он находил это слегка раздражающим.

— Прекрати! Нет, пожалуйста, не делай этого!

Зейн узнал голос человеческого мужчины и недовольно сжал губы.

"Тэллоу", — он внутренне застонал.

От этих звуков человек оживилась. Резко вздохнув и забыв о здравом смысле, она побежала по скользкому проходу. Ее сапоги достаточно хорошо удерживали ее на льду, но он знал, что один неверный шаг мог означать сломанную шею.

У нее были длинные ноги, и для него стало своего рода вызовом ее догнать, и ему это удалось. Так как дальше был поворот, он как раз вовремя успел обхватить ее за талию, предотвращая падение головой вперед в глухую стену. Факел с грохотом упал на землю и погас, удачно найдя на своем пути неглубокую лужу.

Должно быть, она увидела стену в самый последний момент, потому что пробормотала извинения и слова благодарности. Зейн не сразу ее отпустил, так как оказался на мгновение пленен ее ростом. С ее спиной прижатой к его груди, он мог удобно положить подбородок на ее голову. Что он и сделал. А затем замер, вдыхая запах ее мягких волос.

Зейн впервые положил на нее глаз еще до того, как она столкнулась с Индиго. Он

выследил ее и ее спутника в их лагере, когда они завтракали, сидя вокруг маленького костра. Было очевидно, что они не браконьеры, хотя в то время он не мог установить, для чего они там были. И, наблюдая за ней, даже совсем недолго, он слегка возбудился.

Ощущение было немного сильнее, чем обычно, когда его окружали человеческие женщины, но мужчина решил, что это потому, что Джиннифер была исключительно привлекательной. Из-за многочисленных слоев одежды он не мог разглядеть формы ее тела, но лицо было экзотически красивым. И если бы он не был занят, то смог бы последить за ней день или два, просто чтобы продолжить ею любоваться.

Теперь, когда ее тело прижималось к нему, его прежнее возбуждение было ничем по сравнению с тем, что он чувствовал сейчас. Горячая кровь устремилась к его паху, и через несколько ударов сердца его тело было готово заявить на нее свои права. Мех встал дыбом прямо у него под кожей, когда его волк потерялся об нее, уговаривая Зейна выпустить того на свободу.

Неожиданно Зейн сделал шаг назад. У него перехватило горло, когда он сказал, — Возьми меня за руку. Я тебя поведу.

Она издала утвердительный звук, и ему захотелось увидеть ее лицо. Он не мог не задаться вопросом, чувствовала ли она тоже возбуждение, и не маскировали ли слои одежды от него ее запах. Он решил, что так или иначе, было даже лучше, что он этого не знал.

Вместо того чтобы использовать зрение, он использовал поток воздуха, пока вдалеке не появился свет. Он мог слышать, как разговаривала Тэллоу, и к тому моменту, как они добрались до комнаты, ему уже было весело.

Маленькая пещера была похожа на ту, в которой он держал Джиннифер, за исключением того, что ее освещали две свечи, и она была немного теплее. Последнее из-за количества тел в комнате. Бриз сидела возле двери, прикрывая улыбку рукой. Она взглянула на входящего в комнату Зейна, ее голубые глаза искрились весельем.

— Я за всю свою жизнь не встречала мужчины, так боящегося щекотки, — сказала она, кивая в сторону пары в дальнем конце комнаты.

Человеческий мужчина был прижат к Тэллоу, которая стояла над ним на четвереньках, расставив ноги по его бокам. Она ничего активно не предпринимала, хотя мужчина под ней все еще извивался и протестовал, его лицо покраснело, а дыхание было неровным.

Тэллоу смотрела прямо на Зейна.

— Ты сказал мне, что я не могу причинить ему боль, — сказала она, хотя защитное поведение противоречило невинному выражению лица.

Джиннифер плечом оттолкнула Зейна и сжала руки в кулаки.

— Отвали от него!

Тэллоу насмешливо ей улыбнулась, но острый взгляд Зейна её осадил. Она скатилась с него, улеглась рядом и подперла голову рукой.

— Что ты с ним сделала? — спросила Джиннифер, присев рядом с мужчиной. Она положила его голову себе на колени.

— У него астма. Ты что не видишь, что ему трудно дышать?

Зейн был лишь смутно знаком с недугом, так как он вообще не касался оборотней.

Мужчина взглянул на Джиннифер.

— Я в порядке, не волнуйся. Я отдышусь, просто мне нужно немного пространства.

Неуловимым движением руки Зейн поманил Тэллоу к себе. Она раздраженно выдохнула, встала и побрела к нему, встав между ним и Бриз. Его глаза оставались на

Джиннифер и мужчине, лежавшем у нее на коленях. Который, по его мнению, был чуть старше, чем несовершеннолетний.

Ее запах был на нем, а его на ней. Однако он обнаружил, что с трудом мог представить их парой, и мысль о том, что они были вместе, взбудоражила его уже возбужденного волка. Он унюхал конкуренцию и хотел продемонстрировать свою превосходную силу и мастерство.

Было странно чувствовать своего волка таким активным. Он был практически безмолвным на протяжении многих месяцев, томясь в каком-то углублении его сущности. В течение некоторого времени это ощущалось так, как будто ничто не могло его взволновать: ни длинный бег, ни острые ощущения от охоты.

— Он мне нравится, — сказала Тэллоу, сложив руки под грудью.

Он искоса на нее взглянул, ища признаки ухмылки. Когда ничего не нашел, спросил.

— И что в нем может нравиться?

— Он милый, — сказала Бриз в своей обычной, беззаботной манере. — Он мне напоминает детеныша карибу, особенно своими тощими ногами.

Теперь уже ухмылялась Тэллоу.

— Думаю, я приберегу его для себя.

Он тупо на нее посмотрел.

— Он же мальчик.

— Какой же он мальчик. Ему уже двадцать шесть.

— И откуда ты это узнала? — спросил он.

— Шутишь, что ли? — спросила Тэллоу, перебрасывая толстый жгут светло-золотистых волос на одно плечо. — Да я уже через десять минут знала, в какую начальную школу он ходил и девичью фамилию его прабабушки.

Губы Зейна искривились, впрочем, его веселье быстро сошло на нет, когда его глаза метнулись обратно к двум людям. Мужчина перестал хрипеть, но Джиннифер до сих пор держала его голову на своих коленях и теперь уже нежно гладила его по волосам. Он услышал, как его волк фыркнул и потрянул головой.

— Что можно хотеть от такого мужчины, как он? — рассеянно спросил он.

Тэллоу молчала достаточно долго, чтобы привлечь его внимание. На ее лице появилась тень уязвимости, которая очень быстро сменилась надменным выражением.

— У этого мужчины никогда не было такой женщины, как я. Он будет меня боготворить.

Улыбка Зейна вернулась, но он не стал комментировать.

— Я собираюсь посмотреть, готов ли Кува. Как только он будет в стабильном состоянии, выводите их на поверхность.

Он ушел тем же путем, каким пришел, и к тому моменту, когда он оказался снаружи, его волк снова стал тихим и подавленным. Тем не менее, у него появилось чувство, что что-то внутри него туго скрутилось, подобно сильно сжатой металлической пружине.

Глава 3

— Разве это не ваше логово? — спросила Джиннифер, оглядываясь на пещеру, из которой они вышли. При всей ее глубине и разветвленных проходах, вход в нее оказался просто узкой шахтой, начинавшейся между двух валунов.

Тэллоу через плечо посмотрела на расщелину. Женщина была почти такой же высокой, как и Джиннифер. Она щеголяла спортивным телосложением и светло-золотистыми, почти белого цвета, волосами. Цвет ее волос контрастировал с ее темно-коричневой кожей, которая, как и ее лицо с выраженными скулами и раскосыми глазами, говорила об Инуитах (3) в ее родословной. Она была бы привлекательна в своей уникальности, если бы ее не портило сквернословие.

— Этот кусок дерьма? Черт, нет. Ты что, думаешь, мы какие-то гребанные пещерные люди?

Другая женщина, которая представилась как Бриз, шла рядом с ними, весело улыбаясь.

— Наше логово самое красивое из всех, какое ты когда-либо видела.

После того, как у Боаза прошел приступ астмы, им на двоих дали флягу холодной воды вместе с несколькими кусочками солонины. Но еще до того, как они начали жевать, Тэллоу попросила их подняться и последовать к выходу.

Тэллоу фыркнула.

— Да не слушайте вы ее. Это такое же логово, как и любое другое, какое она видела.

— Ты этого не знаешь, — запротестовала Бриз.

Пока девушки продолжали спорить, внимание Джиннифер переместилось вперед, туда, где стоял Зейн, разговаривая с крепким и сравнительно невысоким мужчиной. Бегло взглянув, она отметила, что у незнакомца были длинные заплетенные в косу волосы и густая борода. Но затем ее взгляд переместился на более высокого мужчину. В утреннем свете Зейн казался еще более привлекательным, чем раньше. То, как он себя держал с небрежной властью человека, привыкшего, что ему подчинялись, совпало с ее общим о нем впечатлением. Он лидер, по крайней мере, этой небольшой группы.

Она попыталась представить его лидером всей стаи, однако это было трудно. Несмотря на его размеры и манеру держаться, у него не было взгляда умудренного жизнью человека, которого она ожидала увидеть у мужчины, занимающего такое положение. К тому же он выглядел слишком молодым; она не могла представить, чтобы он был старше двадцати восьми — тридцати лет.

— Ух ты, наши вещи у них! — восклицание Боаза прервало ее размышления, и она увидела, что всего в нескольких футах перед ними аккуратной стопкой были сложены все вещи из их лагеря.

Боаз побежал вперед, упал на колени пред своей камерой Volex D16, которую, как подозревала Джиннифер, он любил больше, чем некоторых своих родственников.

— Я думал, что потерял тебя навсегда, — сказал он, прижимая эту часть оборудования к своей груди.

К нему подошла Бриз, и Джиннифер смутно осознала, что она рассказывала ему, где они нашли камеру. Ее глаза продолжали возвращаться к Зейну, и она даже не поняла, что остановилась, пока Тэллоу не пихнула ее локтем в бок. Джиннифер рефлекторно бросила на нее сердитый взгляд, но когда поймала понимающий взгляд женщины, опустила глаза.

— Мне было просто интересно, кем был другой мужчина, — сказала она быстро. — Прощлой ночью я видела только двух других волков, тебя и Бриз.

— Меня ты не видела, — ответила она. — Он был серым волком, которого ты видела, Бриз была белым. А я та, кто стукнул тебя по башке.

Вот теперь у Джиннифер был хороший повод посмотреть на нее сердито. Она до сих пор из-за этого злилась, особенно с учетом того, что она, очевидно, была на их стороне.

— Хочешь выяснить, являешься ли его типом? — спросила Тэллоу, и сердитый взгляд Джиннифер исчез, когда она нахмурила брови.

— Чьим типом?

— Не пытайся быть миленькой. Я вижу, как ты на него смотришь. Я тоже так на него поглядывала, когда только приехала к Силуит. Но, в конце концов, девушка устает гоняться за пустотой. Понимаешь, что я имею в виду?

— Не совсем, нет.

Тэллоу оценивающе на нее посмотрела, после чего ее взгляд стал покровительственным.

— Уверена, что не понимаешь. К такой милашке, как ты, мужики наверняка падали штабелями с того дня, как ты научилась хлопать ресницами.

Джиннифер сжала зубы и уже собиралась поставить Тэллоу на место, или, по крайней мере, попытаться, когда в разговор влез Боаз.

— Шутишь? — сказал он. — По Джиннифер мужики на четырех разных континентах чахнут. Одно время, когда мы были в Уганде, один представитель племени предложил мне стадо из двадцати коз в обмен на Джиннифер. Что, если ты знаешь об африканских ценах за невесту, было астрономически щедрым, учитывая, что у нее не было абсолютно ничего в качестве приданного.

Джиннифер дала ему небрежный подзатыльник, от которого Боаз легко увернулся.

— Очевидно, что тот пастух был более проницательным, чем ты, — сказала она.

Боаз ухмыльнулся, но продолжил, по-прежнему разговаривая с Тэллоу.

— Хотя, если серьезно, то ты ошибаешься. Ее никто, кроме Аарона, не интересуется. Одна из причин, почему мы снимаем в самом конце зимы, это то, что нам нужно все завершить до их свадьбы в конце лета.

При упоминании о женихе, Джиннифер сразу же протрезвела. Она ни разу о нем не вспоминала, начиная с той ночи два дня назад, когда проснулась от эрекции Боаза, толкающей ее в зад. Она лежала там, смеясь, и ей было лень вставать. До тех пор, пока не появился образ Аарона с неодобрительным выражением лица. Когда она больше не могла этого вынести, она встала и переползла в холодный угол палатки.

Тэллоу, казалось, минуту обдумывала эту информацию и прежде, чем она успела еще что-то сказать, Зейн жестом подозвал их к себе. Джиннифер схватила две их сумки и последовала за другими, надеясь, что он не подслушал их разговор.

Он ее не интересовал, по крайней мере, не так, как думала Тэллоу. Перед поездкой в Нунавут, она погрузилась в чтение литературы про оборотней, но за несколькими исключениями книги в значительной степени были сосредоточены на различиях между оборотнями и людьми. Что ее поразило, так это насколько Зейн и остальные были схожи с людьми.

Зейн был потрясающий, и Джиннифер не стала бы отрицать, что именно это было причиной, почему она нашла конкретно его завораживающим. Признание, что она находила другого мужчину привлекательным, не означало предавать Аарона. И она подумала, что это дважды верно, с учетом того, что Зейн вовсе не был человеком. Он был волком.

Очень красивым волком.

Зейн что-то сказал Тэллоу, и Джиннифер догнала их в тот момент, когда Тэллоу шлепнула Боаза по заднице.

— Ты это слышал, птичьи ножки? Ты сегодня поскачешь верхом на мне.

Боаз побледнел.

— Поскачу на тебе верхом? Ты имеешь в виду...

— Заберешься мне на спину, когда я обернусь. Плотно сожмешь ногами мои бока, — она погрозила ему пальцем. — И пока за нами не погонятся бешеные медведи, даже не подумаешь хвататься за мою шерсть.

Как только последнее слово вылетело из ее рта, Тэллоу превратилась. Шкура, которую она носила, исчезла, и Боазу пришлось отойти назад, чтобы его не сбил бледно — золотистый волк. Она была не настолько огромной, как Зейн в его волчьей форме, но выглядела достаточно большой, чтобы нести Боаза. Хотя Джиннифер предположила, что это будет неудобно им обоим.

— Мы можем пойти пешком, — сказала Джиннифер, обращаясь к Зейну. Однако там, где он до этого стоял, было пусто. Здесь оставался только второй мужчина, который снисходительно ей улыбался.

— Вы не сможете идти с той же скоростью, что и мы, — сказал он.

Он говорил с сильным акцентом, который она не распознала, и медленно, тщательно подбирая слова. Он протянул крупную руку.

— Меня зовут Кувагиигай. Кува, если тебе угодно.

Джиннифер взяла ее и крепко пожала.

— Джиннифер. Джин, если тебе угодно. Только не зови меня Джинни.

— Ну, тогда Джин, — сказал он, слегка кланяясь. — Сегодня ты поскачешь на мне.

Только забравшись на спину серому волку, Джиннифер вспомнила, что не спросила, как далеко они были от логова. Она неохотно на нем устроилась, напоминая себе, что приключение заключалось в путешествии, а не в пункте назначения.

В отличие от Тэллоу, которая отчалила, как только Боаз взобрался ей на спину, Кува подождал, пока Джиннифер не устроилась поудобнее, и убедился, что ее вещи надежно закреплены. Верховая езда не была ей совершенно незнакома, так как она в течение трех лет, еще учась в старших классах, была членом конноспортивного клуба. Тем не менее, ей не приходилось ездить без седла, и она определенно не привыкла отдавать полный контроль своей лошади.

Когда Кува пошел легкой рысью, ей было достаточно удобно сидеть на нем верхом, и она немного расслабилась. Затем осмотрела территорию, ища знакомые ориентиры на местности, через которую они проходили.

Как будто притянутые магнитом, ее глаза снова нашли Зейна. Он был в волчьей форме и сидел на каменистом холме. Рядом, подтянув колени к груди, сидела молодая женщина, которую они встретили предыдущей ночью. Она сгорбила плечи и отвернула от него голову. Джиннифер попыталась разглядеть ее лицо, но между ними было слишком большое расстояние. Постепенно Кува ускорился, и вскоре Зейн и его сестра исчезли за холмами.

Через некоторое время, после того, как солнце уже было в зените, они их догнали. Зейн бежал рядом с ними, его сестра лежала на его спине, не крепко обхватив его длинную шею. Джиннифер поприветствовала ее, но лицо Индиго покраснело, и она отвернулась, ничего не ответив.

Группа в дневное время сделала две остановки, достаточные только для того, чтобы пописать и сделать несколько глотков воды. У Боаза был мешок с едой, и во второй половине дня он бросил ей протеиновый батончик, из-за которого она почувствовала себя еще голоднее, чем была до того, как его съела.

Когда они, наконец, снова стали замедляться, ее цифровые часы высветили неоновым зеленым цветом цифры 19:00. На этот раз место для остановки выбирали более тщательно, и она поняла, что они здесь заночуют.

Она вздохнула с облегчением, когда сползла со спины Кувы. Ее ноги немного дрожали, бедра нещадно ломило, но Боаз был в гораздо худшем состоянии. Он свалился со спины Тэллоу головой вперед, в последнюю минуту поднимая руки, чтобы спасти ее от каменистой почвы. Джиннифер пошла, чтобы помочь, но прежде чем она до него добралась, Тэллоу уже изменилась и поднимала его, закинув одну его руку себе на плечи.

— Мы здесь останавливаемся? — спросил Боаз, одновременно с надеждой и скептически.

Они остановились в небольшой котловине, между двумя крутыми холмами. На потрескавшихся серых камнях были разбросаны пятна снега, и от лежавшего под ногами лишайника шаги получались пружинистыми. Хотя естественные барьеры прикрывали с боков, холодный ветер все еще змеился через эту территорию, пробираясь под ее защитную маску.

— На ночь остановимся здесь, — сказала Бриз, снова находясь в своей человеческой форме и кутаясь в рыжеватую шкуру карибу.

В этот момент Джиннифер поняла, что они кое-что забыли. Их палатки. По мрачному выражению лица Боаза было ясно, что он пришел к такому же заключению.

— Мы не можем здесь находиться в такой холод, — сказал он.

— Не переживай, — сказала Тэллоу.

Она взяла большого размера шкуру, которую носила, и завернула в нее их обоих. Когда она это сделала, Джиннифер мельком увидела ее голое тело, и ее глаза округлились.

Тэллоу фыркнула в ее сторону.

— Видишь что-то, что тебе нравится?

Джиннифер проигнорировала насмешку.

— И это все, что тебе нужно, чтобы оставаться в тепле? Что насчет ног?

Оборотень холодно на нее посмотрела.

— Просто потому, что мы выглядим, как люди, не означает, что наши тела работают также.

— Они больше похожи на волчьи, — сказал Кува более дружелюбным тоном. — Выглядят так же, но все же отличаются. Мы можем бегать быстрее, охотиться дольше и можем дольше обходиться без еды.

— А холод вас не беспокоит? — спросила Джиннифер. — Даже без шерсти?

— Это беспокойство, — сказал он. — Но не более. Мы не страдаем от холода, во всяком случае, не так, как люди.

Словно подчеркивая свою точку зрения, он обернул тяжелую шкуру вокруг ее шеи. У нее была длинная серая шерсть, и она свисала ниже ее колен.

— Для того, чтобы держать тебя в тепле, — сказал он ей.

* * *

— Держу пари, он бы хотел держать ее в тепле. — сказала Индиго заговорщицким шепотом.

Зейн прикрыл лицо сестры рукой и легонько толкнул.

— Означает ли это, что ты перестала дуться?

— Я не дулась, — сказала она, отталкивая его руку. — Я смирилась с фактом, насколько я тебя не выношу и примирила его с фактом, что никогда не смогу сбежать от твоего деспотического режима.

Зейн скрыл свое веселье многострадальным вздохом.

— Убежишь снова, и я лично доставлю тебя к Амарок. Выживешь там в течение нескольких недель, и я выслушаю все, что ты захочешь сказать по поводу тирании.

Индиго знала, что это был всего лишь блеф, но так или иначе, она заткнулась. Выражение ее лица снова стало угрюмым, она отвернулась и устремила свой взор на горизонт.

Было время, когда Зейн понимал мысли младшей сестренки лучше, чем свои собственные. Ее потребности были простыми, она мало чего хотела. Она говорила все, что было у нее на уме, и могла пошутить над чем угодно. Он бы все отдал, лишь бы вернуть ту язвительную маленькую болтушку, взамен этой темпераментной, задумчивой незнакомки.

— Она нравится Куве, — неожиданно сказала Индиго.

Зейн проследовал за ее взглядом, туда, где Кува сидел рядом с человеком, показывая ей, как огнем зажечь огонь. Прошлой ночью Зейн проверил ее имущество и знал, что у нее были более эффективные средства для разжигания костра. Однако она с большим интересом наклонилась к куче хвороста, держа в руках камеру. Когда появились первые огоньки, она от удивления приоткрыла рот, и ее глаза заблестели от очарования. Кува засиял от гордости, и можно было подумать, что он был первым мужчиной, который зажег огонь.

— Куве понравится любая человеческая женщина, у которой есть пульс, — сказал Зейн. Он постарался звучать пренебрежительно, но горечь была очевидна, даже для его собственных ушей.

— Она тебе нравится.

Это не был вопрос, и Зейн не стал оскорблять ее интеллект, отрицая это.

— Мой волк... — он попытался подобрать наиболее щадящий способ это объяснить, но Индиго не стала ждать.

— Хочет стать с ней парой?

Зейн положил руку на затылок и потянул шею, разминая ее.

— Только потому, что мой волк ее хочет, не означает, что я собираюсь стать с ней парой.

Индиго пожала плечами.

— Когда мой волк хочет что-то, я к нему прислушиваюсь.

— Это потому, что тебе не хватает самоконтроля.

— Может быть, — сказала она, толкая его в плечо. — Но думаю, что я намного счастливее, чем ты.

Зейн потерял переносицу, наблюдая, как сестра обернулась. Бинты, которые он аккуратно наложил, натянулись и затем лопнули, когда стройная человеческая нога превратилась в заднюю лапу. Она на минуту захромала, но затем выправилась и продолжила идти, лишь слегка шадя травмированную ногу.

Она уходила из лагеря, но он не сделал ни одного движения, чтобы ее остановить. Он знал, что в ее состоянии она далеко не уйдет, и он так же знал, что из нее получится паршивый компаньон, если ему придется тащить ее обратно. Мужчина спустился с каменистого холма, его острый слух уловил, о чем говорили остальные.

Бриз разговаривала с Кувой о том, чтобы пойти на охоту, хотя Кува, казалось, слушал в пол уха. Остальная часть его внимания сосредоточилась на сидевшей рядом человеческой женщине. Джиннифер сейчас тесно прижалась к Боазу, и они вдвоем рассматривали кадры на ее камере. Она комментировала какую-то часть и что-то говорила о том, что она тряслась сильнее, чем бы ей хотелось. А в это время Кува заглядывал через ее плечо, почти положив на него подбородок.

— Я не уверена, — услышал он, как сказала Джиннифер. — Я никогда не думала, что будет такой уровень погружения, даже не знаю с чего начать.

— Послушай, мы сделаем то же самое, что мы делали с Масаи. Мы возьмем интервью у всех, кто захочет, и посмотрим, что мы попутно сможем снять.

Джиннифер кивала головой, а в это время за спиной Боаза появилась Тэллоу и схватила большее по размеру записывающее устройство, лежавшее у него на коленях.

— Я дам тебе интервью, — заявила она. Тэллоу начала в случайном порядке нажимать кнопки на устройстве. — Как эта штука работает?

Лицо Боаза стало бескровным, когда он подскочил и попытался вырвать у Тэллоу камеру обратно. Она без особых усилий увернулась.

— Пожалуйста, положи ее обратно, — с беспокойством сказал он. — Она обошлась мне дороже, чем моя...

Она помахала камерой перед его лицом.

— Расскажи, как это работает, и, может быть, я отдам ее обратно.

Тэллоу позволила Боазу показать ей, как записывать, и развернула камеру так, что объектив был направлен на ее лицо. Преувеличенно формальным тоном она сказала:

— Приветствую, люди. Меня зовут Тэллоу, я принцесса Седна (4), Королева Сука Силуит (5), а еще я милее всех на свете.

Она продолжила сама себя снимать, уклоняясь от попыток Боаза забрать камеру обратно. Когда Зейн подошел к костру, Бриз удостоила его улыбкой, а Кува уважительно кивнул. Джиннифер взглянула вверх, ее светло-карие глаза казались больше, чем обычно, и Зейн как бы невзначай сел рядом с ней, занимая место, которое освободил Боаз. Он вытянул свои длинные ноги к огню, но прежде, чем повернуть голову в ее сторону, подождал, пока она сама заговорит.

— Тэллоу на самом деле принцесса? — недоверчиво спросила она.

Кува ответил раньше него, что Зейн нашел раздражающим.

— Ее мать была альфой стаи Седна, и ее мать до нее. Тэллоу является наследницей, но не может быть альфой.

— Ее мать... — задумчиво сказала Джиннифер. — Я думала, альфой может быть только мужчина. А женщины оборотни не могут иметь детей, и поэтому вы спариваетесь с людьми, правильно?

Зейн мог видеть, как работает ум Кувы, чтобы перевести вопрос и сформулировать его ответы. Он воспользовался паузой и ответил вместо бета-самца.

— Седна матриархальная стая, — сказал он, ловя ее внимание. — С момента ее возникновения ею правили женщины. Наши женщины не всегда были стерильными, и спаривание с людьми для нас относительно ново. Сто лет тому назад потомки между оборотнями и людьми считались полукровками.

Пока он говорил, Джиннифер поспешила начать все записывать. Во время короткой паузы она робко на него взглянула и спросила,

— Вы не возражаете? Это невероятно интересно.

Он кивнул в знак согласия.

— В то время стаи были меньше, не больше, чем десять — двенадцать волков. Обычно семья с доминирующей парой, дающей потомство. Мы не знаем почему, но в течение следующих двух поколений родившихся живыми стало меньше, пока наши женщины вообще больше не могли зачать. Взаимоотношения изменились, и в большинстве стай женщин-оборотней стали игнорировать, отдавая предпочтение спариванию с людьми.

— Седна уникальна в том, что их главные самки все еще способны иметь щенков, хотя и с пониженной плодовитостью.

Джиннифер через плечо оглянулась на Тэллоу. Если Тэллоу и слушала, она не подала вида и, похоже, была полностью поглощена Боазом и камерой.

— Ну, так Тэллоу может иметь детей?

Ее нос чуть-чуть сморщился, в результате чего губы Зейна дернулись.

— Нет. Вот почему она все еще здесь, а не заняла место ее тетки в качестве альфы Седна.

— Ее тетя может иметь детей?

— Сын и две дочери.

— Ничего себе, это удивительно, — сказала она, в улыбке обнажив ряд прекрасных зубов. — А что насчет другой стаи, которую она упоминала, Сил... Сил...

— Силуит, — сказал Кува, желая снова включить себя в разговор. — Силуит — это наша стая.

— Моя стая, — сказал Зейн, прежде чем смог себя остановить.

И сразу же стиснул зубы. Это не было похоже на то, что он был такой гордый. Он признал, что частично это было из-за его волка — его основных инстинктов — который хотел произвести на нее впечатление. Чтобы показать ей, что он будет лучшей парой, чем Кува.

— Так ты альфа? — спросила она, округлив глаза. Возбуждение на ее лице заставило его выпятить грудь, и внезапно его больше не заботило, что он мог произвести впечатление высокомерного человека.

Джиннифер начала забрасывать его вопросами о его стае, на которые он отвечал, правда, с некоторыми оговорками. Он не думал, что она может преднамеренно использовать эту информацию против его стаи, но он по-прежнему настороженно относился к посторонним.

Пока они говорили, Бриз уснула возле огня. Тэллоу, в конце концов, наскучило снимать саму себя, и она громко объявила, что собирается спать. Она потащила Боаза к нише в скале, где превратилась и устроила для него кровать между своими согнутыми конечностями. Человек нерешительно протестовал, особенно когда она начала умыть его лохматую голову своим языком. Но достаточно быстро заснул.

Зейн наблюдал за Джиннифер, ища какой-нибудь реакции на то, как Тэллоу обращалась с человеческим мужчиной. Казалось, ее это больше забавляло, что подтверждало его мнение о том, что эти двое не были связанной между собой узам.

Из подслушанного раньше разговора он знал, что у Джиннифер был другой мужчина, но его волк быстро отклонил его в качестве реального конкурента. Ни один мужчина не позволит своей женщине оказаться в таком опасном положении без его защиты.

"Если ей позволить, — подумал Зейн, — она может задавать ему вопросы до рассвета."

Но он знал, что ей нужно поспать, так что, в конце концов, он сделал вид, что устал и встал, чтобы поискать Индиго. Он ужасно хотел остаться с ней, закрыть ее своей собственной шерстью. Хотел, чтобы она уснула рядом с ним, окутанная его теплом.

Но она не была предназначена для него, не могла быть его. И если бы он это сделал, то ему было бы гораздо труднее не напоминать себе о том, что случится, когда они доберутся до логова. Лучше, если она будет спать рядом с Кувой, и утром будет носить его запах. Возможно, тогда его волк начнет принимать то, что Зейн уже знал.

Глава 4

Джиннифер спала ужасно. Она не могла крепко уснуть не из-за холода или ветра, а из-за того, что боялась, что может раскрыться. Она продолжала просыпаться ночью, чтобы поправить одеяла, боясь, что какая-нибудь конечность выскользнет, и она проснется с серьезным обморожением.

В конце концов, от изнеможения она крепко заснула только для того, чтобы быть грубо разбуженной ярким светом утреннего солнца. Она села, чувствуя, как неприятно болят мышцы и кости, однако, неожиданно оказалась в тепле. Заметив, что в дополнение к меху, что ей дал Кува, на ней сверху лежал еще один мех более темного цвета, она сняла перчатку и задумчиво провела пальцем по гладкой шкуре цвета эспрессо.

Огонь какое-то время назад потух, и в маленьком каменном круге оставалась только грудa пепла. Боаз, клацая зубами, сидел, сторбившись над ним, как будто пытался согреться фантомным теплом костра, погасшим несколько часов назад.

— Д-Доброе утро, — сказал он, поднимаясь и опускаясь с носка на пятку.

— И тебе доброе утро. Где все?

Рядом с нише, она заметила Тэллоу, все еще дремавшую в волчьей форме. К удивлению Джиннифер, там была и Индиго, сидевшая недалеко от Боаза, повернувшись к ним спиной.

— Бриз ушла пробежаться, а парни сказали, что пошли охотиться. Я им сказал, что у нас достаточно еды, которой мы можем поделиться, но, полагаю, энергетические батончики их не интересуют.

— А на что они охотятся? — спросила Джиннифер. — Они сказали, когда вернуться?

— Они охотятся на кроликов, — сказала Индиго, по-прежнему на них не глядя. В отличие от ее брата, у нее вообще не было акцента. — Хотя я подозреваю, что Зейн притащит целое стадо карибу, если подумает, что это тебя впечатлит.

Джиннифер нахмурилась, но не стала комментировать ее замечание. Вместо этого она спросила: — Как твоя лодыжка?

Индиго так долго молчала, что Джиннифер подумала, что она не собирается отвечать. Но, наконец, она сказала:

— Лучше.

Она развернулась, вытягивая ногу, чтобы показать, что ее изуродованная плоть быстро регенерировала. Кожа была воспалённой, красного цвета, но раны закрылись, и Джиннифер могла видеть, что начали формироваться зачатки рубцовой ткани.

— Это удивительно, — прошептала Джиннифер. Она могла только гадать, сколько невероятных вещей она увидит в ближайшие несколько недель.

Индиго отдернула ногу назад и засунула ее под серую шкуру, в которую была одета. — Полагаю, я должна тебя поблагодарить. В отличие от моего брата, ты действительно

пыталась меня спасти.

— Зейн собирался тебя спасти, — сказала Бриз, появляясь из-за большого валуна. На ней был только свободно свисавший кусок кожи. Короткие белые волосы из-за ветра торчали во все стороны. — Но не раньше, чем ты выучишь свой урок.

— Потому что Зейн всегда знает, что для меня лучше, — пробормотала Индиго.

— Радуйся, что за все неприятности, что ты доставила стае, он наказал тебя именно так. Нам очень повезет, если про это не узнают Седна.

— Седна могут идти нафиг, — вышла из себя Индиго. — У нас территория лучше. Больше пищи, наш альфа сильнее. Я не понимаю, почему мы всегда ходим перед ними на цыпочках.

— Ты права, — терпеливо сказала Бриз. — У нас действительно больше всего, чем у Седна, намного больше. Но чем больше ты имеешь, тем больше можешь потерять.

— Полагаю, я этого не знаю, потому что у меня нет ничего, что принадлежит только мне.

— У тебя есть семья, которая сильно за тебя переживает, — нахмурившись, сказала Бриз. — Ты за всю свою жизнь никогда по-настоящему не была одинока, и поэтому ты не можешь понять ее ценность. И надеюсь, тебе никогда не придется этого ощутить.

Индиго снова отвернулась. Но прежде Джиннифер увидела, как у нее покраснели щеки и шея.

Плюхнувшись рядом с Боазом, Бриз весело улыбнулась, что не соответствовало мрачному настроению, царившему в их лагере.

Боаз, который всегда чувствовал потребность заполнить неловкую тишину, спросил — Как твоя пробежка?

— Освежающая, — сказала Бриз, осматривая окружающую территорию. — Мужчины еще не вернулись?

— Неа. В этих местах трудно поймать кроликов?

— На этой территории всегда несложно что-нибудь найти, — сказала она ему. — На землях Силуит добыча в изобилии.

Из своего разговора с Индиго Джиннифер пришла к такому же выводу. Предыдущей ночью Зейн рассказал ей, что его стая была домом для более чем сотни волков. И она не могла представить, как стая такого размера могла обеспечивать себя едой без современного сельского хозяйства.

— И что именно вы употребляете в пищу? — спросила Джиннифер.

— Через нашу территорию проходят регулярные стадные миграции, — объяснила Бриз. — В северной ее части есть лежбища тюленей. Но мы редко на них охотимся.

— А как часто вы охотитесь? — Джиннифер включила камеру, стремясь записать информацию.

— Почти ежедневно, хотя обычно мы убиваем крупных животных два — три раза в неделю. К счастью, ежегодно через нашу территорию мигрируют стада карибу и овцебыков. В отличие от других стай, мы очень осторожны и охотимся только на оставших. Обычно это старые или хромые животные. Таким образом, мы не пугаем основное стадо.

— А другие стаи волков далеко от вас? Приходится ли вам охранять от них ваши стада?

Бриз наклонилась и пальцем на снегу нарисовала упрощенную карту.

— Силуит здесь, — сказала она, отмечая восточный участок. — В этом районе есть несколько маленьких стай рысей, но они держатся от нас подальше, и наши охотничьи

угодя не пересекаются. Все что к северу — это Седна, они наши союзники. Все что к югу — это страна медведей. Мы не беспокоим их, они не беспокоят нас. На востоке — Амарок. Вот они как раз не прочь напасть на наши стада и их альфа...

— Мудак, — предложила Индиго. — Тебе повезло, что вас нашел мой брат, а не он. В противном случае вы были бы мертвы.

Боаз поежился, но Джиннифер только пожала плечами. Получилось так, как получилось. Так что не было смысла размышлять о том, что могло бы произойти.

Через несколько минут вернулись Зейн и Кува, каждый из них нес по жирному зайцу. Кува вплотную подошел к Джиннифер и бросил зайца перед ней. Джиннифер почесала затылок, не зная, что с ним делать и заметила, что Индиго хихикала, прикрывшись рукой.

О, Боже.

— Спасибо Кува. Я уже поела, но может быть Бриз или Тэллоу хотят?

Она еще не ела, но не имела понятия, что для него будет означать, если она примет этого зайца. Из того, как он себя вел, у нее уже сложилось впечатление, что она его заинтересовала. И последнее, что ей хотелось, это поощрить его на дальнейшие действия.

Как будто по команде возле нее появилась Тэллоу и схватила зайца.

— Спасибо Кува!

Кува потянулся к зайцу и раскрыл было рот, словно собираясь запротестовать. Но осекся, ссутулившись от разочарования.

Остальные волки, готовя себе еду, непринужденно беседовали. Бриз и Индиго ободряли зайцев, пока Зейн разводил костер. Тэллоу поручили готовить мясо, и к тому времени, как зайцы жарились над огнем, Джиннифер пыталась заставить свой желудок не рычать. Кува все еще сидел и молчал, выглядя удрученным, и ей было бы стыдно заявить, что она внезапно проголодалась.

Когда они поделили между собой мясо, Тэллоу настояла на том, чтобы кормить Боаза своей рукой. Его кожа несколько раз поменяла цвет, но он позволил ей себя накормить, нервно смеясь между каждым укусом.

Когда еда почти закончилась, Зейн повернул голову в сторону Джиннифер.

— Ты когда-нибудь пробовала зайца?

Джиннифер пришлось призадуматься. Она съела много странных вещей в Танзании, в частности мясо диких животных. Этот общий термин использовался для любого дикого зверька, которого коренные народы считали съедобным. Начиная от рептилий и заканчивая грызунами. И всем, что попадалось между ними.

— Я не уверена, — сказала она.

Зейн оторвал толстый кусочек от своей порции.

— Тогда я настаиваю, чтобы ты его попробовала.

Прежде чем она могла запротестовать, Зейн засунул мясо ей в рот. Кончик его пальца легко надавил на ее нижнюю губу, когда он вытаскивал его обратно. Но независимо от того, что жест был безобидным, по ее позвоночнику прошла дрожь. Их глаза встретились, и в течение нескольких долгих секунд она почувствовала, словно попала в ловушку. Казалось, он что-то искал, и чем бы это ни было, должно быть, он это нашел, потому что его губы дрогнули.

Внезапно, она поняла, что ее губы все еще были раскрыты, и она даже не начала жевать. Она закрыла рот, преувеличенно пережевывая, и взглядом окинула их группу, надеясь, что никто ничего не заметил. Тэллоу все еще кормила с руки Боаза. Бриз лежала на спине,

подложив одну руку под голову, а другой удовлетворенно поглаживая живот. Когда ее взгляд упал на Куву, он быстро отвернулся, и Джиннифер почувствовала укол вины. Это чувство вскоре сменилось смущением, когда она увидела Индиго, наблюдавшую за ней проницательными глазами василькового цвета, с ухмылкой на губах.

Она проглотила мясо, так толком и не распробовав, чувствуя, как твердый комок опустился вниз по пищеводу.

— Еще? — спросил Зейн, поднимая другой кусок мяса.

Джиннифер покачала головой, отказываясь встретиться с ним взглядом во второй раз. — Нет, спасибо. Я действительно не голодна.

* * *

— Кува, ты понесешь сегодня Индиго? — Зейн произнес это как вопрос, но знал, что бета-самец не будет возражать. Но, разумеется, это не остановило Индиго.

— Я прекрасно могу идти сама, — сказала она, собирая свои скудные пожитки.

Зейн наклонил голову.

— Я знаю, что ты можешь идти, но ты пока что не можешь бежать.

К его облегчению, она не стала дальше выражать свое недовольство. Кува уже изменился, и как только она разложила свои меха, Индиго взобралась ему на спину, свесив ноги на одну сторону.

Зейн посмотрел на Джиннифер, которая осторожно разглядывала Куву, зажав нижнюю губу между зубами. От этого зрелища его сознание затуманилось смутным желанием, и его указательный палец зачесался от воспоминаний о прикосновении к мягкой, пухлой губе. Не желая, чтобы другие унюхали запах его возбуждения, он не позволил своим мыслям задержаться на этом слишком долго.

— Кува может нести вас обоих, — сказал ей Зейн, подходя, чтобы забрать у человека свою шкуру. — Или ты можешь поехать со мной, но я буду вести разведку впереди, и это может быть опасно.

Они уже были практически на границе с землями Силуит и далеко от опасности, но Зейну было нужно подходящее объяснение, почему он мог нести ее, а не свою сестру. Джиннифер, похоже, взвешивала разные варианты, хотя Зейн без труда мог распознать ее притворство.

— Меня это не беспокоит, — сказала она после кратких раздумий. — И мне бы не хотелось перегружать спину Кувы.

Спустя несколько мгновений он был в своей волчьей форме, и Джиннифер расстилала запасную шкуру на его спине. Она взобралась на него, плотно прижимаясь бедрами к его бокам. Его кровь разгорячилась от ощущения ее тела, прижатого к нему, и он внутренне застонал, задаваясь вопросом, на черта он это делал.

Когда он проснулся этим утром, то твердо решил уйти вперед и полностью избегать человеческую женщину. После того, как он вернется в свое логово, у него будет достаточно других забот, чтобы отвлечься до тех пор, пока она не исчезнет.

Этим утром лагерь был тихим, и даже Кува, который просыпался с первыми лучами солнца, еще крепко спал. Зейн увидел Джиннифер, развалившуюся в неудобной позе, и ее длинные ноги, выглядывавшие из-под шкуры Кувы, которую он ей дал. Прежде чем он смог понять, что он делает, он снял свою собственную шкуру и укрыл ею Джиннифер. Он

некоторое время пристально на нее смотрел. Мышцы его живота напряглись, когда он заметил, как контрастировал темный мех с ее бледной кожей.

Он наблюдал за ней, и странные мысли вторглись в его сознание. Он подумал о том, чтобы осторожно ее разбудить, приложив палец к губам, чтобы она не шумела. Он бы увел ее, пока они не оказались бы подальше от любопытных ушей. Он бы закрыл ее рот своим и целовал, пока не осталось бы никаких сомнений в том, что она хотела его так же сильно, как и он ее. И затем он предложил бы ей отправиться с ним куда-нибудь, где они были бы вдали ото всех, где они смогли бы побыть наедине.

Прежде чем его мысли смогли завести его слишком далеко, Кува начал шевелиться. Зейн решил, что ему нужно отойти от Дженнифер, но его шкура на ней привлекла внимание беты.

— Она замерзла, — сказал он, неуверенно пожав плечами.

В ответ Кува вопросительно посмотрел, и Зейн почувствовал, как заиграли его желваки.

— Ты же понимаешь, что я не буду заявлять на нее права, — сказал Зейн, тихим, но твердым голосом. Он чуть было не сказал «не могу», но отказался признать, что он, как альфа, не мог что-то контролировать.

Стрельнув на Куву острым взглядом, он про себя подумал, «и ты не сможешь тоже». Хотя его волк проворчал, что это было не совсем верно. Бета-самец мог заявить о желании иметь пару и завести щенков. Но если он это сделает, то ему придется разорвать отношения и стать альфой своей собственной стаи. Кува мог так поступить, в теории. И это будет не первый раз, когда он пытался так сделать. Но судя по тому, как Джиннифер смотрела на Куву, Зейн мог сказать, что он ее не интересовал. Зейн не был уверен в том, была ли она заинтересована в нем. Что, вероятно, было причиной того, почему он был так заинтригован.

По крайней мере, он так предполагал. Когда он засунул кусок мяса в ее теплый рот, и их глаза встретились, в ее светло-карих глазах Зейн увидел вспышку желания. Такое же желание, какое он видел у бесконечного числа женщин в течение многих лет. Но почему-то в этот раз на него это повлияло совсем по-другому. На мгновение, он снова почувствовал себя несовершеннолетним, задыхавшимся под тяжестью сильных побуждений, которые он не понимал. И в следующее мгновение он уже чувствовал себя взрослым мужчиной, который точно знал, чего он хотел и ясно видел все, что бы он с ней сделал.

Легкое прикосновение к его уху вернуло его в настоящее. Его волчья форма, вероятно, ослабила ее сомнения, потому что Джиннифер сняла одну перчатку и пробежала пальцами по его уху с пирсингом.

— Интересно, как они остаются на месте, даже после того, как ты обернулся?

Ее голос звучал как бы издали, и он понял, что она просто размышляла вслух, зная, что в нынешней форме он не сможет ей ответить. Как только Зейн решил вложить голову в ее ладонь, она отдернула руку и положила ее на его затылок.

В первой половине дня Зейн оставался на виду у других. Не то чтобы он не доверял им приглядывать за Индиго. Скорее наоборот, он не доверял себе, боясь зайти с Джиннифер слишком далеко. Но через несколько часов острые ощущения от того, что она была верхом на нем, притупились, и монотонность путешествия взяла свое. В поисках Индиго они покинули дом девять дней назад, и, несмотря на то, что при возвращении в логово его ждали проблемы, он стремился побыстрее закончить импровизированное путешествие.

Когда до дома оставалось несколько часов ходу, он начал ускоряться, заставляя себя двигаться с такой скоростью, которую, как он знал, другие не смогут выдержать. Если бы он

продолжил в таком духе, он бы вернулся в свое логово к утру, и Джиннифер стала бы не более чем легким отвлечением.

Желтое солнце превратилось в золотое, затем в оранжевое и, наконец, при закате стало красным, пока сумерки не искупали пейзаж в мягком свете луны и зеленом свете северного сияния. Зейн забрался на скалу на вершине холма, осторожно наступая, чтобы не поцарапать ноги человека об острые камни. Она не выразила никакого беспокойства по поводу высоты или небезопасного пути, который он выбрал. Но он подумал, что мог слышать, как скрежетали ее зубы каждый раз, когда он прыгал с камня на камень.

На вершине крутого холма она вдохнула и забыла выдохнуть. Это место было домом Зейна всю его жизнь, но он до сих пор любовался видом на залив, там, где море превращалось в землю, сужаясь в большую реку. Никто не знал точно, насколько глубокой была вода в этом месте. Когда они были намного моложе, он и Тэллоу очень часто соревновались в том, кто из них нырнет глубже.

На некотором расстоянии от берега залива лежал огромный остров, в центре которого находилось их логово. Зейн подумал, что если он прищурится, то сможет увидеть вдалеке его пик. Но он знал, что добираться придется еще несколько часов.

Он пошел быстрее, чем раньше, когда начал рысью спускаться вниз по другую сторону холма. По пологому склону идти было гораздо легче, и он добрался до его основания за несколько минут. Прошло еще какое-то время, прежде чем он добрался до залива и затем пошел вдоль берега, наслаждаясь чистым, свежим запахом морского воздуха.

На побережье, не защищенное холмами, ветер приносил холодный воздух, струившийся над водой и по долине, которая с ними граничила. Он не возражал против холода, но женщина напрягалась каждый раз, когда мимо проносился очередной порыв ветра. Он обрадовался, как только увидел лодки, стукавшиеся друг о друга на пристани. Замедлившись, он, наконец, остановился, ожидая, чтобы она поняла его сигнал слезть, и затем превратился.

Когда он вернулся к своей человеческой форме, она посмотрела на него широко раскрытыми от удивления глазами. А он стоял со своей шкурой, наброшенной на одно плечо, обнаженный и более, чем немного, самодовольный.

— Эта шкура, — сказала она, потирая подбородок. — Это та, которую ты взял у меня сегодня утром.

Зейн кивнул, хотя почувствовал себя немного смущенным, когда понял, что ее заинтересовало не его тело. Он обернул шкурой плечи, закутывая в нее свою высокую фигуру и позволяя ей защищать его от холода. Затем наклонился, чтобы подобрать запасную шкуру, на которой она сидела.

— Я не видела, чтобы ты брал ее с собой, — продолжила она говорить, шагая к нему и протягивая руку, чтобы погладить мех.

Зейн начал понимать, что, когда ее любопытство было задето, она теряла всякое представление о приличиях. И его инстинкты хищника сразу же задались вопросом, в какой степени он мог этим воспользоваться в своих интересах.

— Видела, — сказал он, неспешно шагая и направляя ее в сторону пристани.

Ее губы на мгновение приоткрылись, и она торжествующе улыбнулась. — Это твой мех! — Когда он кивнул в ответ, она так резко подпрыгнула, что немного его толкнула. — Это удивительно! Как это происходит? У остальных это работает так же? Я не заметила такого, когда другие превращались. Это имеет какое-то отношение к тому, что ты альфа?

Зейн остановился и оперся рукой на столб пристани. Он ответил на ее вопросы в том

порядке, в каком она их задавала. Впрочем, он не был уверен, что уловил их все.

— Мое изменение связано с моей шкурой. У других это происходит не так, как у меня, и у большинства оборотней тоже. Это не имеет отношения к тому, что я альфа, а является побочным продуктом моей родословной.

— Ты другой тип оборотня?

— В некотором смысле, — сказал он задумчиво. Ему не приходилось раньше это объяснять, и он обнаружил, что наслаждается, делясь своим происхождением с кем-то, кто ничего о нем не знал. — Помнишь, я сказал тебе, что в прошлом оборотни не размножались с людьми? В те времена они все были похожи на меня. Когда они принимали человеческую форму, они сбрасывали шкуры. А когда превращались обратно в животных, их шкуры сливались с их человеческой плотью.

Джиннифер копошилась со своей камерой, но он положил на нее свою руку и покачал головой. Вся ее поза выражала разочарование, но она положила камеру обратно в карман.

— Так ты, получается, своего рода генетический атавизм?

Зейн мало что знал о генетике. Только то, что слышал от Индиго. Поэтому не стал отвечать прямо на ее вопрос.

— Все женщины в моем роду были оборотнями, включая мою мать. Ни один мужчина в моей семье не брал в пару человека.

— Ничего себе, — сказала она, хотя выглядела немного обеспокоенной. — Могу я спросить, какие преимущества в том, чтобы не размножаться с людьми? Это делает тебя сильнее? И если это так, то не влияет ли негативно потребность в шкуре для превращения? Я имею в виду, что если ты вдруг ее потеряешь? Наверное, это такая головная боль все время за ней следить?

Зейна поражало, как она временами оставалась такой тихой, а в другое время выдавала настоящий фонтан вопросов.

— Как насчет того, чтобы поговорить по дороге? — спросил он, кивая в сторону лодок.

Ее брови приподнялись, и она посмотрела на причал, как будто замечая его в первый раз.

— Мы собираемся плыть? — Она с сомнением посмотрела на деревянную лодку. — На этом?

Он усмехнулся.

— Я всегда могу переплыть с тобой на моей спине.

После этих слов она поспешила к ближайшей лодке, забираясь в нее нетвердыми ногами. Зейн забрался позади нее, от чего лодка покачнулась и под тяжестью его веса погрузилась в воду глубже. Он сел напротив, внезапно почувствовав неуверенность, хотя знал, что другого разумного способа пересечь воду не было.

Лицо Джиннифер побледнело, и она села, крепко сцепив пальцы. Она выглядела так, как будто один сильный порыв ветра может унести ее обратно на причал. Это показалось ему странным, потому что две ночи назад он видел, как она с меньшим страхом встретилась с группой вооруженных людей.

Как будто читая его мысли, она прошептала: — Каждый чего-то боится, не так ли?

Зейн развязал веревку, ничего не отвечая. Он вставил весла в уключины и опустил их в воду. Двумя мощными гребками они оставили пристань позади.

Большую часть работы выполнило течение, хотя Зейн немного подождал, прежде чем вытащить весла из воды. Он мог бы по прямой пересечь залив и затем пройти оставшееся

расстояние пешком. Но путешествовать по воде быстрее, не говоря уже о том, что это будет легче для его уставших костей. И хотя она этого не знала, постепенно начав расслабляться, Джиннифер приняла решение за него.

— Это не из-за лодки, — сказала она, глядя на воду. — Вода темная и глубокая. И никто не знает, что там. Должно быть, там так холодно.

Он мог сказать, что она снова начала фиксироваться на своем страхе, и уже подумал отвлечь ее, продолжив начатый ранее разговор. Но в голову пришла другая мысль. И хотя он говорил себе, что намеревался всего лишь ее успокоить, Зейн никогда не мог хорошо врать самому себе.

— Расскажи мне о своем мужчине, — сказал он. И затем невозмутимо добавил, — про того, который позволил тебе прийти сюда в одиночку.

Он видел, что она старалась не рассмеяться, когда ответила:

— У меня есть Боаз.

Над чем Зейн поиздевался.

— Ты имеешь в виду, что у Боаза есть ты.

У него до сих пор не было никакого уважения к тощему парню, который не только привел охотников прямо к Джиннифер, но и, поджав хвост, сбежал без нее, когда появился Зейн со своей стаей.

— Ну, для начала, это то, что мне нравится в Аароне. Он не пытается меня контролировать, — сказала она, резко на него взглянув. — Когда я ему сказала, что собираюсь поехать сюда, он полностью поддержал мое решение.

— Разве он не понимал, в какой опасности ты окажешься?

В сознании Зейна, любой мужчина, который позволил своей паре, супружеской или иной, поставить себя в опасное положение, вообще не заслуживал иметь пару.

— Это часть моей работы, — сказала она ему. — На самом деле и его тоже. Аарон работает медбратом в Корпусе Мира. Сейчас он в основном работает в Танзании, но он побывал почти во всех частях Африки. Когда мы встретились, он все время отправлялся в истерзанные войной регионы, помогая рыть каналы и строить дома. Однажды летом, когда я приехала к нему, нас окружили вооруженные ополченцы. Он четыре часа уговаривал их отпустить меня и Боаза, а сам остался с ними до конца ночи. И только утром они ушли из деревни.

Зейну удалось отвлечь ее от тревожных мыслей, однако то, как она говорила о своем мужчине, сделало его настроение мрачным. Но все же он внимательно слушал, напоминая себе, что это было хорошим делом. Несмотря на его очевидные недостатки, ее предполагаемая пара, похоже, был дееспособным мужчиной. И Зейн вовсе не имел никаких реальных намерений заявлять на нее свои права.

Но как только он об этом подумал, она сказала нечто, что заставило его волка насторожить уши.

— Аарон такой хороший парень. Он идеальный, иногда слишком идеальный. Но какая женщина в здравом уме будет на это жаловаться?

Джиннифер зажала губы и затем выпустила облачко воздуха. Казалось, она говорила больше себе самой, и, так как она этого не заметила, то ему стало легче его покритиковать.

— Не могу представить себе кого-то, кто был бы слишком совершенным, — сказал он, нейтральным тоном.

Она подняла одно плечо.

— Полагаю, что так. В смысле, когда я была ребенком, все всегда думали, что я была совершенством. Больше всех моя мама. Она всегда ожидала, что я должна быть лучшей во всем. Мне никогда не разрешали иметь свое хобби. Мама всегда выбирала для меня, чем заниматься — пианино, балет, гимнастика, теннис и это даже не половина списка. У нее даже была целая комната, наполненная призами за первые места — все, что ниже этого, отправлялось прямо в мусор.

— Каждый думал, что я совершенна, — сказала она. — И это было ужасно. Если хочешь быть лучшим, то всегда испытываешь ужасное давление, и я была в ужасе, что у меня что-то не получится, что я кого-то разочарую. Все, что мне хотелось, это иногда терпеть неудачу, как любому другому человеку.

Она посмотрела на него, но даже при таком слабом освещении он мог разглядеть цвет ее щек. Он впервые увидел, как она покраснела.

— Во всяком случае, я болтаю чепуху, — сказала она. — Дело в том, что я должна была понять это раньше, потому что, когда я встретила Аарона, это было так, как будто он мог ходить по воде. Он никогда не говорил неправильно, не делал ошибок. Он всегда казался таким уверенным в себе, он никогда не боялся, не ревновал и не был тщеславным... Полагаю, это заставляет меня думать, что, может быть, он недостаточно мне доверяет, чтобы показать мне свою неуверенность в себе. Или хуже, что у него вовсе нет этих недостатков. Это настолько пугающе...

Ветер подул с севера, в результате чего его окутал ее запах. Она больше не пахла как Боаз, хотя следы запаха Кувы еще ощущались. Больше всего она пахла как он, хотя его волк думал, что этого было недостаточно.

— Я могу понять, как это трудно, — сказал Зейн.

Она покраснела еще сильнее.

— Не могу поверить, что я только что обо всем рассказала. Мы едва знаем друг друга и вот вам, пожалуйста, болтаю о своих личных проблемах.

— Иногда легче поговорить с кем-то, кто не связан с ситуацией.

Она иронично улыбнулась.

— Есть ли шанс, что ты захочешь рассказать о своих сокровенных чувствах и заставишь почувствовать меня менее жалкой?

Зейн заколебался, хотя не был уверен, почему. Было так много того, что он мог рассказать, но был ли он готов обсуждать свои личные дела с человеком, которого он знал недостаточно хорошо, чтобы доверять?

Ты не доверяешь ей настолько, чтобы откровенно что-то обсуждать, и все же хочешь претендовать на нее в качестве ее пары?

Он открыл рот, чтобы сказать... что-нибудь, чем бы оно ни было, но оно потерялось в гортанном крике Джиннифер. Она вскочила, скрестив руки на груди и с диким страхом во взгляде. Зейн настолько был озабочен ее внезапным волнением, что не сразу увидел, что ее напугало.

— Что это? — спросила она пронзительным голосом, который больше подходил девочке, чем взрослой женщине.

В воде отражался бледный свет луны. В круге света на поверхности мелькнула фигура, похожая на большой черный шар. Его губы изогнулись, и он, взяв Джиннифер за руку, потянул ее вниз. Когда он усадил ее рядом, лодка слегка просела.

— Это кит, — сказал он ей.

— Здесь? — недоверчиво спросила она.

Он не был уверен, почему ее это удивило. Залив был частью моря, и здесь проходили миграции разных существ, обитающих в океане.

— Что, если он перевернет лодку? — спросила она, вытягивая шею, чтобы лучше рассмотреть. Зейн ожидал, что она вытащит свою камеру и в любую секунду начнет снимать, но ее руки оставались на месте, крепко сжимая его.

— Этого не случится, — сказал он. По крайней мере, никогда не случилось раньше. Хотя, чем больше он об этом думал, тем больше понимал ее беспокойство. Для него лодка было вполне надежной. Однако это ускорило путешествие. Если бы она упала в холодную воду, то вполне могла замерзнуть до смерти, даже если он быстро доплывет с ней до берега.

Внезапно Зейн тоже почувствовал тревогу. Он взял весла в руки и начал грести против течения, пока они не стали двигаться в обратном направлении. Когда неуклюже двигающаяся в темноте фигура оказалась далеко впереди них, он направил лодку к дальнему берегу залива.

Через несколько минут днище стукнулось о землю. Берег был крутой, и Зейн повернулся, чтобы взять Джиннифер на руки и вынести ее из лодки. Но прежде чем он успел вытащить руку из-под шкуры, она уже взбиралась на берег, ползя на четвереньках, пока никакая из частей ее тела больше не была на милости у воды.

Зейн сошел на берег с большей грацией. Он наклонился, протягивая ей свою длинную руку. Она ее приняла, вложив свою маленькую ладошку в его, и он помог ей подняться. Вместо того чтобы отпустить, он притянул ее к себе, так что их тела прикасались друг к другу. Их разделяли несколько слоев ткани и меха, но его тело стало таким теплым, словно они были прижаты кожа к коже.

Он ждал, когда она его оттолкнет, но, посмотрев вниз, увидел, что она смотрела на него снизу-вверх. Она снова покусывала свою нижнюю губу, рассматривая его с соблазнительной смесью настороженности и любопытства.

Она была такой высокой и стояла так близко, что если бы он захотел, то мог наклонить голову, и его губы были бы на ее губах, прежде чем она даже успела подумать о протесте. И своими губами, и руками он бы возбудил ее до такой степени, что у нее не было бы никакой мысли, кроме как подчиниться ему.

Зейн сжал зубы, чтобы себя контролировать. Он напомнил себе, что он не был животным. И неважно, что думал его волк, она не будет его парой. И случайной любовницей тоже не будет, даже если такое могло произойти между альфой и человеческой женщиной.

Укрепившись в своем решении, он отпустил ее руку и сделал шаг назад. Но вместо того чтобы упасть вдоль тела, ее рука поднялась и легла на его затылок. Его шаги стали неуверенными, и тогда она, используя свою руку как рычаг, подтянула себя вверх и прижала свои теплые губы к его рту.

Глава 5

Голос в голове Джиннифер (она подумала, что это могла быть ее совесть) сказал ей, что она должна остановиться, прежде чем сделает что-то, о чем будет жалеть до конца своей жизни. Но в тот момент, когда ее губы соприкоснулись с губами Зейна, этот голос явно затих, как будто даже ее добродетельный ангел застыл в изумлении. От того ли, что это ощущалось невероятно правильно или ужасно неправильно, она не знала.

Для рта, который казался вырезанным из мрамора, его губы были удивительно мягкими. После приезда в Арктику ее собственные губы были постоянно потрескавшимися, и из-за этого она могла бы чувствовать себя неловко, если бы уже не была озабочена растущим чувством страха.

Зейн не двигался, даже не дышал, и через несколько секунд ее эйфория погрузилась в пучину неловкости. Неужели она поняла его не правильно?

Тэллоу была права — мужики разглядывали Джиннифер с головы до ног с тех пор, как она достигла периода полового созревания. Но мужчины, которые нагло разглядывали ее голодными глазами, точно не были разборчивыми. Их желание возникало не из-за ее красоты, не говоря уже о ее личности или интеллекте. Все, что таким мужчинам было нужно — теплое тело, которое можно было использовать.

Зейн смотрел на нее совсем по-другому. В его глазах тоже полыхало желание, желание обладать ее телом, но было там и желание чего-то большего, намного большего. Он хотел заявить права на каждую ее часть, даже на те части, которые она не уступит ни одному мужчине. Но будь она проклята, если ей не хотелось увидеть, как он попытается.

Было такое чувство, будто она тонула в этих золотых глазах, желавших, чтобы она его поцеловала. Но сейчас, когда она ждала, чтобы он ответил взаимностью, время как будто остановилось. Она отстранилась, и, прежде чем смогла судорожно вдохнуть, большие руки обхватили ее предплечья, удерживая на месте.

Зейн смял ее губы своими, и они больше не были мягкими. Они стали твердыми и требующими. Он отпустил ее руки, одна его ладонь схватила часть ее волос, другая нажала на спину, властно прижимая к его телу. Его зубы захватили ее нижнюю губу, и он застонал, всосав ее в свой рот.

Тепло заплескалось между ее бедер, и вместе с ним пришло страстное желание потереться, острая необходимость в прикосновении. Она подняла одну ногу, ее колено легло на его бедро, предоставляя ему лучший доступ. Он слегка сдвинул бедро, и его эрекция оказалась напротив ее таза.

Впервые за последние несколько недель ей ничего не хотелось больше, чем избавиться от своей одежды. Она чувствовалась громоздкой, ткань стала натирать ее чувствительную кожу. Пальцы чесались расстегнуть пуговицу на своих штанах, но ей не хотелось выглядеть слишком нетерпеливой. Вместо этого она начала с куртки, дергая вниз молнию и стряхивая ее с плеч, все еще находясь в объятиях Зейна.

Как только его твердая эрекция задела нужное место, она ахнула, а ее ногти впились в кожу на его шее. Ее возбуждение подтолкнуло его, и он сам занялся ее одеждой, ловкими пальцами расстегивая пуговицы и замки. Она услышала, как что-то порвалось, но прежде чем она успела пожаловаться, Зейн потянул ее голову назад и погрузил свой язык в ее рот.

Их языки танцевали в лихорадочном темпе. И это ощущалось так естественно, как будто они практиковались в этом тысячу раз, но сохранили яркие ощущения новой страсти. В своем стремлении не отстать от него ее язык прошелся слишком близко от одного из его клыков. Ужалила боль, а затем острый вкус крови заполнил ее рот. Она попробовала отстраниться, но сильная рука, запутавшаяся в ее волосах, твердо удержала ее на месте.

Мир наклонился, когда Зейн потянул ее вниз, держа так осторожно, что она едва почувствовала толчок, упав на землю. Она не понимала, сколько одежды он с нее снял, пока не обнаружила, что лежит в мягкой куче блузок и свитеров. На ней остались только бюстгальтер и брюки. Но между горячим телом Зейна и его шкурой, которая закрывала их

обоих, никакой холод извне не мог добраться до ее кожи.

После неистовства, с которым он снял с нее одежду, Зейн неожиданно выбрал неторопливый темп, и его руки начали медленно оценивать каждую впадинку и выпуклость ее тела. Ей пришло в голову, что он не видел ее без всех этих слоев одежды, и это была его первая возможность оценить ее тело. Она надеялась, что ему понравилось то, что он почувствовал. Однако ее ничто не заботило, пока он вращал бедрами, прижимаясь к ее бедрам. Каждый раз, когда он прогибался, она стонала и выгибалась ему навстречу, чтобы поддержать трение.

Зейн оторвался от ее рта, медленно пробегая губами вдоль ее подбородка, а затем шеи. В этом месте он глубоко вдохнул и застонал. Он толкался в нее сильнее, чем прежде, она почувствовала, как у нее согнулись пальцы ног и закатились глаза. Острые зубы укололи ее шею, и она поняла, что он собрался ее укусить. Эта мысль не испугала ее так, как должна была бы, потому что ее беспокойство шло наравне с нахлынувшим предвкушением.

Он убрал свои зубы, не прокусив плоть, но ее возбуждение продолжало нарастать. К тому времени, как он добрался до впадинки между ключицами, ее тело наполнилось энергией, и она почувствовала, что находится на грани взрыва. Еще один толчок его бедер отправил ее к высшей точке, прежде чем она в полной мере осознала, что происходит.

Она выгнулась в последний раз, и откуда-то из глубины вырвался гортанный крик. Ее сознание куда-то поплыло, а тело замерло, в то время как на нее накатывали волны удовольствия.

Джиннифер пыталась удержать это чувство так долго, как могла, но все закончилось слишком быстро. Внезапно она замерзла и ее тело начало трястись. Встревожившись, она открыла глаза.

Зейн все еще был над ней, хотя они больше не прижимались друг к другу. От выражения его лица ее собственное запыхало, и она подумала, что покраснела от носа до ушей. С приподнятыми бровями и губами, застывшими в неодобрительном выражении, он выглядел очень смущенным.

Ее сердце и мозг пустились вскачь, и она подумала, что, может, если она снова его поцелует, то они смогут продолжить то, что они делали. И это, возможно, будет еще жарче. Она почти это сделала, но узнала эмоции, которые быстро сменяли друг друга на его лице. Те, которые были написаны на ее собственном лице.

Стыд. Сожаление.

Джиннифер поспешно вылезла из-под него, дрожащими руками схватила свою одежду и начала одеваться. Ее совесть вернулась с возмездием и ревела в пустоте, в которой только несколько мгновений назад плескалось вожделение. Но по-прежнему это не было чувством вины по отношению к Аарону.

— Ты не одинок, да? — спросила она охрипшим голосом. Между ее бровей образовалась складка, она пояснила. — У тебя есть... пара?

От этого слова она почувствовала тошноту.

— Нет, — сказал он, и ее плечи опустились от облегчения. — Но будет. Скоро.

Она подумала, что увидела, как его губы искривились от отвращения. Но, может быть, она выдавала желаемое за действительное, и таким образом мозг пытался избавить ее от чувства вины. Она хотела спросить его еще о многом, но представила, что это была последняя вещь, о которой он хотел поговорить прямо сейчас.

— Я сожалею, — сказала она. — Я действительно люблю Аарона. Он... — слова.

которые она не осмеливалась произнести раньше, сейчас сами выплыли на поверхность. — Он сделал мне предложение на следующее лето после нашей встречи шесть лет назад. Но каждый раз, как я пытаюсь назначить дату свадьбы, что-то происходит. Все время появляется что-то новое, в чем он хочет прийти на помощь, какая-то новая несправедливость, с которой он хочет бороться. Мы должны были пожениться этой весной, но два месяца назад он решил, что хочет отправиться в Сирию и помогать сиротам.

Она вскинула руки.

— Как я могу такому сказать нет?

Это была даже не половина ее обид на Аарона, но она не собиралась грузить Зейна своими проблемами. Наверняка он уже пожалел, что позволил ей вернуться с ним в его логово. Она привыкла держать все внутри себя и решила больше не повторять свою ошибку.

Слезы ужалили ее глаза, но она сдержала их, не желая выглядеть столь же жалкой, какой она себя чувствовала.

— Я действительно его люблю и никогда раньше не делала ничего подобного. Я разочарована, но я не должна была вовлекать в это тебя. Это была моя ошибка.

Джиннифер застегнула свое пальто, последний слой своей одежды. Зейн уже встал, его руки свисали по бокам, и он не предлагал ей свою помощь. Но с другой стороны, разве не из-за этого они попали в эту неразбериху?

Поморщившись, она встала, чувствуя дискомфорт от влажности между бедер. Разглядывая сквозь ресницы Зейна, она поймала его взгляд. В его лице было что-то совершенно неожиданное, что-то, что привело ее в замешательство, в свете того, что произошло. Его глаза притягивали печалью и страстным желанием, которые она не понимала. Она ждала, что он сморгнет это выражение, но было ясно, что он хотел, чтобы она это увидела.

С трудом сглотнув, она сказала.

— Мы должны идти, не так ли?

В ответ он лишь кивнул.

* * *

Они шли молча, Джиннифер слегка отставала от Зейна. Ветер дул с юга, принося ее запах, и от этого Зейну не хотелось идти впереди.

Казалось, что запах ее возбуждения поселился у него в носу. Он не исчезал, и как бы он не старался, не мог к нему привыкнуть. Запах держал его член твердым, что, помимо раздражения, вызывало нежелание обернуться. Хотя он мог придумать несколько вещей, более неудобных, чем превращение в возбужденном состоянии. И не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь был настолько возбужден.

Сотню раз — как минимум — он думал о том, чтобы обернуться и притянуть ее в свои объятия. И это было хуже, чем прежде, потому что он знал, что мог преодолеть любые ее возражения, ведь она хотела его так же сильно, как и он ее.

Она поцеловала его.

Женщин его вида ни в коем случае нельзя было назвать робкими. Когда они хотели секса, то могли добиваться этого более агрессивно, чем любой мужчина. Доказательством этого были его молодые годы, когда он являлся единственным молодым мужчиной с волосами на груди в стае, полной женщин, желающих исследовать начинающуюся взрослую

жизнь. Воспоминания о том, как его преследовали словно добычу и боролись за него, как за возможность отрезать кусок мяса, по сей день вызывали у него головную боль.

Все изменилось после того, как умер его отец, и он взял на себя роль Альфы. Даже самые дерзкие женщины не были готовы добиваться его расположения и всегда ожидали, чтобы он сделал первый шаг. После нескольких лет попыток увернуться от ожидавших на каждом углу заигрываний, это было долгожданным облегчением и переменой, которой он до сих пор наслаждался.

Но когда Джиннифер проявила инициативу и накрыла его губы своим горячим ртом, похоть подобно лесному пожару разорвала его тело, сжигая на своем пути все запреты. Все между этим моментом и тем, когда он был с ней на земле, прижимая зубы к ее шее, было размытым воспоминанием. Его захватили животные инстинкты, и только когда он собрался ее пометить, он вернулся обратно в реальность. Но даже тогда он не хотел остановиться. Для него стало шоком, когда она кончила без его члена внутри нее или даже без его пальцев, ласкающих ее.

Зейн смотрел на нее, полностью вбирая в себя каждую ее черточку. Ее красиво взъерошенные волосы, ее красивые губы, приоткрытые от тихого стога, ее выгнувшуюся спину, верхушки ее покрасневших грудей, то, как ее тело задрожало... Он понял, что если он ее возьмет, то это не будет только один раз. К тому времени, когда все закончится, на ней не будет места, которое бы он не пометил. И он ее не отпустит.

Это перевернет все его будущее, поставит под угрозу безопасность его стаи и нарушит принципы, которых он придерживался с юности. Особенно с тех пор, как его отец взял своей парой человека.

Зейн украдкой взглянул через плечо. Глаза Джиннифер были опущены, ее удрученный вид дополняли нахмуренные брови. Ком встал у него в горле.

"Она не твоя забота", — подумал он, заставляя себя снова смотреть вперед.

Порыв ветра снова принес ее запах. Зейн облизнул губы сухим языком. Он рассматривал возможность отклониться от курса. Они уже опаздывали, так какое значение будут иметь еще несколько часов? Он подумал о пещере, находившейся на западе глубоко под землей. Длинный проход вел вниз, в конце него была маленькая полость с источником горячей воды с идеальной температурой для купания. Они могут пойти туда, и она сможет помыться. Ее запах больше не будет его мучить, и, когда они вернутся в логово, ему не придется иметь дело с понимающими взглядами других.

Но даже когда он разработал этот план, чтобы разрешить ситуацию, его ум одновременно проиграл совсем другой сценарий. Он бы привел ее к источнику и, оставив ей свою шкуру, отправился на охоту. Он бы поймал что-нибудь большое, достаточно большое, чтобы хватило на несколько дней, даже на неделю. Он бы вернулся к ней с самыми лучшими частями, кормил своей рукой и затем они стали парой. Она бы уже была обнаженной под его шкурой, и он, не тратя времени даром, погрузился бы в нее.

Зейн покачал головой, как будто это могло прогнать картинки. Он должен привести ее в логово, никаких обходных путей. В надежде, что запах к тому времени исчезнет. "И даже если нет, то что?"

Он сжал зубы. Он Альфа.

К тому времени, как Зейн перекинулся, небо начало светлеть. Он был не меньше возбужден, но Джиннифер была настолько измождена, что уже начала спотыкаться. Оказавшись у него на спине, она почти сразу же заснула, обхватив руками его шею. Ее не

разбудил даже яркий солнечный свет, но Зейн все равно очень осторожно наступал, стараясь избегать тряски.

Когда они были почти рядом с логовом, он слегка ее подтолкнув, начал будить. Он бы предпочел позволить ей поспать подольше, но понимал, что в логове будет слишком много суматохи, и, проснувшись, она может испугаться. Когда подошли Тэллоу и Бриз, она соскользнула с его спины, потирая уставшие глаза.

Зейн изменился, свободно обернув себя шкурой. Он попытался дать Тэллоу предупредительный взгляд, но она смотрела только на Джиннифер. На ее губах заиграла насмешливая улыбка.

— Проблемы с лодкой? — спросила она.

Казалось Джиннифер едва замечала других женщин. Она вытянула шею, всматриваясь в скалистый шпиль, возвышающийся над логовом.

— Там был кит, — рассеянно сказала она. — Боаз тоже здесь?

— Он отдыхает в комнате Тэллоу, — сказала Бриз.

Зейн начал продвигаться вперед, и остальные пошли с ним рядом. Джиннифер держалась возле него, шагая почти плечом к плечу, и потребовалось некоторое усилие, чтобы не положить руку на ее талию.

— Коралл проснулась? — спросил он, когда они приблизились ко входу в логово.

Тэллоу заржала.

— О, да. С тех пор, как мы вернулись без тебя, она уже несколько часов вышагивает туда-сюда по туннелям.

Казалось, это позабавило даже Бриз.

— Особенно после того, как она услышала, что ты лично сопровождаешь человеческую женщину. И не смотри на нас так, это все Индиго.

— Я просто уверен, никто из вас ничего общего с этим не имеет, — ровным голосом сказал Зейн.

— Ну, — ответила Тэллоу, широко ухмыляясь и дергая за прядку волос Джиннифер. — Я, возможно, упоминала, насколько она красива.

Сморщившись, Джиннифер шлепнула Тэллоу по руке. И впечатляюще нейтральным тоном, спросила.

— Я так понимаю, Коралл твоя будущая пара?

— Да, — с нажимом произнес Зейн.

Бриз встала между ними, беря Джиннифер за руку.

— Почему бы тебе не пойти со мной, Джиннифер? Я отведу тебя помыться и найду тебе какую-нибудь чистую одежду.

Зейн благодарно взглянул на Бриз, и, прежде чем потянуть Джиннифер вперед в логово, она быстро ему кивнула. Он даже не заметил, что остановился, пока перед ним не появилась Тэллоу, уперев руки в бока.

— Бриз, возможно, и сможет ее очистить, но вряд ли что-то сделает с твоим запахом, — сказала она. — И я сомневаюсь, что Коралл собирается ждать, пока ты примешь ванну.

Зейн почти сказал, что ему все равно, что думает Коралл, но слова застряли у него в горле. Ему было не все равно, не настолько, как должно бы, но его это действительно беспокоило.

Джиннифер услышала впереди громкий шум, но Бриз повела ее в сторону от центрального прохода по маленькому тоннелю, достаточно широкому лишь для того, чтобы они могли идти рядом.

— Нам придется прогуляться, но это приведет нас к находящимся внизу спальням, и тогда не придется проходить через главную комнату.

Джиннифер сделала глубокий успокаивающий вдох, прежде чем сказать:

— Мы не спали вместе.

Как только она это произнесла, то подумала, была ли оборотень знакома с этой фразой. Она обычно не имела дел с эвфемизмами, но даже так ей было достаточно трудно сказать это вслух. Тем не менее, произнести это было необходимо. Бриз сохранила радостное выражение лица, но ее косые взгляды говорили сами за себя. Так или иначе, она знала, что что-то произошло.

— Я знаю, — сказала Бриз. — Но ты покрыта его запахом. Я удивлюсь, если не обнаружу, что он тебя где-нибудь пометил.

У них действительно было такое хорошее обоняние?

— Пометил меня?

— Укус или даже царапина. Это как клеймо владельца, — объяснила Бриз. — Хотя такое случается реже, чем ты думаешь. И мужчины, и женщины имеют склонность ревновать и хотят пометить свою территорию, когда находят что-то, что им действительно нравится. От этого их запах держится дольше и служит как напоминание о заявленных правах.

Пока она говорила, рука Джиннифер поднялась к шее. Она вспомнила, что Зейн прижимал к ней клыки. Почти укусил. Бриз задумчиво посмотрела на ее руку, и Джиннифер опустила ее вниз.

— Он не укусил меня, — сказала Джиннифер. — Или поцарапал, я не думаю.

— Это хорошо.

Джиннифер ожидала, что Бриз станет дальше ее расспрашивать, но, когда между ними повисла тишина, она стала нервничать. Меньше всего ей хотелось, чтобы Бриз сама напридумывала, что произошло, в то время как правда была менее непристойной.

— Я не знала, что у него была... я не знала о Коралл до тех пор, пока он меня не остановил. Это была моя вина. Я сама на него набросилась.

Хорошо, это тоже не было правдой, по крайней мере, не всей правдой. Да, она это начала, но Зейн воспользовался случаем. Тем не менее, она будет иметь дело с неловкой ситуацией, если это означает, что она сможет минимизировать причастность Зейна.

— Это создаст ему проблемы? — спросила Джиннифер.

Бриз пожала плечами.

— Сомневаюсь. Зейн и Коралл не пара, пока еще не пара. Они оба могут свободно делиться сексом с любимым, кто им понравится. До тех пор, пока не станут парой, — подумав, добавила она. — Но даже после этого некоторые альфы продолжают ходить на сторону. Однако Зейн не относится к такому типу.

Мозг Джиннифер гудел от такого количества вопросов, что ее смущение было моментально забыто.

— Я думала, что связь пары, ну, вроде священна, — сказала Джиннифер.

— Я бы не назвала это священным. — Бриз задумчиво помолчала, а после добавила. — Когда альфа заявляет права на свою пару, он намного меньше склонен искать удовольствия

вне этого союза. Это очень сильная связь, я думаю, намного сильнее, чем то, что испытывают люди.

Джиннифер подумала, что последняя часть относилась к ней, но комментировать не стала. Позже, когда она будет одна, то сможет заняться самобичеванием из-за Аарона. Но сейчас она собиралась притворяться, что не была патологической неудачницей.

— А что насчет других волков, помимо альфы. Они вообще когда-нибудь создают пары?

— В редких случаях мужчина — бета может решить оторваться от стаи, найти пару и стать альфой своей собственной. Но для большинства бета-самцов стремление произвести потомство не настолько сильное, чтобы разорвать отношения со стаей.

— А что насчет женщин?

— Создание пары — это союз для производства потомства, — напомнила ей Бриз. — Немногочисленные женщины, которые могут иметь щенков, почти всегда становятся парой для альфы с похожей родословной. Как, например, Коралл и Зейн.

По какой-то причине Джиннифер даже в голову не пришло, что Коралл могла быть кем-то, а не просто человеком. Но с другой стороны, ей хотелось воспринимать Коралл так же, как она думала об Аароне. И не думать о ней слишком много.

— Я удивлена, что ты не достала свою камеру, — заметила Бриз. — Или ты спрашиваешь из-за своих собственных интересов?

Смушение Джиннифер мгновенно вернулось, и она попыталась найти оправдание. Почему ее так интересовала связь в паре? Даже стараясь изо всех сил, она так и не смогла убедить себя, что это был научный интерес.

— Ох, ты, бедняжка. Он вывернул тебя наизнанку? — она была к ней добра, но Джиннифер думала, что не заслуживала этого.

— Это не так. Многое случилось; браконьеры, встреча с оборотнями, не говоря уже о том, что мы были изолированы здесь в течение нескольких недель. Я... я не могу говорить за Зейна, но я была в ненормальном душевном состоянии.

Последние остатки дневного света исчезли, и когда тоннель раздвоился, Бриз взяла Джиннифер за руку.

— Ты не должна оправдываться. Мы все время от времени делаем ошибки.

* * *

Светлые волосы Коралл были заплетены в косу, по всей длине которой были нанизаны жемчужины. Большая часть ее загорелой кожи была обнажена, за исключением участка, прикрытого коротким, свободно облегающим платьем из мягкой белой кожи. Ее глаза, один голубой, другой зеленый, смотрели на Зейна. Впрочем, было похоже, что она смотрит не столько на него, сколько пытается заглянуть ему в голову.

Год назад он мог бы сказать ей перестать на него пялиться и пойти в свою комнату. Пять лет назад сказал бы пойти на улицу и поиграть. Фактически, он, возможно, так и делал.

Когда Зейн был в ее возрасте и уклонялся от заигрываний нахальных молодых женщин, Коралл была щенком, резвящимся в снегу с его младшей сестрой. И за ними обеими присматривала Бриз. У Коралл и Индиго было меньше, чем год разницы в возрасте, и Зейну было трудно, даже невозможно, смириться с фактом, что теперь Коралл была взрослой.

Он был мужчиной и поэтому не мог не замечать ее полную грудь, покачивание бедер при ходьбе и, больше всего, ее взрослый запах. Но, как только она начинала говорить, он

сразу же вспоминал, насколько молодой она была.

— Должна ли я паковать свои вещи и возвращаться к Седна? — спросила она, сложив руки под грудью.

Зейн подумал сказать ей, что это было очевидным блефом, но, учитывая обстоятельства, это было бы слишком жестоко.

— Я не предъявлял на нее права и не собираюсь этого делать.

Прежде чем они добрались до главного зала, Тэллоу предупредила его, что Коралл расхаживает перед его комнатой. И предложила тщательно выбрать дорогу, чтобы не столкнуться с ней, прежде чем он умоется. Зейн об этом даже не подумал. Он понимал, что так или иначе, Коралл об этом услышит, и хотел лично разрешить этот вопрос, прежде чем преувеличенные слухи дойдут до ее ушей.

— Я убеждена, что ты не намерен вообще ни на кого претендовать, — сказала она, недовольно нахмурившись.

Зейн проигнорировал колкое замечание.

— О чем ты хотела меня спросить?

Вопрос казался поймал ее врасплох.

— Ты не собираешься спорить?

Зейн прислонился к гладкой стене коридора.

— Ты действительно думаешь, что я пришел бы к тебе, пропахнув человеческой женщиной, и попытался оправдать свои поступки?

— Я думала, что ты сказал бы, что мы еще не пара, — сказала она, отводя взгляд. — Или что ты альфа и можешь делать все, что тебе нравится.

И Зейн понял, что она приготовила аргументы к каждому из этих утверждений. А также к любому другому сценарию, который мог родиться в ее уме. Коралл часто забывала, что он знает ее с тех пор, когда она была щенком, и ее личность еще не созрела, как и остальные части тела. Она выискивала ошибки, всегда готовясь к битве, а не к честному обсуждению.

— Тэллоу сказала, что она красивая, — осторожно сказала Коралл.

— Да, красивая.

Коралл не показала никаких признаков того, что расстроена из-за этого, и быстро задала другой вопрос.

— Она тебе нравится? Только да или нет.

— Да, — терпеливо ответил он.

Она прищурила глаза.

— Что тебе в ней нравится?

Да, выискивает ошибки.

Зейн шагнул вперед, сокращая между ними расстояние.

— Ты такая, какая ты есть Коралл. И если ты хочешь что-то в себе изменить, делай это для себя, а не для того, чтобы удовлетворить требования мужчины.

Он почувствовал укол иронии, понимая, что около года назад дал почти такой же совет Индиго, когда она тосковала по Роху.

Когда он протянул руку, чтобы погладить ее по голове, она прижалась к нему и потерлась о его грудь щекой. И слегка выгнулась, касаясь его грудями. Но от этого он почувствовал скорее неловкость, чем возбуждение.

— Ты смоешь ее запах? — спросила она.

Где-то внутри него волк Зейна зарычал.

Он его проигнорировал.

— Конечно.

Ее рука скользнула мимо его шкуры, и холодный палец прошелся по одной из мышц торса.

— Я могу искупаться с тобой.

Зейн подавил вздох.

— Я устал. Может быть, в другой раз.

Отстраняясь от нее, он направился к своей комнате. Он не стал извиняться, потому что знал, что она последует за ним.

— И как долго я должна ждать? — ее настроение снова вернулось, и ему не нужно было поворачиваться, чтобы знать, что она сердито на него смотрит. — Если бы Индиго не убежала, мы бы уже стали парой. Я не буду ждать следующей течки только для того, чтобы у тебя было время похотливо кружить вокруг этого че...

Зейн прижал два пальца к ее губам, эффективно заставляя ее замолчать. Его собственный нрав вспыхнул, но, к счастью для них обоих, у него было гораздо больше самоконтроля. Он молчал, пока не был уверен, что успокоился и собрался с мыслями.

— Коралл, я был альфой в течение почти десяти лет. Если бы я хотел пересмотреть соглашение, которое заключили наши родители, то у меня было достаточно времени, чтобы это сделать. Ты и я будем парой.

Казалось, что на данный момент желание сражаться ее покинуло. Она кивнула, подтверждая, что поняла его.

— Хорошо. Тогда позволь мне уйти.

Зейн подождал, пока затихнут ее удаляющиеся шаги, затем подошел к своей кровати и рухнул на ложе из меха. Следы аромата Джиннифер остались на его шкуре, и он понял, что ему придется помыть и ее.

Позже, сказал он себе.

Глава 7

Джиннифер сидела на кровати рядом с Боазом, положив голову ему на плечо. Их глаза были прикованы к экрану старенькой Sony, кинокамеры, которую он использовал, чтобы запечатлеть свое путешествие к логову. Пока он снимал, как их лодка плыла по заливу, его Volex выскользнул из его рук. Однако Тэллоу, обладавшая великолепными рефлексамии, поймала его до того, как он погрузился в черные глубины. Тем не менее, он пропитался водой, и смогут ли они его спасти, еще предстояло выяснить. С учетом того, что его самая ценная вещь могла превратиться в металлолом, он был в хорошем настроении, и они большую часть утра занимались просмотром отснятого материала.

Камера была направлена на Тэллоу, сидевшую в лодке напротив Боаза. Ее руки лежали на веслах, глаза смотрели на звездное небо впереди, и она выглядела не так, как Джиннифер ее помнила. Более утонченной, почти царственной в своей невозмутимой простоте.

Боаз сказал:

— Ну так что, Тэллоу, могу я задать тебе вопрос?

Она не обернулась, чтобы на него посмотреть, но ее глаза разного цвета переместились в его сторону.

Камера слегка затряслась, и Джиннифер представила, как Боаз нервно почесал голову.

— Эээ, ты и Зейн, типа, я не знаю, ты типа его подруга?

Джиннифер съежилась, но не стала комментировать. Рядом с ней Боаз почесывал свою голову.

На камере Тэллоу прищурила глаза.

— Альфы не заводят подружек, они не мальчишки-подростки. Почему ты вообще меня об этом спрашиваешь?

Джиннифер задавалась тем же вопросом. У нее не возникло даже малейшего впечатления, что Зейн был с кем-то связан. По крайней мере, до их... чем бы оно ни было.

Прежде чем она успела услышать ответ Боаз, он нажал на кнопку быстрой перемотки вперед.

— Ничего из этого не важно.

Джиннифер подтолкнула его плечом.

— Расскажи, о чем вы говорили.

Они были в комнате Бриз, в которой Джиннифер спала прошлой ночью. Вначале она была немного удивлена, что ей не выделили собственную комнату. Кроватью Бриз служила приподнятая на полом каменная платформа, покрытая таким количеством мягкого меха, что было легко забыть, что ты спишь на большом камне. Хотя кровать и была удобной, но в то же время была довольно маленькой, так что Джиннифер и Бриз спали бок о бок, на расстоянии в несколько дюймов между ними.

Комната была удивительно приятной, учитывая, что это, в сущности, была полость в пещере. Полom служил плоский камень, полностью покрытый темным ковром, сотканным из шерсти овцебыка. Поверхность потолка выровняли и придали ей куполообразную форму, а такие же гладкие стены украсили полками. Нижние занимали стопки с одеждой и несколько керамических бутылок, в которых, как знала Джиннифер, были мыло и ароматические масла. На верхних полках аккуратно выстроились фигурки животных, вырезанные из камней и кристаллов.

После того, как она быстро помылась в ванной с теплой водой, Бриз привела ее обратно в комнату и, оставив там, посоветовала выключить лампу, как только разложит свои вещи по местам. В крошечной темноте комнаты Джиннифер не сомкнула глаз, пока через несколько часов в кровать рядом с ней не залезла Бриз. После этого она проспала как убитая весь день и вечер, едва проснувшись, когда утром Бриз ушла на охоту.

Боаз закрыл экран камеры.

— Мы разговаривали о личных вещах. В любом случае, ничего, что я бы хотел увидеть в фильме. Единственная причина, почему я продолжил снимать, это потому что мне было проще смотреть на нее через объектив камеры. Она так...

Джиннифер поняла, что она была так озабочена Зейном, что не заметила, что между Боазом и Тэллоу что-то происходило. По крайней мере, что-то большее, чем поддразнивания, которые она наблюдала.

Боаз казался взволнованным, так что она решила не давить на него, хотя ее распирало от любопытства.

— В любом случае, я думаю, мы должны сегодня начать брать интервью, — сказал Боаз. — Тебе нужна помощь, чтобы составить вопросы?

Она покачала головой.

— Нет, пока что пусть все идет, как идет. Учитывая, что это закрытое общество, я думаю, что лучше всего вовлечь их в разговор, когда они лучше нас узнают. И уже затем

мы сможем проработать открытые вопросы.

— Звучит неплохо.

В своей записной книжке она начала разрабатывать план на ближайшие несколько дней. У кого они хотели взять интервью, и что они хотели попытаться снять. Мало того, что они нашли стаю оборотней, их в нее приняли и позволили снимать, и это изменило все ее планы. Кого-то такие трудности могли испугать, но они оба, казалось, были только рады отвлекаться.

— Я думаю, мы должны выбрать трех или четырех волков, которые станут центром нашего фильма, — сказала Джиннифер. Сейчас они оба были на кровати, и она сидела, положив голову на руку, покусывая кончик карандаша. — Мы можем их устами рассказать историю всей стаи, так что в процессе рассказ получится более живым.

Боаз отвлекся от своих каракулей.

— Как думаешь, кого выбрать?

— Ну, очевидно Зейн, — сказала она с некоторой неохотой. Она знала, что должна была держаться подальше от альфа-самца, но он был слишком интересен, чтобы не включить его в состав. — С Бриз легко общаться, и она дает очень много информации. Ты и Тэллоу... друзья, так что она будет хорошим третьим вариантом.

— Что случилось с твоей шеей?

Вздрагнув, Джиннифер шлепнула себя ладонью по шее.

— Что ты имеешь в виду?

— Там синяк.

Ее напряжение немного спало, когда она поняла, что Зейн ее не укусил, хотя до сих пор не была уверена, как объяснить засос, который он там, несомненно, оставил. К счастью, ее спасла Индиго, которая секундой позже просунула голову в комнату.

— Бриз здесь? — спросила она.

— Она еще утром ушла с охотниками, — сказал Боаз. — Вероятно, уже вернулась. Может, посмотришь в главной комнате?

Индиго вошла вовнутрь.

— Я подожду. А чем вы тут занимаетесь?

На ней были выбеленные джинсы и лавандовый свитер с глубоким овальным вырезом, волнистые волосы были собраны назад в хвост. Джиннифер вспомнила, что видела у Индиго веснушки. Но, если они у нее и были, то сейчас были скрыты под тональным кремом и искусно наложенными румянами. Она выглядела так, что вполне могла бы стать рекламной моделью какого-нибудь магазина, и Джиннифер было трудно поверить, что под всей этой современностью скрывался оборотень.

Боаз начал объяснять, что они составляли план их документального фильма. Васильковые глаза Индиго осматривали комнату, и, похоже, ее не особо интересовал его ответ. Когда она понюхала воздух, и ее ноздри затрепетали, Джиннифер почувствовала себя неуютно и продолжила держать руку на шее.

— Ты не хотела бы дать нам интервью? — спросил Боаз.

Индиго приподняла бровь.

— Я?

Внезапно Джиннифер забыла про свой дискомфорт, и на ее лице расплылась улыбка. Она задавалась вопросом — кого бы выбрать четвертым — и Индиго оказалась идеальным вариантом. Зейн, Тэллоу и Бриз были гораздо более дружелюбными, чем она ожидала. Нс

любой, кто посмотрит на Индиго, вряд ли увидит в ней что-то другое, кроме нормальной девушки. Лучшего кандидата и быть не может.

Джиннифер села, осторожно подтянув шкуру так, что она прикрывала ее шею. Она взглянула на Боаз и сказала:

— Возможно, мы сначала должны спросить ее брата. Он может и не разрешить.

Боаз преувеличенно вздохнул.

— Ага, ты права. Мы действительно должны получить его разрешение.

— Я не нуждаюсь в разрешении моего брата, — сказала Индиго с плохо скрываемым раздражением во взгляде. — Я совершеннолетняя и могу делать все, что хочу.

Боаз быстро принес извинения.

— Мы не хотели обидеть. Разумеется, ты достаточно взрослая. Ну, так что, ты это сделаешь?

— Может быть. Что я должна сделать? Ответить на несколько вопросов?

— Вообще-то, я надеялась, что мы сможем сделать немного больше, — сказала Джиннифер. — Я бы хотела сделать с тобой несколько интервью и, может быть, отправить Боазу, чтобы он повсюду за тобой ходил. Ты отличаешься от других, и я думаю, что людям действительно понравится увидеть мир твоими глазами.

Никогда еще девушка не слышала такого совершенно соблазнительного заявления, но, не смотря на то, что в глазах Индиго были искры заинтригованности, ее взгляд оставался ровным.

— Я дам одно интервью, — сказала она. — И, если мне это не понравится, больше ничего делать не буду.

— Справедливо, — сказал Боаз. — Как насчет сделать это прямо сейчас?

— Здесь?

Джиннифер сказала.

— Мы можем пойти в твою комнату? Это будет хорошим фоном.

Индиго заколебалась, глядя на них с подозрением.

— Хорошо. Но ничего не трогайте.

Они подождали, пока Боаз установит настройки камеры, после чего Индиго вывела их в коридор. Как и в комнатах, стены здесь были выровнены, но попадались места, где в камне были вырезаны слова и незамысловатые рисунки.

По дороге они прошли мимо нескольких комнат. Большинство дверных проемов было закрыто шкурами, чтобы сохранить тепло. И больше, чем один раз, она слышала отголоски детского смеха.

Комната Индиго была всего в нескольких минутах от комнаты Бриз. Она помахала им войти, и, как только они оказались внутри, передала фонарь Боазу и плюхнулась на кровать. Куполообразным потолком и стенами с полками ее комната походила на комнату Бриз. Однако полки Индиго были полностью заставлены книгами, которые были аккуратно сложены в ряд и сверху этого ряда настолько плотно, насколько позволяло место на них.

Джиннифер потянулась к книгам, многие из которых были ей знакомы. Провела пальцем по корешку «Анны Карениной», не обнаружив ни одной пылинки.

— Я же сказала ничего не трогать, — сказала Индиго, хотя прозвучало это не особо раздраженно.

— Извини. Я помню, как читала ее на первом курсе в колледже, — сказала она. — До сих пор не могу поверить, что дочитала до конца.

Индиго встала с кровати и, подойдя к книжной полке, бросила оценивающий взгляд на Джиннифер.

— Она тебе не понравилась?

Джиннифер пожала плечами.

— Она навела тоску. Впрочем, это характерно для Русской литературы.

Индиго слегка улыбнулась.

— Я продолжала надеяться, что дальше будет лучше, но все становилось только хуже и страшней. А эту ты читала?

Она вытащила толстую книгу в красной мягкой обложке, и Джиннифер узнала «Унесенные ветром» еще до того, как она полностью оказалась в руках Индиго.

— Эту я прочитала в средней школе, — сказала она. — Я прятала ее под подушкой так, чтобы мама ее не обнаружила.

Индиго сморщила нос, от чего стала выглядеть моложе и совершенно милой.

— А почему тебе пришлось ее прятать?

— Моя мама думала, что читать ради собственного удовольствия это пустая трата времени.

Стоявший позади них Боаз спросил:

— Что это?

Не дожидаясь ответа, он что-то сделал, раздался щелчок, и внезапно всю комнату залило светом. Джиннифер моргнула, разыскивая глазами источник освещения. В стены были вмонтированы шесть бра, в каждом из которых было по лампочке, вкрученной в темное основание. Вдоль стен были проложены тонкие провода, которые вели к большому черному ящику, стоявшему возле кровати Индиго.

Индиго подошла к ящику и пнула выключатель ногой. Свет выключился, и комната снова стала тускло освещенной одним фонарем.

— Это солнечный генератор, — сказала она. — И мне не понравилось тащить его сегодня наружу для подзарядки. Так что не трать мое электричество. Оно мне понадобится для зарядки ноутбука.

Джиннифер и Боаз обменялись взглядами. Боаз спросил:

— У тебя есть ноутбук? Может, и Wi-Fi есть?

Индиго нетерпеливо постукивала ногой по полу.

— Ты в самом деле думаешь, что здесь я могу получить доступ в интернет? Я что, выгляжу, как волшебник? Вы вообще собираетесь брать у меня интервью или пришли сюда, чтобы устраивать беспорядок в моих вещах?

В очередной раз извинившись, Боаз начал возиться со своей камерой. Джиннифер все же уговорила Индиго позволить им использовать освещение, пообещав, что следующим утром лично вытащит генератор на солнечный свет.

Установив освещение, Джиннифер помогла Индиго устроиться на кровати, приготовившись к съемке. Неожиданно для Джиннифер, Индиго послушалась ее инструкций, и как только Боаз начал снимать, она с удовольствием отметила, что в кадре Индиго вела себя очень естественно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она присела рядом с Индиго. Они еще не решили, должна ли Джиннифер сама появиться на экране, но учитывая, что это будет неформальное интервью в виде дружеской беседы, имело смысл, чтобы на этот раз и она там была.

— Твоя кровать такая мягкая, — устроившись на ней, прокомментировала Джиннифер.

— Я сделала небольшой матрас из перьев гаги и шерсти.

Джиннифер провела рукой по лежащему внизу лиловому одеялу.

— Это ты тоже сама сделала?

Индиго покачала головой.

— Его для меня достал брат. Южнее отсюда есть город, так что он и другие иногда туда ходят за разными вещами.

— Разве они не беспокоятся, что могут привлечь внимание?

— Когда нам нужно, мы можем сойти за людей, — немного настороженно сказала она. Она нахмурилась и затем сказала. — Я предполагаю, что некоторые местные жители подозревают, кто мы такие, но не думаю, что кто-то им поверит. Когда большинство людей думают об оборотнях, они представляют волосатых, горбатых, бешеных монстров, а не длинноногих блондинок типа Тэллоу. Или, ну... да ладно, ты же видела моего брата.

Индиго лукаво на нее взглянула, и Джиннифер пожелала, чтобы ее щеки не отреагировали. Ей раньше не приходилось брать много интервью, так как большая часть ее фильмов была о животных и лишь иногда о местных жителях. Тем не менее, пока она находилась в кадре, то ее трудно было рассердить. Как правило.

— Похоже, ты уже оценила современные удобства, — сказала Джиннифер, мягко перенаправляя Индиго. — Я никогда не ожидала обнаружить здесь современные электронные устройства. И у тебя впечатляющая коллекция книг.

— Ну, нам совсем не нравится жить в каменном веке. Ты бы хотела жить при свете костра или без компьютера?

— Вообще-то мне приходилось пожить и без того, и без другого, — сказала ей Джиннифер. — Боаз и я много времени провели в развивающихся странах. Поверишь мне или нет, но ты и ваша стая устроились лучше, чем большинство людей. У вас есть чистая вода, много еды, одежда, жилье, и из того, что я видела, здесь довольно спокойно.

— Большинство стай не живут так, как мы. И у нас так много всего, потому что мой брат хороший альфа, — нежная улыбка украсила ее губы, но только на секунду. — Пока он не превращается во властного мудака.

— Так ты из-за этого сбежала? Вы что, подрались с Зейном?

Индиго напряглась.

— Щенки убегают. А я взрослая, могу пойти куда захочу.

— Конечно, — сказала Джиннифер без намека на насмешку в голосе.

— Твоя мама была строгая? — спросила Индиго, немного расслабляясь.

Джиннифер кивнула.

— Готова поспорить, что она не позволяла тебе делиться своим телом с мужчинами или преследовать свою пару, да?

Джиннифер ухмыльнулась.

— Я даже не могла слишком долго смотреть на мальчика без того, чтобы она не хлопнула меня по затылку. Хотя, я получила свою честную долю подростковой романтики. Мне просто пришлось проявить немного больше... изобретательности, чем большинству моих ровесников.

— Да, ну тогда представь, что твоя мать могла почувствовать запах возбуждения или запах пота мужчины, который остался на твоей коже. Или если твоя мать начальник всех мужчин, которых ты знаешь, и они все боятся навлечь на себя ее гнев.

— Понимаю, — сказала Джиннифер, почувствовав себя неловко. — Так твой брат не одобряет твои попытки начать отношения?

Она не спросила про родителей Индиго. Никто о них не упоминал, и она подозревала, что, поскольку Зейн был альфой, это означало, что они умерли.

Взгляд Индиго переместился на книжные полки.

— Мне девятнадцать. Все другие женщины моего возраста свободны делать с мужчинами все, что им заблагорассудится. Но как только я начинаю кем-то интересоваться, мой брат тут же вмешивается. Он все еще считает меня подростком и думает, что я должна проявлять интерес к мальчикам моего возраста.

Индиго недвусмысленно посмотрела на Боаза, и он высунул голову из-за камеры.

— Мне двадцать шесть, — проворчал он.

Джиннифер бросила на него укоризненный взгляд. Он всегда был хорош тем, что во время работы исчезал на заднем плане и не был замечен. Но его возраст был для него особо чувствительной темой, которую он, похоже, никак не мог преодолеть.

Возвращаясь к интервью, Джиннифер спросила:

— Так, твой брат не против твоих отношений, просто он хочет, чтобы ты встречалась с кем-то твоего возраста?

Индиго прошипела свое разочарование.

— Это не вопрос возраста. Если бы здесь был парень моих лет, который бы имел все качества, которые мне нужны, то я бы с радостью его рассмотрела.

— Ну, тогда что же ты ищешь?

Она ни минуты не колебалась, и у Джиннифер сложилось впечатление, что она уже много раз прошла по этому списку.

— Для начала я хочу альфу. Но остановлюсь на бете, если он достаточно силен, чтобы стать альфой, потому что я хочу свою собственную стаю. Моя стая будет достаточно близко к стае брата так, что наши щенки смогут играть вместе — у нас их будет четверо, но не подряд. Я не собираюсь становиться какой-то племенной кобылой.

Три года — это хорошая разница в возрасте. Они все еще смогут играть друг с другом, если щенки моего брата окажутся такими же маленькими придурками, как и он. И мы не будем жить слишком близко, так что Зейн не будет приходить и командовать мною. И, кроме того, моя пара не позволит Зейну говорить мне, что делать. На самом деле Зейн будет его бояться, потому что он будет очень сильным, и у него будет плохая репутация. Но это лишь для показухи, ну ты понимаешь? В глубине души он будет добрым и нежным, но только со мной и нашими щенками. И если он будет обладать всеми этими качествами, я не буду возражать, если он будет не очень красивый. Я не ожидаю, что он будет совершенным, просто хочу, чтобы он был необычным. Это разумно?

Через несколько секунд тишины Джиннифер поняла, что Индиго ждет ответа.

— Ну, это довольно конкретно, — неуверенно сказала Джиннифер. — У тебя уже есть кто-то на примете?

С легким вздохом, Индиго упала назад на кровать.

— Нет, не совсем. Один раз, я думаю... это странно, но думаю, я могла почувствовать его запах. Я не знаю, как это объяснить. И вот почему мне нужно уйти из логова. Каждое мгновение, что я провожу здесь, я могла бы потратить на его поиски.

Джиннифер подумала, что, может быть, Индиго нужно перестать читать романы, но оставила это для себя.

Боаз переустанавливал камеру под другим углом, но Джиннифер махнула ему отвернуть объектив. Они уже получили приличное количество кадров, и у нее уже сложилось представление о том, каким станет их документальный фильм.

Джиннифер знала, что должна поблагодарить Индиго и на этом остановиться, но она чувствовала себя странно озабоченной положением Индиго. Она отодвинулась назад на кровати, пока не смогла смотреть на нее, не выворачивая шею.

— Там, откуда я родом, девятнадцать — это слишком молодой возраст, чтобы брать на себя пожизненные обязательства.

Это было самое близкое, что она осмелилась сказать вместо «может быть, твой брат прав». Она не могла не задаться вопросом, было ли желание Индиго искать пару рождено искренним желанием или это был ее способ восстать против брата. Может быть, если она услышит это от другой женщины, то это поможет ей увидеть вещи в истинном свете.

Индиго ей улыбнулась, но ее улыбка показалась слишком сладкой.

— Так сколько тебе было лет, когда Аарон сделал предложение?

Джиннифер попыталась сглотнуть, но у нее во рту внезапно пересохло.

— Откуда ты знаешь про Аарона?

— Боаз рассказал о нем Тэллоу на следующее утро после нашей встречи, помнишь?

— О, верно.

На мгновение Джиннифер подумала, что Индиго каким-то образом узнала о неловких вещах, в которых она призналась Зейну. Она немного расслабилась, понимая, что это было невозможно.

— Мне было девятнадцать, — осторожно призналась Джиннифер. — Но мы согласились подождать, пока я не закончу колледж, чтобы я имела лучшее представление о том, чего хочу в жизни.

— Ты уже не в колледже, да?

— Я бросила колледж, чтобы продолжить свою карьеру.

— Но ты не вышла замуж?

— Пока нет. Аарон и я были оба очень заняты своими карьерами. Видишь ли, это очень важно расставить приоритеты в своей...

— Насколько трудно выйти замуж? Разве свадьба обязательна? Может быть, вы должны всего лишь подписать какие-то бумаги?

Тепло начало распространяться по лицу Джиннифер, начиная от ушей и продвигаясь к щекам.

— Здесь больше, чем все эти вещи, — объяснила Джиннифер. — Мы не хотели пожениться и жить на разных континентах. Мы поженимся, когда будем готовы купить дом и создать семью.

Она надеялась, что слова не прозвучали так же горько, как они ощущались. Это было то оправдание, которое всегда использовал Аарон, когда они оба оказывались в штатах, и Джиннифер импульсивно предлагала слетать в Вегас. Когда это говорил он, то все звучало разумно. Но когда Джиннифер их повторила, Индиго скривила лицо, словно съела лимон.

— Это ужасно. Тебе сколько лет, тридцать?

У Джиннифер отвисла челюсть, и она услышала, как захихикал Боаз.

— Мне двадцать шесть.

Он засмеялся еще сильнее.

— Полагаю, ты не очень старая. Но, тем не менее, прошло семь лет! Я не понимаю, как

он мог столько ждать, чтобы заявить на тебя свои права. Он что, тебя совсем не уважает или он не влюблен в тебя?

Внезапно Боаз перестал смеяться, и в комнате стало тихо. Джиннифер чувствовала, как ее лицо окаменело, и была удивлена, что была в состоянии двигать губами.

— Что ты имеешь в виду?

Индиго села и нахмурила брови, что выглядело как искреннее беспокойство.

— Либо он тебя не уважает и не считает, что ты заслуживаешь обязательств. Либо не любит достаточно сильно, чтобы дать тебе это.

Боаз решил высказаться.

— Брак не настолько важен там, откуда мы, Индиго. Многие люди имеют счастливые, здоровые отношения и без этого. И не мужчина решает, когда женщина выйдет за него замуж. Это взаимное решение, которое Аарон и Джиннифер примут, когда оба будут готовы.

Джиннифер была благодарна за его вмешательство, но от его слов глаза защищало от слез. Не потому, что они были неприменимы к ее ситуации, но потому, что Боаз был ее лучшим другом и не имел понятия о том, что она переживает. Никто не знал, за исключением Зейна.

— Ты прав, — холодно сказала Индиго. — Полагаю, что я лишь читала книги, и действительно не очень хорошо понимаю ваши обычаи. Но, если бы мужчина попросил меня стать его парой и затем годами томил в ожидании, я бы сочла, что он меня не достоин. Думаешь, это не разумно?

На этот раз Джиннифер не думала, что Индиго нужен ответ.

Глава 8

— Вау... — сказал Боаз, потирая сбоку голову. — Она... это нечто.

Джиннифер испытала облегчение, покинув комнату Индиго и вернувшись в холодный коридор. Она ощущала, как будто ее расчленили, и все, что она хотела, это остаться в одиночестве, залезть в постель и попытаться себя собрать.

— Куда мы идем? — спросила она, когда Боаз повел ее в направлении, противоположном комнате Бриз.

Он глубоко вдохнул через нос.

— Ты не чувствуешь этот запах? Можешь вернуться в комнату и есть на обед протеиновые батончики, если хочешь, но ты не жила, пока не попробовала жареного овцебыка.

— Когда ты ел это мясо?

— В отличие от тебя, я не проспал ужин прошлой ночью. Пошли, я покажу тебе дорогу до общей комнаты.

Общая комната была недалеко, и прогулка была недостаточно долгой для Джиннифер, чтобы очистить голову. Тем не менее, оказалась вполне адекватным отвлечением от ее печальных мыслей.

В большой комнате было светло и тепло. Похоже, в ней могло поместиться человек сто, и она была набита до отказа. Везде, куда бы она ни смотрела, были оборотни, объединившиеся в небольшие группы. Несколько старых и много молодых. Большинство из них ело, но здесь так же были группы игравших детей и собравшиеся в кружок вязавшие женщины. И где-то в стороне кто-то грубым голосом пел веселую песню.

Боаз потянул ее за собой, помогая ориентироваться в море людей. Впереди она увидела Бриз, Тэллоу и Кува, сидевших с тремя незнакомыми людьми. Увидев их, она сразу почувствовала острую боль разочарования и поняла, что искала в толпе Зейна.

Бриз тепло их поприветствовала и, к удивлению Джиннифер, Боаз представил ее незнакомцам — Роху, Марлу и Энцо. Рох был красивым молодым мужчиной с уверенным выражением лица. Средних лет Марл с тонкими седыми волосами и ярко-голубыми глазами выглядела лет на пятьдесят пять — шестьдесят. Возраст Энцо было определить труднее. Он был высокий и худой, но не настолько тощий, как Боаз. Ее бабушка сказала бы, что на его костях не хватало мяса. Она подумала, что он мог быть примерно ее возраста, но из-за постоянного румянца на щеках выглядел лет на десять моложе.

Джиннифер почувствовала себя лучше, когда Кува улыбнулся при ее появлении и похлопал по пустому месту рядом с собой. Она волновалась, что обидела его ранее, и была рада видеть, что он вовсе не был расстроен.

— Где ты был? — спросила Тэллоу, дергая Боаза и усаживая рядом с собой. Боаз рассказал, что они брали у Индиго интервью, на что Тэллоу отрывисто рассмеялась. — Интересно, вам удалось получить прямые ответы кроме всей этой подростковой тревоги?

Боаз почесал голову.

— Я не подсчитывал, но мы, вероятно, ответили на большее количество вопросов, чем она.

На полу перед ними стоял большой, круглый поднос, наполовину заполненный кучкой вареных корнеплодов, которые казались не совсем съедобными. А на другой половине лежали толстые полоски жареного мяса. Тэллоу уже скормила Боазу один кусочек, но Джиннифер колебалась, неуверенная, было ли удобно брать без приглашения.

Она воспользовалась возможностью понаблюдать за странной парой — экзотической красавицей Тэллоу и выглядевшим как мальчишка Боазом. Никким образом он не был непривлекательным. Они встретились в средней школе, и это было время, когда стал популярным фильм «Властелин колец». И все девочки сохли по нему, думая, что он был похож на кудрявого Леголаса. Потом, похоже, период полового созревания поразил всех, кроме него. По ее мнению, он так и не повзрослел и остался скорее милым, чем красивым. И ей было странно видеть, что он был обласкан такой красивой женщиной.

— Ты голодна? — спросил Кува, предлагая ей кусок мяса.

Джиннифер поколебалась, но решила не оскорблять его во второй раз. К тому же это выглядело очень аппетитно.

— Я поймал это сегодня утром, — сказал ей Кува. — Именно поэтому нам досталось лучшая тарелка.

— Угу, — сказала Джиннифер с полным ртом сочного мяса.

— А я помогал его поймать, — сказал Рох. С надеждой в зеленых глазах он наклонился вперед, предлагая еще один кусок. — Попробуй этот кусочек. Это моя любимая часть.

Энцо сунул ей в лицо третий кусок мяса.

— Так вкусно, — сказала она, облизывая пальцы. — Я могла бы есть это каждый день.

— Тогда мы для тебя завтра добудем еще одного, — сказал Кува.

Она нервно облизнула губы, не зная, что сказать. Марл пришла ей на помощь, помавав рукой перед мужчинами.

— Оставьте бедную девочку в покое и дайте ей спокойно поесть. — Она подала Джиннифер чашку, в которой плескалась теплая жидкость. — Вот, попей чаю без всяких

обязательств.

Джиннифер поднесла чашку к губам, скрывая ухмылку. Она сделала несколько глотков и затем взяла корнеплод.

— Я слышала, в нескольких днях пути есть город. Вы там покупаете чай? — Она очень хотела завязать разговор с кем-то помимо мужчин. И, кроме того, что-то в Марл ее заинтересовало.

— Я брала его в Натак, маленькая деревня недалеко отсюда. Она гораздо ближе к логову, чем Порт Трент.

— А как вы за это расплачиваетесь?

— Мы продаем местным всякие ненужные вещи — в основном мех.

— И они знают, кто вы?

— Некоторые думают, что я оборотень, — сказала Марл, сверкнув глазами. — Но это не мешает им покупать у меня мясо зимой.

Энцо добавил:

— Они думают, что она оборотень, потому что она позволяет им это. Как только кто-то пытается заставить ее платить полную цену, она делает лицо с сумасшедшими глазами и начинает трястись, пока они не отдадут все за бесценок.

На что Тэллоу возразила:

— Ага, только не всегда это работает. Когда я в последний раз пошла с ней, владелец магазина выгнал нас, как мокрых собак. Кое пришлось заигрывать с его сыном, чтобы мы смогли попасть туда в конце смены.

Марл нахмурилась на Тэллоу.

— Это не сработало по единственной причине — ты начала смеяться.

— Ты так глупо выглядела, — застонала Тэллоу, шлепнув себя по голове. — Этого вообще не нужно было делать. Мы с Кией могли сверкнуть клыками, и он бы обмочился от страха.

— Подождите, так вы человек? — вмешалась Джиннифер. — Здесь есть еще люди?

Лицо Марл заметно оживилось, когда она одарила Джиннифер улыбкой.

— Прямо сейчас здесь только старая Джун и я. Но раньше были и другие.

Джиннифер знала, что мать Зейна была оборотнем, но ее интересовало, был ли его отец тем типом мужчин, про которых ей рассказывала Бриз. У которых одновременно было несколько женщин. Она бросила быстрый взгляд на Энцо, но с его спутанными черными волосами, широким скулами и глазами скорее желтыми, чем золотыми, в нем не было никакого сходства с Зейном или Индиго.

Джиннифер спросила Марл:

— Могу ли я как-нибудь взять у вас интервью?

— Конечно. Как насчет сегодня вечером? Моя комната с цветами вокруг двери.

Джиннифер мысленно приняла это к сведению и поблагодарила ее. Она надеялась, что в ее комнате ничто не будет мешать Марл откровенно рассказать о жизни стаи с точки зрения человека. И, может быть, о бывшем альфе.

— Ты можешь взять интервью и у меня, — сказал Рох. Чтобы привлечь внимание, он положил руку ей на колено, но так и не убрал ее оттуда.

— И у меня, — сказал Кува, снова предлагая ей еще один кусочек мяса. Она взяла его и хлопнула по руке Роха.

Они продолжили общаться. Тэллоу и Боаз разговаривали слишком тихо, и из-за шума в

комнате она почти их не слышала. Поэтому она сделала все возможное, чтобы внести вклад в разговор с Бриз и Марл. Так что ей не нужно было выделять кого-то из мужчин. Она не боялась с ними общаться, но у нее было впечатление, что если она с кем-то будет слишком любезна, то в их головах появятся сумасшедшие идеи. У Кувы, вероятно, уже какая-то созрела.

Разговор на какое-то время затих, и Джиннифер, не понимая, что делает, начала осматривать толпу. Она почти сразу же нашла альфу. Он стоял между коренастым мужчиной и мускулистой женщиной с темными глазами, и было похоже, что они оба говорили одновременно. Ее взгляд остановился на женщине. Она подумала, что та была симпатичной, если вам нравятся женщины атлетичного телосложения. Затем быстро отвела взгляд, подумав, была ли это Коралл.

Она попыталась вернуться в разговор, но не могла удержаться от того, чтобы украдкой поглядывать в направлении Зейна. Чем дальше она на него смотрела, тем больше замечала деталей помимо его физической привлекательности. Левый уголок его рта изогнулся в легкой улыбке, но он ни разу не обнажил зубы, и его полуулыбка не коснулась глаз. Помимо этого, выражение его лица почти не менялось, оставаясь нейтральным. Однако она заметила легкое подергивание его правой щеки, когда что-то его обеспокоило, он сжимал челюсть.

Хоть она и решила не смотреть слишком долго, в конце концов, он поймал ее взгляд. Когда их глаза встретились, на его лице не было удивления, и она подумала, что он все время знал, что она за ним наблюдала. Его глаза быстро и выразительно повернулись влево. Через секунду она увидела, как он извинился и, покинув двух оборотней, направился к главному выходу из общей комнаты.

Джиннифер втянула нижнюю губу. Это был сигнал ей последовать за ним? И даже если это так, должна ли она это делать?

Она сказала себе, что если бы он хотел с ней о чем-то поговорить, то сделал бы это в присутствии других. Если она последует за ним в темный коридор, то ничего хорошего из этого не выйдет.

— Ты в порядке, Джин? — с обеспокоенным взглядом Кува наклонился к ней поближе. — Твое сердце, оно бьется быстрее.

Она похлопала его по плечу.

— Я в порядке. — Голос был неестественно высоким, и она сделала вдох, чтобы успокоиться. — Действительно. Вообще-то мне нужно пойти пописать. Я вернусь скоро... ммм... скоро вернусь.

Джиннифер встала, надеясь, что не привлекла внимание остальных. Она сказала себе вернуться в свою комнату, но ноги упрямо последовали за Зейном.

Ужин был в самом разгаре, и лишь немногие оборотни обратили на нее внимание, когда она прошла мимо. Дойдя до входа в тоннель, она, прищурившись, вглядывалась в темноту в поисках Зейна.

Темнота всегда заставляла ее нервничать. Это был один из тех непонятных страхов, оставшихся еще с детства. Вряд ли когда-нибудь она сможет его полностью преодолеть. Она подумала вернуться за фонарем, но не хотела привлекать к себе слишком много внимания. Расправив плечи, она шагнула в холодный проход.

Девушка шла очень осторожно. Так как впереди был слабый свет, здесь не было совершенно темно. Ее глаза стали приспособляться к темноте, и она почувствовала облегчение.

Тревога исчезла, сменившись предвкушением. Будет ли Зейн ждать где-то в тоннеле? Она представила, как он тянет ее в тень и толкает к стене, мягкие губы накрывают ее рот. Воспоминания об их последнем поцелуе до сих пор были настолько свежими и яркими, что ее тело начало желать его. Ее совесть при этом была странно молчаливой.

— Ты хотя бы представляешь, как пахнешь, когда возбуждена?

Хотя Джиннифер ожидала с ним встретиться, она от неожиданности подпрыгнула. Зейн не схватил ее и не попытался снова поцеловать. В тусклом свете она видела, что он прислонился к стене. И хотя поза была расслабленной, выражение лица было напряженным.

Она вспомнила, как Индиго сказала, что оборотни могут учуять запах возбуждения, и ей это совершенно не понравилось. Кроме того, она подумала, что, если они продолжат разговор в том же направлении, она на самом деле окажется у стены.

— Ты хотел, чтобы я за тобой пошла, да? — отрывисто спросила она. — О чем-то хотел поговорить?

— Нет. — Он позволил своему ответу зависнуть достаточно долго, чтобы она начала волноваться. А затем сверкнул улыбкой и клыками, и она почувствовала, как у нее в животе запорхали бабочки. — Твоя камера с тобой?

Она кивнула.

— Всегда.

— Тогда ладно. Пошли.

* * *

Небо было покрыто темными облаками, между которыми пробивался слабый синий свет. В застывшем воздухе Зейн все еще мог слышать звуки стаи, доносившиеся сзади, и звук водопада впереди.

Он чувствовал себя более настороженным, чем обычно. Почти мог чувствовать волка в своей голове, который всматривался его глазами и периодически исследовал участок на наличие угроз. Хотя остров был самым безопасным местом на их территории, и ничто никогда не приближалось к его берегам. Но когда конкретно эта женщина была с ним рядом, он не мог вести себя рационально.

— Я даже не подозревала, что уже так поздно, — сказала она, глядя куда угодно, только не на него. — Мы с Боазом проработали дольше, чем я думала.

При упоминании Боаза его когти начали покалывать. Опять же, ее окружал запах человеческого мужчины, а собственный запах Зейна исчез. Что он находил почти столь же раздражающим.

— Эта одежда намного теплее, чем моя, — сказала она, рассеянно потирая мех на шее.

Когда Зейн впервые увидел, как она вошла в центральную комнату, то почти зарычал от удовлетворения. Она поменяла свои многочисленные слои громоздкой одежды на более практичную, сделанную из мягкой кожи и отороченную мехом горносталя. Ему нравилось видеть ее в меху. И ничуть не помогал тот факт, что она перекинула свои длинные волосы в одну сторону, обнажая гладкую длинную шею.

Она продолжала говорить, как будто боялась тишины. Зейн ей это позволил, потому что не знал, что сказать, появившись такая возможность. Скорее всего, что-то, чего не должен был говорить. Учитывая его неестественно сильное к ней влечение, ему следовало вообще ее избегать, не говоря уже о том, чтобы брать на прогулку по своей территории.

— И к тому же она очень удобная. Очень тонкая работа. Моей сестре она бы очень понравилась. Она работает в журнале мод. Верхняя часть была бы ей как раз, хотя не представляю, где бы она могла ее носить. В Майами по-настоящему жарко. Тем не менее, было бы хорошо иметь такую вещь. Может быть, Бриз позволит мне ее забрать, когда я буду уезжать.

— Когда ты уезжаешь? — спросил Зейн. Похоже, это был достаточно разумный вопрос.

— Мне бы хотелось остаться и по-настоящему погрузиться в жизнь стаи, но... — Она, наконец, посмотрела на Зейна с подобием улыбки на лице. — Я не хочу навязываться.

Он понимал, что она говорила не о том, что отнимает чью-то пищу или занимает чью-то постель в стае. Зейн увидел ее обнаженную шею и не в первый раз подумал, что эта гладкая кожа дразнила его клыки. Его пах пульсировал, что само по себе говорило о том, что она должна уйти. И чем скорее, тем лучше. Затем его взгляд переместился к ее вопрошающим светло-карым глазам с бахромой длинных, густых ресниц, и всякая надежда на рациональность пропала.

— Оставайся столько, сколько захочешь, — сказал он. Обращаясь больше к своему волку, чем к ней, добавил. — Мы с Коралл станем парой в конце весны. После чего твое пребывание здесь не будет столь... проблематичным.

Она кивнула, хотя он видел, как напряглись ее губы. В течение нескольких секунд было тихо, слышно лишь, как хрустел снег под ногами. Когда он уже подумал, что она не собирается ничего говорить, она выпалила:

— Ты ее любишь?

Никто не задал бы ему такой вопрос. Никто бы не посмел совать нос в дела альфы, за исключением, возможно, Тэллоу и Индиго. Но для них ответ на этот вопрос был и так ясен.

— Не люблю, нет.

Она медленно выдохнула.

— Тогда почему ты берешь ее в качестве своей пары?

Было много ответов, но только один он счел возможным дать.

— Ты помнишь Седна, северную стаю, про которую я тебе рассказывал?

Джиннифер кивнула.

— Коралл — дочь их альфы Шейл. Наши стаи станут ближе друг к другу, если я возьму ее себе в пару.

— Тогда это что-то вроде политического брака?

— Да, что-то вроде того.

Следующий вопрос его удивил.

— Она хорошенькая? — Она слегка покраснела, прежде чем сказать. — Я только спросила, потому что мне интересно, почему она тебя не привлекает. Что, наверное, нахальство с моей стороны. Может быть, она тебя привлекает, и то, что случилось между нами, было просто... В смысле, глупо думать, что тебе не могут нравиться сразу два человека.

Зейн позволил ей говорить, обнаружив, что ему очень нравится видеть ее взволнованной. Его глаза снова остановились на ее шее, но он заставил себя отвести взгляд.

Когда она начала говорить о том же по второму кругу, он прервал ее сказав:

— По тому, как они сейчас сердито смотрят друг на друга, ты бы ни за что не догадалась, что Индиго и Коралл раньше были лучшими подругами. Для Коралл домом всегда были Седна, но, будучи ребенком, она все зимы проводила здесь. Чтобы, когда она

повзрослеет и станет моей парой, была уже знакома со своей новой стаей.

Когда они стали подниматься по крутому склону, он с трудом подавил желание предложить ей руку. Понимая, что это будет лишь предлогом, чтобы оставить на ней свой запах.

— Так ты знаешь ее с тех пор, как вы были детьми? — спросила Джиннифер.

Зейн не мог скрыть, что ему было неприятно, и он нахмурился.

— Ей не было еще и десяти, когда я стал альфой. Раньше они с Индиго делали для меня снежные пирожные и каждую ночь вторгались в мою комнату, утверждая, что им снятся страшные сны.

Он с нежностью вспоминал эти ночи, хотя в то время считал их ужасно надоедливymi. Он тосковал по тем временам, когда Индиго была маленькой и прекрасно помещалась на сгибе одной руки. А Коралл лежала в другой, тихо посапывая.

— Я не должен был относиться к ней, как к сестре, — сказал Зейн. — Но для меня было невозможно смотреть на нее иначе, чем просто как на девочку.

Это по-прежнему так и оставалось.

— Ты не должен быть с кем-то, кого ты не любишь. — Она добавила торопливо: — Я не говорю тебе, не... ты знаешь... доводить дело до конца. Я последний человек, который может давать советы в вопросах отношений, но я думаю, ты заслуживаешь быть счастливым.

Зейн хотел спросить, была ли она счастлива с Аароном, но остановил себя. Если она снова будет эмоциональной и уязвимой, он захочет ее успокоить, и это приведет к повторению той ночи. От одного воспоминания о коротких мгновениях, когда ее тело было прижато к нему, и только грубая ткань брюк удерживала его от того, чтобы оказаться внутри нее, он начал возбуждаться.

Он обрадовался, когда они добрались до вершины холма. Джиннифер увидела окружающий пейзаж и забыла о разговоре, бормоча слова восторга. Глубокие сугробы все еще покрывали землю, хотя большая их часть скоро растает. Далеко на горизонте заходящее солнце бросало красный и оранжевый свет на облака. А под ними сверкала поверхность залива.

— Вон там мы бы пришвартовались, — сказал он, показывая на небольшую бухту. — Если бы не кит.

— Это удивительно, — сказала она, уже держа в руках камеру.

Он молчал в течение нескольких минут, позволяя ей снимать пейзаж. Как только она сделала несколько панорамных снимков, он начал показывать на разные вещи, объясняя, как это место изменится весной. Рассказывал о стадах карибу, которые скоро наводнят регион, о разных видах рыбы, которую они ловят в заливе. Когда он рассказал о месте, где рождаются детеныши овцебыков, на ее лице мелькнула улыбка.

— Сегодня утром Кува поймал одного! Это было так вкусно, никогда не ела ничего подобного.

Его волк оцетинился при воспоминаниях о том, как Кува ее кормил, и как бледное подобие мужчины Рох положил на нее руку. Он заметил это и многое другое. Когда она вошла в главную комнату, а затем усаживалась, чтобы поесть, многие мужчины повернулись в ее сторону, забыв про свои тарелки.

— Я оставлю кожу и шерсть от следующего пойманного овцебыка, — сказал он ей. — И кто-нибудь из женщин сошьет для тебя одежду.

— Ты сам собираешься охотиться?

Охота в одиночку на овцебыка было то, за что он часто выговаривал дерзким молодым мужчинам, особенно зимой, когда самки были такими же злобными, как и быки. Но когда она ему улыбнулась, Зейн почувствовал, что сможет самостоятельно убить целое стадо.

— Конечно собираюсь.

— И я смогу пойти с тобой и помочь его поймать?

Он фыркнул, развеселившись.

— Каким образом ты собираешься помогать?

— Я не знаю. Наверное, могу спугнуть, чтобы он побежал в твою сторону. Эй, не смейся!

Зейн прикрыл рот свободной рукой и приглушенным голосом ответил:

— Я не смеюсь.

Она прищурила глаза.

— Однажды я помогала поймать болотного оленя.

— Что такое болотный олень?

— Это типа антилопы.

Что по-прежнему ни о чем ему не говорило.

— И насколько он большой?

Она на минуту задумалась и затем показала рукой чуть выше бедра.

— Но это, не включая его рогов, и они очень быстрые.

Все еще посмеиваясь над ней, Зейн спросил:

— Как ты думаешь, какого размера овцебык?

— Я еще не видела ни одного вблизи. — Она подняла руку до талии. — Может такой?

Он взял ее за запястье и поднял руку чуть выше груди. — Вот такой высоты быки и в два раза длиннее. Когда они улавливают запах хищника, то образуют плотный круг вокруг своих телят, так что смотрят во всех направлениях.

Джиннифер закатила глаза.

— Все, что я слышу — ты не думаешь, что сможешь уберечь меня от кучи снежных коров.

Она рассмеялась, и внезапно Зейн почувствовал, как напряглись мышцы живота, и ему ужасно захотелось ее поцеловать.

— Я возьму тебя посмотреть на снежных коров, — сказал он хриплым голосом. — Но ты будешь стоять там, где я скажу, и не сдвинешься с этого места, пока я не разрешу.

— Ты босс, как скажешь, — сказала она, игриво ткнув в него пальцем. Ему захотелось укусить этот палец. — Могу я взять с собой камеру?

— Конечно.

Глава 9

Вернувшись в логово, Джиннифер с облегчением обнаружила, что Бриз не было в комнате. Она села на кровать, забравшись под пушистые одеяла. Если бы здесь была подушка, она, наверное, стала бы кричать, уткнувшись в нее лицом. Вместо этого она закрыла голову руками и застонала.

Ее совесть, теперь она стала осознавать, что это была она, звучала хуже, чем ее старшая сестра, которая всегда находила способ указывать на ее выдумки.

Как думаешь, что ты делаешь?

— Снимаю документальный фильм, — пробормотала Джиннифер и повторила, как мантру, словно пытаюсь отогнать ворчливый голос.

Ты нагло заигрываешь с мужчиной, который уже с кем-то в отношениях. Не говоря уже об эмоциональной измене своему жениху, который в Сирии строит дома для детей-сирот.

— Это его вина, что он на мне не женится, — прошептала она в ответ. — Сколько он еще собирается мне вешать лапшу на уши?

Может, если ты перестанешь улыбаться и кивать головой каждый раз, как Аарон идет спасать мир, то он, наконец, поймет, что ты хочешь завести семью.

— Потому что это так легко сказать ему, что я намного важнее, чем люди, с которыми он работает.

Или может быть, причина, по которой ты продолжаешь улыбаться и кивать в том, что если ты останешься с ним больше, чем на несколько месяцев, то поймешь, что он просто твое подростковое увлечение. Но ты слишком упряма, чтобы с ним порвать.

— Джиннифер?

Она подскочила, вскрикнув от неожиданности, когда голова Боаза появилась в дверном проеме, и он вопросительно на нее взглянул.

— Ты в порядке? Что-то ты слишком... пугливая в последнее время.

Джиннифер пригладила волосы.

— Ну, мы в волчьем логове, — отмахнулась она. — Ты чего хотел?

— Мы собирались взять у Марл интервью, — напомнил он.

Правильно. Комната с цветами. Блин.

Она была рада снова услышать собственный голос, а не свою благочестиво — лицемерную совесть.

— А что, Бриз спокойно воспринимает то, что ты разгромила ее комнату? — спросил Боаз, оглядываясь вокруг.

Джиннифер бегло оглядела комнату. Несколько вещей валялось на полу, но все было не так уж плохо. И она знала, где и что лежит.

— Шутишь что ли? Это самая чистая комната, что у меня была.

Боаз почесал затылок.

— На самом деле, это мало о чем говорит. Напомни мне, когда мы закончим с Марл, и я помогу тебе убраться. До того, как это увидит Бриз.

Встав с постели, она последовала за Боазом. В коридоре было тихо. Большинство волков были либо в общей комнате, либо укладывались спать. Все, что она прочитала об оборотнях, говорило, что они были ночными созданиями. Однако волки Силуит спали посменно, причем основная часть популяции в первой половине долгой ночи. Им нравилось просыпаться до восхода солнца, к чему Джиннифер привыкла. Хотя без кофе с трудом волочила ноги.

Найти комнату Марл было просто. В камне вокруг дверного проема был высечен замысловатый цветочный узор. Проход был закрыт снаружи лоскутным одеялом, а изнутри старой шкурой. Они заглянули вовнутрь и обнаружили темную и холодную комнату. Но прежде чем они решили, что делать дальше, голос Марл раздался с другой стороны коридора.

— Подождите меня там. Я сейчас буду.

Джиннифер повернулась, обнаружив, что шкуры на соседней комнате отдернуты, и можно было заглянуть вовнутрь. Марл сидела в кресле возле кровати с большой книгой в

руке. Она говорила слишком тихо, чтобы услышать ее в коридоре. Выражение ее лица было безмятежным. Джиннифер сделала несколько шагов в сторону и обнаружила трех маленьких детей. Двое лежали рядом в кровати, третий лежал поперек них на животе.

— Откуда они все взялись? — подумала вслух Джиннифер.

— В основном из Натака, — сказал Боаз. Он понизил голос. — По крайней мере думаю, что именно так сказала Тэллоу. Это деревня недалеко отсюда. Одна из женщин, у которой есть дочь Кая, очень часто ездит туда и забирает детей в стаю.

— Но как они там появляются? — спросила Джиннифер, когда они вошли в комнату Марл. Фонарь Боаза осветил помещение, но в нем до сих пор было неприятно холодно.

Нахмурившись, Боаз сказал:

— Люди оставляют их с ней. Это своего рода хорошо известный секрет, что у нее есть связь с местной стаей, и женщины приходят туда из разных мест, чтобы отдать ей своих детей. Начиная от Квебека на юге и до Аляски на западе.

От его слов Джиннифер стало не по себе.

— Это ужасно. Они отказываются от своих детей?

— Не думаю, что все так просто, — сказал он, уже устанавливая камеру. — По словам Тэллоу, растить ребенка-оборотня в человеческом обществе все равно, что пытаться держать львенка в квартире на Манхэттене. На какое-то время это возможно, но он начинает расти и...

— Парень, ты не знаешь и половины, — сказала Марл, входя в комнату. — Я пять лет сама пыталась растить Энцо, прежде чем поняла, что сделала все, что было в моих силах. Щенкам нужна стая, старшие волки направляют их и учат тому, как себя контролировать и взаимодействовать с другими.

— Но зачем бросать их? В смысле, вы ведь остались жить с Энцо, правильно? Или матерям не разрешают присоединиться к стае?

— Нет, Зейн и его отец до него позволяли остаться, если женщина хотела. Некоторые так и поступали, но не задерживались надолго. Эта жизнь не для всех. А что касается остальных, думаю, большинство из них были рады избавиться от бремени. Это как найти новый дом для собаки.

Джиннифер нашла аналогию ужасающей, но не подала вида. Она не понимала, как кто-то мог видеть молодого оборотня не ребенком, а чем-то иным. Марл не проявила особой обеспокоенности тем, о чем она рассказала. Но было ясно, что она не разделяла настроений других матерей, поскольку предпочла остаться со своим сыном.

— Ты, — сказала Марл, указывая костлявым пальцем на Боаза. — Иди и найди себе другое место. Этот разговор только между нами девочками.

— Но я оператор...

— Я сказала кыш, — ответила Марл, провожая его до двери.

Марл подождала в проходе, прислушиваясь к удаляющимся шагам Боаза. Потом она повернулась и указала на камеру и сказала:

— Убери эту штуковину. Здесь полно красивых людей для съемки, никто не захочет видеть мою морду.

— О... — сказала Джиннифер, вставая и отключая камеру. — Если вы хотите дать письменное интервью, то мне придется сходить за ноутбуком.

— Я тебя звала сюда не для интервью, — сказала Марл, присаживаясь на край своей кровати. Она похлопала место рядом с собой и подождала, когда Джиннифер сядет. — На

следующей неделе мы с Энцо собираемся в Порт Трент. И прежде, чем я уйду, хотела спросить, нужны ли тебе противозачаточные средства.

Джиннифер уставилась на Марл, но она, не обращая внимания, продолжила говорить.

— И не говори, что у тебя есть презервативы, потому что они не пригодны. Даже если ты заставишь его их использовать, то поверь моему опыту — их будет недостаточно. Кроме того, тебе нужно что-нибудь гормональное, ну знаешь, мази некоторое время работают. Скроют твой запах, и он не будет сходиться с ума.

— Кто он? — спросила Джиннифер сдавленным голосом.

Марл подняла руки вверх.

— Кто угодно, желательнее не мой Энцо. Но давай серьезно. Тебя не интересует этот тощий парень со стрижкой под горшок. Так же, как и милый маленький оператор, который таскается за тобой по пятам. Держу пари, ты нацелена на кого-то повыше. — Она поджала губы. — Намного выше.

— Я не...

— Я знаю, знаю. Ты не планируешь ничего делать. Но поверь мне, это неважно, что ты планируешь. Во время овуляции ты будешь как кошка во время течки. Особенно если позволишь ему вонзить в тебя зубы.

Часть тревоги Джиннифер уступила место веселью. Это напомнило ей разговор с бабушкой перед ее выпускным вечером. Хотя там было меньше разговоров о клыках и зубах, а больше напоминаний о том, что Бог все видит. Джиннифер быстро сменила тему и полчаса пыталась объяснить ей, как работает Депо-Провера. И еще один час, давая задний ход и уверяя, что это только для регулирования месячных. А не потому, что у нее большое количество подросткового секса.

— Не волнуйтесь, я предохраняюсь.

Последний укол Депо она сделала за неделю до отъезда и оставался еще по крайней мере месяц до следующего. Не то, чтобы он мог ей понадобиться.

— Это действительно единственная причина, по которой вы меня сюда пригласили?

Марл просто на нее посмотрела.

— Ты бы обрадовалась, что я завела этот разговор, если бы не предохранялась. Честно говоря, даже не знаю, о чем он думал, приведя сюда в логово такую симпатичную девушку, как ты. Полагаю, что сын пошел в отца.

— Что вы имеете в виду? — спросила Джиннифер, подвинувшись ближе.

Марл сжала губы, словно боясь, что ненароком проболтается.

— Только между нами? — предложила Джиннифер.

Ее рот распахнулся.

— Хорошо, хорошо. Хотя это действительно не твое дело. Когда мы с Энцо пришли сюда, все было не так мирно, как сейчас. Южные стаи были изгнаны со своих земель людьми, и все сражались за территорию, особенно за эту.

— Почему за эту?

— Местоположение, — сказала Марл. — Не у каждой стаи есть стада карибу, ежегодно кочующие прямо у порога. Или овцебыки, развалившиеся на заднем дворе. Не говоря уже о том, что мы можем в случае необходимости всю зиму ловить рыбу. В то время как большинство стай задумываются, когда они смогут поесть в следующий раз, мы в половине случаев выбрасываем недоеденное мясо.

Много раз разные члены стаи упоминали о том, что Силуит обладают большими

ресурсами. Но Джиннифер воспринимала это как хвастливое преувеличение. Ей и в голову не приходило, что их жизненный опыт мог так сильно отличаться от других стай.

Марл продолжила:

— К тому времени мать Зейна уже умерла, но Эфраим, бывший альфа, не собирался брать себе другую пару. Тем не менее, заботясь о безопасности стаи, он согласился стать парой с Шейл, которая в то время была дочерью альфы Седна. Тебе понятно, о чем я рассказываю?

Джиннифер кивнула.

— Это было, как политический брак? Отец Зейна и Шейл становились парой, чтобы сформировать альянс между Силуит и Седна.

— И да, и нет, — сказала Марл. — Эфраим и Шейл так и не стали парой. За несколько недель до того, как она должна была прибыть к Силуит, Эфраим нашел Джилл. Почти до смерти замерзшую и лепетавшую о какой-то экспедиции.

— Она была человеком?

— Угадала, — сказала Марл, не слишком этому радуясь. — Как только он ее увидел, то забыл о здравом смысле. К тому времени, как Шейл прибыла с севера, Джилл уже была беременна Индиго. Эфраим отказался унижить Джилл, беря другую женщину в качестве своей второй пары.

Джиннифер откинулась назад, опираясь на ладони с удивленным выражением на лице. Она бы никогда не подумала, что Зейн и Индиго были только наполовину брат и сестра. Или что Индиго была наполовину человеком. Хотя если подумать, это было очевидно, потому что Индиго сбрасывала шкуру, когда превращалась.

— Когда Седна узнали, что Эфраим вместо Шейл взял парой человека, они не обрадовались, — Марл подчеркнула слова, давая понять, что это сильное преуменьшение. — Они бы постоянно кусали нас за пятки вместе с другими стаями, если бы Эфраим и их альфа не договорились. Было решено, что когда Зейн достигнет совершеннолетия, он возьмет...

— Коралл?

— Тэллоу в качестве своей пары. — Марл строго на нее посмотрела, недовольная, что ее прервали.

— Что? Тэллоу? Я ничего об этом не слышала.

— Вероятно, потому что из этого так ничего и не вышло. Зейн и Тэллоу по-настоящему друг другу нравились, но, когда она повзрослела, стало очевидно, что она не была похожа на остальных женщин в ее роду. У нее не может быть щенков, так что она не может быть чьей-то парой. И меньше всего парой Зейна с его хорошей родословной. Так что незадолго до того, как Эфраим умер, Боже, упокой его душу, было решено, что парой станут Зейн и Коралл.

— И Зейн с этим согласился? Звучит так, как будто он связан обязательствами из-за неосмотрительности своего отца.

— Эфраим имел столько же прав выбрать пару по своему усмотрению, как и Зейн, — терпеливо сказала Марл. — Единственная разница, что Зейн заботится о стабильности стаи больше, чем о себе самом. И не делай такое печальное лицо. Каждому из нас приходится в жизни чем-то жертвовать. И это его жертва. Так что теперь ты знаешь, почему я тебе об этом рассказываю, да?

— Вы любите посплетничать? — с надеждой спросила Джиннифер.

Марл рассмеялась, от чего ее глаза заискрились.

— Люблю, но мы обе знаем, что это не тот случай.

Джиннифер кивнула, главным образом сама себе.

— Вы не хотите, чтобы Зейн сделал ту же ошибку, что и его отец.

— Я не говорю, что Джилл была ошибкой, — тихо сказала Марл. — Я никогда не встречала более яркой души. И я уверена, что ты бы сделала Зейна намного счастливее, чем это непослушное подобие девушки по имени Коралл. Но когда ты что-то понимаешь, это значит, что ты ничего не понимаешь. По крайней мере, когда это касается волков или политики стаи. Сейчас мирные времена, но без поддержки Седна на этот маленький кусочек рая очень многие положат глаз.

Джиннифер подумала, не рассказать ли Марл, что у нее был жених, и что ее не интересовал Зейн. Но она не была уверена, что сможет в этом убедить саму себя, не говоря уже об этой проницательной женщине. Что у нее нет никаких чувств к альфе, даже если это только похоть.

— Даю вам слово, — сказала Джиннифер. — Я не буду вмешиваться в вещи, которые я не понимаю. И как вы думаете, могу ли я пойти с вами и Энцо в Порт Трент? Мне нужно там кое-что сделать.

Глава 10

— Мы можем огородить вон тот участок и потом построить сарай...

— И где, блин, мы найдем для этого дрова, Дэкс? — спросила Тэллоу, в шестой раз перебивая мужчину. Поворачиваясь по кругу, она взмахнула руками на открытое пространство тундры. — Погоди-ка, сначала ты собираешься вырастить лес, затем срубить деревья, затем построить сарай и потом приручить стадо овцебыков.

Дэкс посмотрел на Зейна с отчаянием и мольбой в больших глазах. Как и большинство волков, он не представлял, как сладить с Тэллоу. В половине случаев Зейн сам не знал.

— Позволь мне закончить, Тэллоу, — сказал Зейн, похлопывая ее по макушке. Она скорчила гримасу, но притихла.

Казалось, он почти каждый день проводил между двумя или даже больше волками, являясь посредником в том или ином обсуждении. Он бы не возражал так сильно, если бы у него оставалось время на то, что ему нравилось делать. В частности, на охоту. Но слишком часто на утреннюю охоту уходили без него, в то время как он оставался слушать предложения и склоки.

Солнце все еще было на востоке, но уже приближалось к зениту, когда Зейн встал на таящую снежную дюну. Он смотрел на долину, заполненную темными камнями, где уже появился мох.

— На юге есть леса, — сказал Дэкс, глядя на Зейна. — Я знаю, что придется приложить усилия, но мы можем привезти дрова, и в долгосрочной перспективе — это того стоит. У нас будет молоко и сыр. Возможно, мы даже сможем использовать навоз в качестве удобрения для посевов. У меня есть несколько идей, как их выращивать внутри сарая.

Зейн подождал, пока Дэкс закончит, а затем одобрительно на него взглянул.

— Это очень хорошая идея, но есть несколько моментов, которые ты не учел. И наименьшая проблема из всех — я не верю, что овцебыки когда-нибудь будут спокойно себя вести, если мы рядом. Они могут учуять, кем мы являемся, и поэтому их трудно будет приручить. Другой момент — если мы начнем строить на этой территории, мы можем

привлечь к себе нежелательное внимание.

Идея Дэкса одомашнить овцебыков предлагалась Зейну не один раз. Обычно оборотнями, которые провели приличную часть жизни среди людей и стремились привнести человеческую изобретательность в стаю. Он уже привык отклонять это предложение, хотя удовольствия от этого не получал.

— Мы с таким же успехом можем начать строить дома, — сказала Тэллоу, не в состоянии удержать язык за зубами. — И пока мы строимся, можно установить знак «Город Оборотней», который будет светиться большими неоновыми мигающими буквами. А под ним будет написано...

Зейну нужно было сделать ей выговор, но ветер переменился, и слабый запах захватил его внимание, его рот начал наполняться слюной. Он оставил пару спорщиков, и нос направил его ноги по следу, оставленному запахом.

На противоположной стороне дюны, вдалеке он увидел три фигуры, направлявшиеся в сторону залива. Еще раз понюхав воздух, он нахмурился и прежде, чем мог передумать, последовал за ними.

Даже в его волчьей форме бежать пришлось долго, но он сумел их догнать, когда они добрались до причала. Боаз был в одной из лодок и, держась за живот, хохотал так, что из уголков глаз выступили слезы. Кува стоял рядом с лодкой, с беспокойством глядя на Джиннифер, которая стояла с кислым выражением на лице, сжав руки в кулаки.

— Я знал, что ты не сможешь этого сделать, — сказал Боаз. — Ты должна мне пятьдесят баксов.

— Я не говорила, что не собиралась этого делать, — парировала она. — Все, что я спросила, выдержит ли лодка всех нас троих.

Прекращая смеяться, Боаз сказал:

— Ты дрожишь, как лист. Просто подожди здесь, и я сам сделаю снимки...

— Я дрожу, потому что на улице, наверное, минус 10 градусов.

Приблизившись к ним, Зейн снова обернулся в свою человеческую форму, но никто из них, даже Кува, не заметил его сразу. Его разозлило, что он мог так близко подобраться к Джиннифер, а мужчина-бета этого не заметил.

— Позволь мне тебе помочь, — сказал Кува, положив руки на бедра Джиннифер. Он попытался ее поднять, но она вскрикнула и вывернулась из его захвата. Боаз разразился очередным приступом смеха.

— Пятьдесят баксов, — подразнил он. — И не Канадскими фантиками.

— Какого черта ты делаешь? — спросил Зейн, неслышно приближаясь к концу причала.

Кува, вздрогнув, поднял голову, а лицо Боаза побледнело. Джиннифер выглядела удивленной. И хотя Зейн мог показаться сердитым, похоже, ее это не беспокоило. Как должно было.

— Мы работаем, — объяснила она, кивая в сторону лодки. — Кува предложил показать нам, как он ловит рыбу.

Зейн скрестил руки на груди.

— Вы можете снимать это с берега.

Ее лицо напряглось.

— Я заберусь в чертову лодку. Почему все думают, что я не могу зайти на борт?

Зейну потребовалась секунда, чтобы осознать, что у них были разные доводы. Прищурив глаза, он сказал:

— Нет, ты не забираешься в эту лодку. И ты никуда, кроме логова, не идешь.

Ее гнев сменился замешательством.

— Что? Почему?

Зейн привык, что ему повиновались, и ее вопросы заставили его призадуматься. Он знал, почему не хотел ее видеть в этой лодке. Это было не безопасно, и, что более важно, он не хотел, чтобы она шла куда-то с Кувой. Просто увидев, как другой мужчина положил на нее руки, Зейн заскрежетал зубами.

Резким голосом он ответил:

— Ты вынудила нас полдороги пройти по земле, потому что увидела кита. А сейчас готова запрыгнуть в лодку, чтобы снимать рыбалку? Вернись в логово и позволь Куве делать его работу. Не замедляя его.

Зейн повернулся и пошел прочь. Обиженный взгляд на ее лице заставил его сердиться на себя сильнее, чем на Куву.

* * *

— Как ты думаешь, что это с ним? — спросил Боаз.

Он говорил тихим голосом и оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что альфы нет поблизости.

Путешествие до логова заняло почти полчаса, и ноги Джиннифер устали. Почти десять минут они шли молча, но ее голова гудела от мыслей. Она видела, как он, до этого, жестко разговаривал с членами своей стаи, но никогда с ней в таком тоне. И это явно было преднамеренно. Это настолько захватило ее врасплох, что она даже не была сердита, просто расстроилась и размышляла, что же она сделала такого, что он так с ней разговаривал.

— Может, у него просто неудачный день, — предположила она.

На что Кува сказал:

— Он был сам не свой с тех пор как сбежала Индиго. Полагаю, для него было тяжело пропустить период спаривания.

— ЧТО? — спросил Боаз.

Джиннифер немного знала о том, что Кува имел в виду. Период спаривания или период крайнего возбуждения, как его называют в некоторой литературе. Это время, когда мужчина-оборотень заявляет свои права на способную к размножению женщину. Предположительно, напряженный, движимый гормонами опыт, который в целом приводил к зачатию. Что, в свою очередь, укрепляло связь в паре.

В общем, Кува объяснил это более простыми словами и затем добавил:

— Индиго ушла в тот день, когда Коралл становилась готовой к зачатию. Зейн не остался, чтобы спариться с ней, даже один раз. Возможно, если бы он это сделал, он не был бы таким...

Кува затих, как будто не желая плохо говорить о своем альфе.

— Мудаковатым? — предложил Боаз.

Пока они шли, Джиннифер пережевывала эту информацию. Из того, что Зейн рассказал ей раньше, у нее было такое ощущение, что он мог оставить Коралл в большей степени ради себя, а не из-за сестры.

— Когда это произойдет снова? — спросила Джиннифер.

Кува пожал плечами.

— Через месяц или два? В отличие от людей, женщины нашего вида способны к оплодотворению не каждый месяц.

Он положил руку на спину Джиннифер, и она внутренне вздохнула.

— Думаю, мы можем сделать это отсюда, — сказала ему Джиннифер. — Почему бы тебе не пойти на рыбалку? Может, я смогу убедить «его святейшество» позволить, по крайней мере, Боазу присоединиться к тебе завтра.

Она почувствовала облегчение, когда он ушел, и они с Боазом начали непринужденно разговаривать, направившись в сторону шпилья у входа в логово. Пока Боаз рассказывал ей о сделанных им интересных кадрах, она кое-что заметила. Прямо на стыке шеи и плеча были два прокола.

— Это... это Тэллоу сделала? — спросила она.

Его рука поднялась к шее. Но в отличие от реакции Джиннифер, когда он заметил ее метки, он нежно погладил это место, и на его губах появилась теплая улыбка.

— Иногда она становится немного свехрехвнивой.

— Разве это не больно?

Его щеки покраснели.

— Немного, полагаю. Если честно, я в тот момент даже не заметил.

— Вы двое...

— Это личное.

Когда Боаз закрылся от нее, чувство боли, которое она уже испытывала из-за Зейна, только углубилось. Но существовало еще кое-что, более скрытое чувство, с которым она не знала, что делать.

— Кажется, в последнее время у тебя появилось очень много личных дел, — пробормотала она. — Надеюсь, ты не забыл, для чего мы здесь.

Она поняла, насколько это было лицемерно, и, когда он перед ней извинился, почувствовала вину.

Боаз сказал:

— Это просто... женщины никогда не смотрели на меня так, как смотрит она. Со всеми остальными я никому не нужен, но с ней...

— Боаз, ты же не серьезно, — сказала Джиннифер, качая головой. — А как же я? Ты и я, мы всегда были лучшими друзьями.

— Я знаю, что я твой лучший друг, — сказал он. — Но я еще и мужчина. И Тэллоу это видит.

Глава 11

— Ну так что, Индиго, покажешь нам, что ты делаешь?

Джиннифер попыталась заглянуть через ее плечо, но Индиго положила руку на лицо Джиннифер и оттолкнула ее назад.

— Перестань меня толкать, — сказала она, не отрывая глаз от своей работы.

Джиннифер смогла только увидеть, что она использовала пинцет и тонкий, удлиненной формы рапшиль, чтобы осторожно подтолкнуть провода на какой-то печатной плате.

— Не хочешь нам рассказать, что делаешь? — с надеждой спросил Боаз.

— Ты все равно не поймешь.

За последние четыре дня они уже в третий раз приходили в комнату Индиго, чтобы

попытаться взять интервью. Но получить от нее хотя бы маленький кусочек информации было как рвать зубы. И как-то получалось, что она все время меняла тему. Джиннифер думала, что она тайно наслаждалась компанией. И получала почти такое же удовольствие от того, что раздражала их.

— О, я почти забыла. — Индиго положила рашпиль и потянулась к прикроватному столику. Она взяла сложенный тетрадный листок и передала его Джиннифер. — Я слышала, ты собираешься с Марл и Зо в Порт Трент. Захвати для меня эти вещи.

Джиннифер развернула бумагу и просмотрела список, который заполнил страницу двумя колонками и включал все — от шампуня до промышленных батарей.

— И где я смогу взять все эти вещи? — спросила она. — А самое главное, как я их смогу принести?

Индиго наклонилась, пошарила под кроватью и вытащила обувную коробку. Когда она ее открыла, то Боаз издал странный звук. В ней оказались пачки канадских денег, причем мелкого номинала не наблюдалось. Индиго схватила пачку полтинников и бросила их Джиннифер.

— Все это легко найти, поверь мне. И не забудь принести сдачу, — сказала она прежде, чем возобновить работу.

Джиннифер снова взглянула на список и вернула половину денег. А затем половину от той, что осталась.

— Думаю, что этого будет достаточно, — медленно сказала она. — Э-э, Индиго?

— Хм?

— Ты где взяла все эти деньги?

Индиго подняла голову с озадаченным выражением лица.

— Их оставила мне моя мама.

— Она была богатой? — спросил Боаз со своего наместа позади камеры.

— Она была грабительницей банков.

Джиннифер и Боаз так пристально на нее посмотрели, что Индиго рассмеялась, качая головой.

— Вы оба такие доверчивые. Если хотите узнать о моей маме, то лучше спросить кого-нибудь кроме меня. Она умерла, когда мне было семь, и я едва ее помню.

— Мой дед умер, когда мне было шесть, — сказала Джиннифер. — И я очень хорошо его помню.

— Рада за тебя, — пробормотала Индиго.

В комнате воцарилась неловкая тишина, раздавалось только царапанье металла по металлу, когда Индиго продолжила работу. Джиннифер разглядывала ее лицо, размышляя, какие черты ей достались от матери, потому что она очень сильно походила на Зейна. От губ бантиком до того, как ее темно-каштановые волосы все время хотели лечь на одну сторону. Единственное реальное различие, которое заметила Джиннифер, были ее веснушки, которые она обычно прятала под макияжем.

Когда она впервые встретила Индиго, Джиннифер понравилась ее дерзость и подростковая раздражительность. Но сейчас она начала понимать, что это был просто один из аспектов многогранной личности Индиго. И в этом отношении она была полной противоположностью своего брата, который, казалось, всегда тщательно подбирал слова.

За исключением того дня, подумала она. Хотя, если он хотел меня унижить, то в этом случае он попал в самую точку.

За последние несколько дней она не очень много думала о Зейне. Если не считать того момента, когда она увидела его в общей комнате во время приема пищи. Или ночью, когда закрывала глаза, и казалось, что он бы вытатуирован на обратной стороне ее век. А потом были сны, которые были настолько тяжелые, что Бриз приходилось ее будить, брызгая на голову холодную воду.

— Моя мама умерла от рака, — сказала Индиго, не отрывая взгляда от своей работы. — Врачи сказали, что ей осталось жить несколько месяцев. Пять или шесть, наверное. Но когда она встретила моего отца, она перестала думать о смерти и начала жить. Она влюбилась. И после этого прожила еще восемь лет. Но она всегда была больной. Вот такой я ее и помню — больной. Пахнувшей смертью и разложением. А потом, когда она умерла, она забрала с собой моего отца. Он просто... ушел в отставку. Словно для него не имело значения, что у него все еще была его стая или Зейн, или... кто-нибудь.

— И тебя вырастил Зейн? — голос Джиннифер был едва слышимым шепотом, словно она боялась, что напугает Индиго, и та снова замолчит.

— Он заботился обо всех нас, — сказала она. — В то время ему было столько же лет, как мне сейчас. Я до сих пор не знаю, как он это сделал, но он сумел. И сделал все намного лучше, чем отец.

Сердце Джиннифер колотилось в груди, когда она оглянулась, чтобы убедиться, что Боаз снимает. Индиго не совсем обнажила свою душу, но сейчас она максимально им открылась.

— Это должно было быть...

Джиннифер прервал пронзительный крик из коридора.

— Ин-ди-го!

Индиго выпрямила спину и повернула голову в сторону двери.

— Даже не смей заходить в мою комнату!

Голос из коридора приблизился.

— Где мой пинцет?

Индиго спрятала пинцет под подушку, и в этот момент шкуру на двери отдернули. В комнату вошла молодая женщина со светлыми волосами, собранными на макушке в пучок. На ней было платье из мягкой кожи, а на плечи накинута большая белая шкура с золотистым отливом.

— Ты не можешь врываться сюда, когда захочешь, — вспыхливо сказала Индиго.

Но блондинка не обращала на Индиго никакого внимания. Ее глаза разного цвета были обращены на Джиннифер. И смотрела она с открытой враждебностью.

— Что она здесь делает?

Джиннифер не пришлось угадывать дважды, чтобы понять, на кого она смотрела. Коралл была кузиной Тэллоу, и сходство было поразительным. Хотя Коралл была почти на пятнадцать сантиметров ниже и имела более миниатюрную фигуру.

Из того, что она слышала о Коралл, она представляла ее моложе. Но в действительности из-за полной груди, широких бедер и изящной костной структуры она казалась более зрелой, чем Индиго, которая была немного ее старше.

— Я даю интервью, — сказала Индиго, вставая с кровати. — И ты нас прерываешь.

Боаз вышел из-за камеры, протягивая Коралл руку.

— Привет. Не могу поверить, что мы еще не встречались. Я Боаз и дружу с Тэллоу. — когда она не прикоснулась к его руке, он неловко убрал ее назад. — Так ты пара Зейна,

правильно? Я думал ты выше. Мы почти одного роста.

Коралл уничтожающим взглядом заставила его замолчать и снова повернулась к Джиннифер.

— Верно, я пара Зейна.

Если бы Джиннифер все еще была девочкой-подростком, она бы съежилась под этим взглядом. И хотя определенно было неудобно являться объектом презрения Коралл, особенно когда она это заслужила, Джиннифер распознала, что скрывалось под демонстративным поведением Коралл. Она была неуверенна в себе.

— Я знаю, — мягко сказала Джиннифер. — И тебе не о чем беспокоиться.

Это был максимум того, что она была готова сказать, пока Боаз был в комнате. Однако она надеялась, что позже она сможет отойти с Коралл в сторону и принести ей своего рода извинения и заверения. Она сможет объяснить, что это она подбивала клинья к Зейну, и она не знала, что у него в то время были обязательства перед кем-то еще.

Коралл побледнела, и у нее отвисла челюсть, прежде чем она сказала:

— Ты же понимаешь, что если волк заявил свои права на пару, а другой волк хочет это оспорить, то они сражаются. И ты должна знать, что я хороший боец.

Джиннифер заморгала, потому что с каждой секундой Коралл выглядела все моложе.

Индиго сказала:

— О, пожалуйста. Ты не сможешь пробиться даже из бумажного мешка.

— Не вмешивайся, — отрезала Коралл.

— Не командуй мне тут, — ответила Индиго.

Она вплотную подошла к Коралл и вынудила более маленькую женщину посмотреть на нее снизу-вверх. А потом начала вытеснять ее к двери.

— А сейчас убирайся к черту из моей комнаты и держись подальше, или я расскажу моему брату, что ты флиртуешь с Рохом.

— Как будто его это беспокоит, — прошипела Коралл, когда ее вытолкнули из комнаты.

Она еще несколько минут простояла снаружи, громко возмущаясь по поводу пинцета, но не предприняла никаких усилий, чтобы вернуться. Индиго стояла спиной к двери, сложив руки под своей маленькой грудью. Когда Коралл наконец-то в бешенстве умчалась, из Индиго, казалось, выкачали воздух. Она добралась до кровати и рухнула на нее лицом вниз.

Когда до Джиннифер дошло, что же произошло, она подошла к кровати и села рядом с Индиго. Индиго повернула к ней лицо, но ничего не сказала.

— Зейн говорил, что вы раньше были подругами, — сказала Джиннифер.

— Ага, когда были детьми. До того, как она вбила себе в голову, что она лучше, чем я. И все из-за того, что собирается стать парой моего брата.

Боаз сказал:

— Я думал, что они уже пара.

— Пока еще нет, — сказала Индиго. — И не станут, если я смогу что-нибудь предпринять.

— Ты из-за этого убегала? — спросила Джиннифер. — Потому что знала, Зейн отправится за тобой вместо того, чтобы спариваться с Коралл?

Индиго отвернулась, так что Джиннифер не могла видеть ее лицо. Когда она заговорила, Джиннифер помахала Боазу, и он, взяв камеру, вышел из комнаты.

— Я решила, что-либо остановлю их от спаривания, либо к тому времени, как это

случится, я буду уже далеко. В любом случае, мне не придется быть поблизости и наблюдать...

Индиго сделала паузу, и, когда снова заговорила, в ее голосе была такая ранимость, что Джиннифер потянулась и положила руку ей на спину.

— Я наполовину человек. И однажды я могла бы иметь пару, своих собственных щенков. Но шансы таковы, что я буду как все остальные. Хотя это не то, чего я хочу. Больше всего на свете я хочу пару и свою собственную семью и... я не собираюсь оставаться здесь и смотреть, как Коралл получит все, что я всегда хотела.

Джиннифер села рядом с Индиго и обняла ее. Индиго не ответила взаимностью, но и не отстранилась.

— Не говори моему брату, что я тебе рассказала.

— Конечно нет.

Глава 12

Джиннифер оторвала взгляд от ноутбука и посмотрела на часы, задаваясь вопросом, что задержало Боаза. Он сказал, что придет в полдень просмотреть отснятый материал. Однако шел уже второй час. С тех пор, как они попали к Силуит, он перенял их смутное представление о времени. Даже если они решали что-то сделать в определенное время, он часто приходил позже и редко имел какое-то оправдание.

Она знала, что, вероятно, он был с Тэллоу. Их отношения отнимали большую часть его времени, хотя Джиннифер была не в том положении, чтобы жаловаться. Из-за его близости к Тэллоу, которая занимала высокое положение в иерархии стаи, ему было легче получить откровенные интервью и много хороших кадров. Фактически, даже с достаточным количеством свободного времени, у Джиннифер не было и половины кадров, которые можно было использовать в дальнейшем.

В отличие от Боаза, ее по-прежнему воспринимали, как постороннюю. Бриз была дружелюбна, но почти всегда находилась за пределами логова. Джиннифер активно избегала Куву, потому что каждый раз, когда она смотрела в его сторону, он пытался познакомиться с ней поближе. Она добилась некоторого успеха с Индиго, но в основном благодаря Марл.

Марл была местным целителем, медсестрой в своей «прошлой жизни», а так же она заботилась о самых маленьких детях. Тех, которые были слишком малы, чтобы остаться без присмотра. И хотя в логове было много маленьких детей, под присмотром Марл было только несколько малышей. Потому что дети оборотней были удивительно самостоятельны, как только достигали возраста пяти или шести лет. И примерно в это же время они начинали проводить большую часть времени за пределами логова. Но теперь их уже «пасла» физически более сильная Бриз.

К удивлению Джиннифер, Индиго проводила большую часть своего времени, помогая Марл. Она очень умело зашивала раны, и, казалось, инстинктивно знала, чем болен человек, и как это вылечить. Она даже проводила время с маленькими детьми, где ее жесткий экстерьер таял, и она становилась совсем другим человеком. Тем, кто напевал песенки, корчил глупые рожицы и целовал царапины и ушибы.

Общаясь с Индиго, Марл и детьми, Джиннифер просто потакала своим желаниям потому что это не могло принести какую-то пользу ее проекту. Одним из немногих правил, установленных Зейном, был запрет снимать детей, так как они были главными целями для

браконьеров.

Вздыхнув, она засунула свой ноутбук в сумку и бросила ее на пол. Она встала, в последний момент вспомнив, что нужно заправить постель. Ей никогда не удавалось аккуратно хранить вещи, и Бриз неоднократно угрожала заставить Джиннифер спать в ее собственной комнате, если она не начнет за собой прибираться. Джиннифер не горела желанием спать одной в холодной постели. И на данный момент она не думала, что сможет вытащить Боаза из комнаты Тэллоу.

Она подошла к двери и оглянулась на комнату, приподнимая шкуру. Все выглядело не так уж и плохо. Несколько вещей лежали не на месте, но она уберет их, когда вернется. Сейчас же она собиралась помочь Марл и Индиго.

Шагнув через дверной проем, она столкнулась с чем-то твердым. Ей не нужно было смотреть, чтобы понять что, или вернее, кто это был. Она сделала шаг назад, пропуская Зейна в комнату, но его запах уже творил ужасные вещи с ее телом.

Он был закутан в свою темную шкуру, на подбородке была суточная щетина, а на его губах была небольшая улыбка. Его темные волосы были аккуратно перекинуты на одну сторону, и Джиннифер подумала, что он их специально уложил. Хотя она никогда не замечала, чтобы кто-то из мужчин стаи утруждал себя такими вещами.

Он посмотрел на комнату, и его улыбка исчезла.

— Что здесь случилось?

Она почти забыла, насколько сексуальным был его голос в сочетании с запахом. От чего ее сердце застучало быстрее. Она услышала его слова, но ей потребовалось время, чтобы понять их смысл. Как будто она переводила их с языка, который едва знала.

Проследив за его взглядом, она снова посмотрела на комнату.

— Ээ, что?

Да уж, косяк.

Зейн вошел вовнутрь, позволяя шкурам упасть, закрывая дверной проем.

— Это все твои вещи?

Джиннифер обхватила свое тело руками.

— В основном, да. Кроме вещей на полках.

— Теперь я понимаю, почему Бриз так злится, — сказал он.

Джиннифер пнула несколько листов бумаги поближе к одной из ее сумок.

— На самом деле все не так уж плохо, как кажется на первый взгляд. Я за час смогу все это прибрать.

— Конечно, — медленно произнес он.

Джиннифер встала перед ним, как будто таким образом могла закрыть вид на комнату.

— А что ты здесь делаешь, между прочим? Разве ты не должен меня игнорировать?

— Я тебя не игнорировал, — сказал он, и его золотые глаза встретились с ее. Она почувствовала себя почти неловко под тяжестью его напряженного взгляда. — Вообще-то я пришел извиниться за прошлую неделю. Я был к тебе несправедлив.

— Я уверена, что ты найдешь способ загладить свою вину.

Она намеревалась сделать это заявление легким и игривым, но когда услышала подтекст в своем голосе и увидела вспышку желания на его лице, то почти захотела взять свои слова обратно. Почти.

— Я имела в виду...

— Я знаю, что ты имела в виду, — сказал он, скривив губы. — Сейчас я действительно

намерен загладить свою вину. Если ты мне позволишь.

Она втянула губы, пытаясь их увлажнить. Ее голос стал хриплым:

— Да?

— Я собираюсь взять тебя на охоту.

* * *

Овцебыки переместились на небольшое расстояние с того места, где сегодня утром их заметил Зейн. Он остановился на скале, достаточно далеко, чтобы их не было слышно, но так, что они оба могли ясно видеть добычу.

Как только Джиннифер слезла с его спины, он принял свою человеческую форму. Она уже была на земле, лежа на животе, когда он опустился рядом с ней. Зейн был рад увидеть, что у нее были хорошие охотничьи инстинкты. На одной половине своей шкуры он лег сам, а другой прикрыл их обоих сверху. Она вопросительно на него посмотрела.

Хотя они были далеко от стада, но Зейн все равно говорил тихим голосом.

— Мы подождем здесь, пока один из них не отобьется от стада.

Обычно он не так охотился на овцебыков. Как правило, он шел по меньшей мере с тремя другими волками. Двое отвлекали и пугали стадо, в то время как он и ещё один волк убивали выбранную добычу. Он был совершенно уверен, что сможет самостоятельно уложить овцебыка, хотя ему никогда раньше не приходилось этого делать.

— Ты же не собираешься убивать одного из малышей, да? — спросила она.

— Правильно.

— Или одну из их матерей? Потому что это будет отчасти тоже самое, ты же понимаешь?

Зейн потерял ее макушку. Этот ласковый жест он часто использовал по отношению к Тэллоу и Индиго. Но с Джиннифер он обнаружил, что не гладит ее волосы, а именно трет. Ему хотелось запустить свои пальцы в ее шелковистые локоны, но он сдержался и убрал руку.

— Не беспокойся. Я же обещал тебе быка, не так ли?

Ее щеки окрасились.

— Обычно я не беспокоюсь о таких вещах. Понимаю, что это круг жизни и все такое. Я много снимала, как животные умирают, и действительно помогала поймать ту болотную антилопу. Но это... как будто затрагивает меня лично. Они все занимаются своими делами, и вдруг одному из них придется умереть просто для того, чтобы я могла сделать интересный кадр.

Нахмурившись, она потрогала свою камеру.

Зейн насчитал тринадцать овцебыков и четырех телят. Вдалеке, слева от стада, стояла корова и угрюмый старый бык, жевавшие скудную растительность. Зейн указал на быка, ожидая, когда Джиннифер посмотрит в ту сторону.

— Тот бык, прямо вон там. Его хватит, чтобы кормить стаю два дня. Три, если они не будут слишком разборчиво выбирать, что есть. — Что, конечно, никогда не случалось, но это не относилось к делу. — Мы здесь не для того, чтобы ты могла снимать или чтобы у тебя была обещанная мной шкура. Мы охотимся, чтобы накормить нашу стаю.

Она улыбнулась, услышав его слова, и Зейн почувствовал укол тоски. Наша стая. Но это была не ее стая. И никогда не станет, если он не заявит на нее права, как на свою пару. Он

отвернулся от нее, внутренне застонав, когда его член начал набухать. Почему он не мог просто оставить ее в покое?

Он пытался. В течение нескольких дней избегая ее. Но это был какой-то странный парадокс. Чем больше он старался, тем, казалось, больше она была повсюду. Он не мог сделать вдох в логове, чтобы не почувствовать след ее соблазнительного аромата. Даже когда он был в центральной комнате, и там была сотня волков, говоривших громко, чтобы их услышали, он всегда мог выделить ее тихий голос и перезвон ее смеха. Он не видел ее во сне каждую ночь. Но, казалось, она была последней, кто был у него на уме, когда он засыпал, и первой, о ком он думал, когда просыпался. Сексуально возбужденный от желания.

Иногда по утрам он изо всех сил старался лежать в постели, ожидая, когда страстное желание спадет. Каждую ночь приходила опасная мысль пойти к ней и привести ее в свою комнату, чтобы они могли разделить постель. Если бы он взял ее хотя бы один раз, то это бы обуздало его желание обладать ею. Удержало бы его, пока Коралл не станет его парой должным образом. Инстинкт — биология, как называла это Индиго — взял бы свое, и он бы почувствовал, что Джиннифер ему больше не нужна.

Это было так же удручающе, как и необходимо. Чем больше он хотел выбросить ее из головы, тем в большей степени она становилась неотъемлемой частью его сознания. Временами он с трудом верил, что, когда она уйдет, внутри него не останется пустота. Что Коралл каким-то образом заполнит все пространство, оставленное этой человеческой женщиной.

Они не разговаривали, пока день не превратился в ранний вечер. Между ними было так много невысказанного, что тишина должна казаться гнетущей. Однако Зейн чувствовал себя более удовлетворенным, чем за все прошедшие дни. Когда солнце стало садиться позади них, Джиннифер прислонила голову к его руке. Ему нравилось чувствовать ее вес, и после нескольких мгновений он положил подбородок на ее голову. Она рассмеялась, полностью положила на него голову и позволила своим глазам закрыться, но не заснула.

Бык так и не сдвинулся со своего места, хотя несколько раз отгонял более молодых самцов от лучшей кормовой площадки. В конце концов, другие стали обходить его стороной, и Зейн увидел в этом благоприятную возможность. Он прикоснулся носом к голове Джиннифер и быстро вдохнул ее запах до того, как сдвинуть ее со своей руки.

— Никуда не уходи с этого места, — сказал он ей, прежде чем встать со своей шкурой.

Переместившись на другое место, он пожалел, что ее понюхал. Его эрекция сделала превращение исключительно неудобным. Он посмотрел на нее и заметил, что она выглядела настороженно с камерой в руках, нацеленной на стадо. Он быстро осмотрел территорию, убеждаясь, что она была безопасной, и не было видно никаких угроз. Удовлетворенный осмотром, он спустился по склону холма, прижимаясь к земле и оставаясь в тени.

Темнота затопила долину, но ему это принесло мало пользы, потому что добыча могла видеть в условиях низкой освещенности. Когда он оказался на равнине, ему пришлось медленно ползти, чтобы не раскрыть себя. Продвигаясь позади животного, Зейн вынужден был выбросить Джиннифер из головы, чтобы удержаться от навязчивого желания проверить скалу.

Он приближался почти бесшумно, но, когда был почти в пределах досягаемости, бык поднял свою лохматую голову. Глядя прямо на Зейна, он издал громкий рев, прежде чем побежать. Зейн мог слышать, что стадо пришло в движение, и понял, что, если он быстро не нанесет удар, бык присоединится к остальным, и этой ночью уже не будет возможности

изолировать другое животное.

Он легко догнал быка, но прежде чем запрыгнуть на него, немного подождал, стараясь держаться подальше от головы. Несмотря на то, что он был сильным хищником, рога могли с легкостью его проткнуть, в считанные секунды лишая жизни. Когда он вцепился в горло, зажав челюстями дыхательные пути, у него мелькнула дикая мысль. Если он умрет, то Джиннифер останется в тундре одна.

Сможет ли она найти дорогу назад к логову? Он так не думал. И как много времени пройдет, прежде чем Тэллоу или Бриз надумают пойти по его запаху? Может пройти день, прежде чем они ее найдут, и это при условии, если она останется на одном месте.

Когда он, наконец, выбрался из спирали мрачных мыслей, бык лежал под ним мертвым. Он разжал зубы и поднял голову, не чувствуя гордости, когда посмотрел на него. Другие овцебыки пробежали уже половину долины, но Зейн бросил на них только лишь быстрый взгляд, прежде чем обратить внимание на скалу. Джиннифер все еще лежала там, где он ее оставил, и махала ему рукой.

Он поспешил к ней вернуться, не заботясь о том, что его шаги были слышны. Как только он добрался до скалы, то сразу же вернулся в человеческую форму и вовремя увидел, как она перевернулась и в изумлении посмотрела на него.

Зейн упал на Джиннифер, ногами оседлав ее бедра. Затем опустил на руки, и она оказалась зажата, как в клетке. Впервые за вечер он почувствовал азарт охоты. Она посмотрела на него снизу-вверх с невозмутимым выражением лица и едва заметным ожиданием во взгляде.

Зейн глазами прошелся по всем линиям ее тела. Плоские равнины и изогнутые выпуклости взывали к нему, и он знал, что она чувствовала его возбуждение на своем животе. Из всего, что он мог бы ей сказать, слова, покинувшие его рот, были последним, что он сам от себя ожидал.

— Я всегда возмущался тем, что мой отец взял своей парой человека.

Ее красивые губы скривились в безрадостной улыбке.

— Я бы не стала твоей парой, даже если бы ты этого захотел.

Для Зейна это прозвучало, как вызов.

— Это действительно так?

Она кивнула.

— Мне действительно здесь нравится, но... я никогда не смогу покинуть мою семью, отказаться от моего дома и своей карьеры.

Прозвучало так, словно она уже размышляла об этом, и Зейн отметил, что она не упомянула Аарона. Что порадовало его волка.

— Я могу тебя убедить, — сказал он, опуская голову.

Она облизала губы.

— Как?

Зейн захватил ее губы и начал бессознательно двигать тазом. Их губы двигались в тандеме, каждый ожидал, что сделает другой, и отвечал самым правильным образом. Он провел языком между ее губами, и она раскрыла их, позволяя его языку войти в глубину ее рта.

Воспоминания об их последнем поцелуе, казалось, жили своей собственной жизнью. Они проигрывались в его голове снова и снова, когда в его жизни наступало затишье или он был без дела. Иногда он замечал за собой, что он как бы абстрагировался от важных дел, и

его разум отправлялся в то мягкое, теплое место. Он никогда не был чем-то так одержим. И он говорил себе, что воспоминание было сфабриковано, что его разум преувеличивал интенсивность того поцелуя, заставляя воспринимать его чем-то большим, чем он был на самом деле.

Но сейчас он мог почувствовать, что ее губы были мягче, чем он помнил. И когда его язык погрузился в нее, он обнаружил, что она была теплой, манящей и невероятно сладкой. И это заставило его подумать о других ее частях и других частях самого себя. И задаться вопросом, будут ли и они так же идеально подходить друг другу.

Он медленно и неохотно отстранился, и они оба вздохнули, их дыхание смешалось. Ее глаза были большими и круглыми, губы покраснели, припухли и стали влажными.

Она прошептала.

— До сих пор не убеждена.

Зейн с трудом сглотнул, а затем наклонился к ее уху. Он зажал мягкую мочку между передними зубами и нежно прикусил, прежде чем прикоснуться губами под ухом. Пробежался языком по всей длине шеи, облизывая соленую от пота кожу. Ее запах в этом месте был сильнее. Его и так болевший член напрягся еще сильнее, выделяя на конце каплю влаги.

Она выгнулась ему навстречу, и он, прижавшись к основанию шеи, втянул кожу и ласкал ее языком. Казалось, что его клыки пульсируют. Лишь когда он прижал их к ее нежной коже, напряжение немного ослабло. Он обнял ее, и они оба застыли, понимая, что малейшее движение приведет к тому, что он ее пометит.

Еще задолго до того, как их вид стал образовывать пары с людьми, связанные между собой в паре обменивались укусами. Если он ее укусит, отметка скажет другим, что он намеревается сделать ее своей парой. Что он хочет обладать ею и однажды завести с нею щенков.

Как бы искушая судьбу, Зейн держал клыки в этом месте в течение длительного времени, но ни один из них не шелохнулся. Когда он отстранился, она по-прежнему смотрела на него такими же огромными глазами.

Она сказала:

— Это было бы хорошо, не так ли?

Он подумал, имела ли она в виду секс или что-то больше. Какая была бы их совместная жизнь?

Короткая, если Седна захотят с этим что-то сделать.

Он перевернулся на бок, прикрывая их обоих своей шкурой и подавляя стон. Его член заболел в знак протеста.

Стало холодно даже для него, и он понял, что должен поскорее отвести ее обратно в логово. Но он решил немного подождать. Они могут остаться здесь еще несколько минут, если он сможет держать свои порывы под контролем. Вероятно, это будет в последний раз, когда они вот так смогут быть вместе.

Она смотрела на небо, когда сказала:

— Я собираюсь завтра с Марл в Порт Трент.

— Я знаю, — сказал он голосом, наполненным неодобрением.

Зейн был в курсе всего, что происходило в его логове, и эта новость дошла до него еще в начале недели. Он знал, что она уходит не навсегда, но по мере того, как этот день приближался, внутри него нарастало напряжение. И он понимал, что его волк не сможет с

этим справиться. То, что она покидала логово, само по себе было плохо. Но хуже было то, что она уходила с Энцо, и намного хуже, что она до сих пор не была помечена.

— Когда я туда доберусь, я постараюсь связаться с Аароном. Так или иначе, я собираюсь сообщить ему, что не могу продолжать его ждать. Когда я закончу съемки, он либо на мне женится, либо мы разбегаемся.

Зейн почувствовал, как его челюсти сжались.

— Что ты ожидаешь от него услышать? — спросил он.

— Не знаю. Мы были помолвлены с тех пор, как мне исполнилось девятнадцать. Я не знаю, каким будет мое будущее без него, но... внезапно я стала задаваться вопросом — не хочу ли я чего-то большего. Чего-то больше, чем его.

Джиннифер склонила голову, чтобы на него посмотреть.

— Я не говорю, что хочу тебя вместо него. — Она рассмеялась, но это прозвучало не искренне. — Но также не говорю, что не хочу. Однако я знаю, что мы не можем быть вместе. Даже если бы не было Коралл и Седна... Мне становится ясно, что я сама себя не знаю. И что в данный момент моей жизни мне не нужно брать какие-то обязательства.

Зейн слушал ее, очень хорошо все понимая. Несмотря на то, что они были из разных миров, их ситуации были похожи. Однако в то время, когда Джиннифер испытывала внутренний конфликт, Зейн, казалось, сталкивался со стеной, и в этом вопросе у него не было выбора.

Испытывая внезапное желание почувствовать ее, он потянул ее в свои объятия, пока она не легла, положив голову ему на грудь. Она безвольно лежала рядом с ним, рисуя ленивые круги на его груди.

— Ты не беспокоись, что на тебе будет мой запах?

— Он уже покрывает все мое тело, — сказал он, его губы дернулись. — А мой запах покрывает тебя.

— Из-за этого у тебя будут проблемы?

Он поцеловал ее в макушку.

— Мне все равно.

— Зейн?

— Хм?

— А как мы собираемся дотащить того овцебыка весом в полтонны до логова?

Он засмеялся и крепче ее обнял.

— Понятия не имею.

Глава 13

Когда Джиннифер проснулась следующим утром, депрессия повисла над ней густым облаком. Было такое чувство, что они провели на той скале несколько часов, разговаривая и целуясь. Несколько раз ей хотелось сделать что-нибудь дерзкое, что-то, что заставило бы ее забыть об осторожности. И каждый раз она одумывалась. Но все время осознавала, что они балансировали на грани.

Когда он принес ее обратно в логово, было ощущение, что все заканчивалось. Что бы между ними не происходило, все должно было на этом закончиться, и она понимала, что это было к лучшему. Словно знала, что если она решит порвать с Аароном, то все равно вокруг будет множество мужчин. Мужчин, с которыми у нее будут похожие цели в жизни. Мужчин,

чьи жизни не будут столь запутанными.

Тем не менее, она лежала в постели, тоскуя, как влюбленный подросток, о Зейне, словно он был последним мужчиной на Земле. Это продолжалось, пока не пришла Марл, уже одетая в верхнюю одежду. И она, наконец, вспомнила, что собиралась в Порт Трент.

— Господи, что здесь произошло? — Она брезгливо осматривала комнату, пока ее глаза не остановились на Джиннифер, до сих пор лежавшей под одеялами. — Ты еще не одета? И посмотри на этот бардак. Чтобы все это расчистить, уйдет, по меньшей мере, полдня.

Джиннифер подняла голову, осматривая комнату. Все было не так уж и плохо.

— Я встаю, — вздохнула Джиннифер.

Пока она одевалась, Марл вертелась поблизости, давая указания.

— Не упаковывай кучу всякого дерьма. У меня есть все, что тебе понадобится. Обязательно надень какую-нибудь человеческую одежду, иначе они будут смотреть на тебя так, словно у тебя две головы. Но обязательно сверху одень что-нибудь меховое — нет, вон то, с капюшоном. Ты же не хочешь проснуться с отмороженными ушами?

Несмотря на то, что Марл настаивала на том, чтобы взять минимум вещей, Джиннифер прихватила свою фотоаппаратуру и сотовый телефон. К тому времени, как она надела пальто, ей было невыносимо жарко, и она надеялась, что окажется снаружи до того, как вспотеет. Марл подошла к ней, затянула шнурки на капюшоне и, похлопав по щеке, по-матерински тепло улыбнулась.

— Ну вот, хорошенькая, как картинка. А теперь перестань быть такой мрачной. Чтобы это ни было, оно пройдет.

Джиннифер слабо улыбнулась.

— Ладно, я в порядке.

— Ты-то в порядке, но твой мальчик оператор — нет. Нам сейчас придется за ним сходить, и вот тогда все будет хорошо.

Когда она сказала Боазу, что собирается в Порт Трент, он вызвался пойти с ними, в основном из-за того, чтобы позвонить матери. Джиннифер была рада иметь привычную компанию и снова провести время с Боазом, потому что в последнее время он, казалось, все время проводил с Тэллоу.

Для нее не стало неожиданностью, когда Марл сказала, что они заберут его из комнаты Тэллоу, и они направились по коридору, ведущему вглубь логова. Джиннифер никогда раньше не заходила так далеко, хотя знала, что комната Зейна тоже было где-то в этом месте. Она подумала, что уловила след его мужского аромата, но, когда подняла нос, чтобы понюхать воздух, он от нее уже ускользнул.

Дверь в комнату Тэллоу была прикрыта шкурой с длинным белым ворсом. Над дверным проемом в камне неровными буквами были вырезаны слова — ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ. Джиннифер закатила глаза и откинула шкуру, входя в комнату.

Две горевшие свечи давали света достаточного для того, чтобы Джиннифер увидела комнату. Но она не стала осматриваться, потому что ее челюсть отвисла, когда она посмотрела на кровать. На которой обнаженная Тэллоу стояла на коленях, оседлав так же голого Боаза.

Прежде чем она успела сообразить, как отреагировать, Тэллоу издала злобный рык. Она схватила что-то стоявшее над кроватью и швырнула в направлении Джиннифер. Джиннифер едва успела пригнуться, как предмет пронесся над ее головой. Он с чем-то столкнулся и с грохотом упал на землю. Когда он к ней подкатился, то она увидела, что это был

металлический подсвечник.

В ее груди вспыхнул гнев. Она была готова с кулаками наброситься на Тэллоу, не обращая внимания на то, что женщина могла разорвать ее на части. Услышав позади себя тихий стон, Джиннифер развернулась и увидела, как Марл тяжело опускается на пол, и от ее головы бежит тонкая струйка крови.

Джиннифер упала на колени, но недостаточно быстро, чтобы поймать Марл, которая ударилась головой о дверной проем. Она попыталась проверить пульс Марл, но Тэллоу оттолкнула ее прочь. Джиннифер сильно стукнулась спиной о стену, от серьезных повреждений ее спасли только несколько слоев одежды.

— Марл, — закричала Тэллоу, тряся пожилую женщину. — Марл? Марли очнись!

Голова Джиннифер все еще кружилась, когда она увидела, что Тэллоу посмотрела на нее с ненавистью.

— Это ты во всем виновата!

— Нет, — сказала Джиннифер. Она попыталась покачать головой, но от этого головокружение только усилилось.

Только когда Тэллоу уже была готова на нее наброситься, Боаз встал между ними. Он не успел надеть ничего кроме трусов и поднял руки вверх, собираясь в случае необходимости оттолкнуть Тэллоу.

— Тэллоу, это не ее вина. Ты слишком взволнована и...

— Так ты на ее стороне? Кто дал ей право врываться в нашу комнату?

Стон Марл привлек их внимание к полу. Тэллоу затащила Марл на колени, ее голос стал мягче.

— Марли, ты в порядке?

Лицо Марл было маской боли.

— Мое бедро...

Тэллоу отодвинула пальто Марл и визуально оценила ее бедро, прежде чем ткнуть в него указательным пальцем.

— Кажется, оно в порядке.

Марл взвыла от боли, и Джиннифер больше не могла быть безучастным зрителем.

— Прекрати, — сказала Джиннифер, шлепнув руку оборотня. Тэллоу бросила на нее уничтожающий взгляд, но Джиннифер взглянула на нее аналогично. — Здесь, наверное, внутреннее повреждение. Ее кости более хрупкие, чем твои. И ей нужен врач.

— Хорошо, — вскипела Тэллоу. — Тогда иди и найди Индиго.

— Индиго? — засомневалась Джиннифер.

— Я что, непонятно говорю?

* * *

Зейн спал ужасно, и, когда проснулся, все стало только хуже. Коралл была под его шкурой и терлась об него своим телом. Правда в том, что она была женщиной и иногда ее выходки могли его возбудить. Но когда нужно было от нее освободиться, у него было почти бесконечное самообладание.

Положив руку ей на плечо, он осторожно оттолкнул ее.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, все еще сиплым ото сна голосом.

Она отбросила его руку.

— Я не должна объяснять, почему я в твоей комнате.

Он был уставшим, и рефлексy были замедленными, поэтому, когда она быстро переместилась и, забравшись на него, оседлала, он не смог ее остановить. Они оба были обнажены, но ей стоило быть осмотрительнее, прежде чем пытаться оседлать его без его согласия. Она уже пыталась так сделать в начале зимы, когда вернулась после своей поездки к Седна и заявила, что ее мать считает, что настало время им стать парой. На самом деле Шейл уже не в первый раз это говорила. И если бы альфа Седна добилась своего, то они уже стали бы парой, когда Коралл в первый раз была фертильной. Около трех лет тому назад.

От этой мысли его живот свело, и то небольшое возбуждение, которое присутствовало, затухло.

— У меня есть потребности, Зейн, — сказала она, тыча пальцем в его грудь. — Или мне найти своего собственного любимого человека?

Зейн почти сказал ей, что она понятия не имеет, что такое потребности, потому что ему все время приходилось подавлять свои сексуальные желания. Живя с Силуит, Коралл вела себя самым лучшим образом. Но он знал, что, когда она возвращалась в свое родное логово, она была не более целомудренна, чем он. Он подозревал, что одной из причин, почему Шейл так отчаянно хотела сделать их парой, было то, что она боялась, что Коралл в конечном итоге забеременеет от другого мужчины.

— Мы уже это проходили...

— Да, мы станем парой во время следующей моей течи, — сказала она, глядя в сторону. — Почему ты так делаешь? Это потому, что ты не выносишь мысли, что будешь со мной, в то время как твои инстинкты не заставляют тебя это делать?

Ее тон был жестким, но он хорошо ее знал и понимал, что она была расстроена. Он почти спросил, что на нее нашло, и почему она решила именно сегодня прийти в его комнату и попыталась...

Хотя он не совсем уверен, что она пытается сделать.

Его позабавило, что она пыталась соблазнить его, просто потеревшись об его тело, как будто он был каким-то молоденьким мужчиной. Но затем подумал о Джиннифер и о том, что могло случиться, если бы его разбудила она, и ее теплая кожа потерлась о его тело. А потом понял, что именно сегодня было по-другому. Он все еще был покрыт ароматом Джиннифер.

Зейн уже собирался отреагировать, но, посмотрев на Коралл, увидел на ее губах улыбку. До него дошло, что, думая о Джиннифер, он довольно сильно возбудился, и Коралл, должно быть, предположила, что это было ее рук дело.

— Коралл...

Она наклонилась его поцеловать, но резко остановилась, услышав из коридора звуки какой-то суматохи. И прежде, чем она продолжила, Зейн подскочил, радуясь отвлекающему фактору. Коралл откинулась назад, издав раздраженный звук.

— Что бы это ни было, не обращай внимания, — сказала она, стараясь толкнуть его обратно. С таким же успехом она могла попробовать сдвинуть каменную стену.

Коралл попыталась снова выразить недовольство, но он прижал два пальца к ее рту и прислушался. Он не мог понять, что случилось, но инстинкт ему подсказывал, что-то было не так.

Он встал и набросил на себя шкуру. Затем вышел из комнаты и пошел по коридору, Коралл следовала за ним по пятам. Небольшая группа с озабоченными лицами собралась

вокруг комнаты Тэллоу. Внутри него все сжалось, когда он узнал запах Джиннифер. Однако когда перед ним расступились, он увидел, что она присела на корточки, была явно взволнована, но тем не менее в порядке.

Напротив нее Тэллоу присела на корточки рядом с Индиго, которая пальцами осторожно ощупывала бедра Марл. Когда он появился, все, за исключением Индиго, посмотрели на него. И прежде, чем он успел что-либо сказать, Коралл, отталкивая других, встала рядом с ним.

— Что здесь случилось? Что ты сделала? — спросила она Джиннифер.

— Заткнись, Коралл, — сказала Тэллоу, свирепо посмотрев на молодую женщину.

Зейн, успокаивая Коралл, положил на ее плечо руку.

— Уведи отсюда щенков.

Она сделала кислое лицо.

— А почему я?

— Я это сделаю, — сказала Джиннифер, вставая. Один за другим, она развернула малышей и, пообещав шоколад, повела их из комнаты.

Тэллоу прислонилась к стене и вздохнула, посмотрев на Зейна. Она выглядела измученной.

— Я бросила подсвечник в твоего человека и Марли. Я не убила ее, но...

Она указала в сторону пожилой женщины, которая, зажмурив глаза, тяжело дышала. Казалось, что Марл не обращала внимания на их разговор.

В свете сложившейся ситуации он сдержал свое раздражение на Тэллоу и подавил желание спросить ее, какого хрена она бросалась вещами в Джиннифер. Однако Коралл сдержанностью не обладала и, стоя рядом с ним, не скрывала своего гнева.

— Она не его человек.

Зейн быстро взглянул на Тэллоу, сразу обрывая любую реплику, которую она приготовила. Учитывая, что обе женщины были крайне раздражены, он посмотрел на Боаза в ожидании объяснений. И к тому времени, как он поведал, что же произошло, Индиго закончила обследование.

— Я мало что могу сделать, кроме как дать ей болеутоляющее, — сказала Индиго. — Ей понадобится медицинская помощь.

— Она и есть наша медицинская помощь, — запротестовала Тэллоу. — Ты должна что-нибудь придумать.

— Я могу зашить рану, может быть зафиксировать несложный перелом. Но Марл нуждается в рентгене, возможно, в компьютерной томографии. И быстро, — сказала Индиго. — Нам придется отвезти ее в Порт Трент.

Тэллоу неохотно кивнула, а потом посмотрела на Зейна.

— Я прямо сейчас отправлюсь вместе с ней.

Зейн почти с ней согласился, но потом передумал.

— Я сам отнесу ее и пойду по южной дороге.

Индиго напряглась.

— Ты в этом уверен? Если ты привлечешь ненужное внимание...

— Позволь мне об этом позаботиться, — сказал он ей. — Если все так плохо, как ты говоришь, то она не может ждать, пока мы пойдем по восточному маршруту.

Коралл смотрела на них, нахмутив брови.

— Зейн, подожди, а почему ты должен идти? И что плохого в южной дороге.

— Ты это серьезно, Коралл? Сколько зим ты с нами прожила? — вышла из себя Тэллоу. — Юг — это территория медведей. Если волка там поймают, то они не станут слушать о заболевшей бабушке. Они его просто убьют.

Глава 14

— ... и, если у нее будет лихорадка, можешь дать ей дозу парацетамола, — сказала Индиго, давая Джиннифер последнюю бутылочку с лекарством. — О, и пока я не забыла, добавь ибупрофен в список, который я тебе дала. Возьми четыре большие бутылки.

— Хорошо, — сказала Джиннифер, стараясь свободной рукой засунуть бутылочки с лекарствами в свою сумку.

Они стояли возле логова, заканчивая приготовления к путешествию. Позади них Марл уложили и закрепили на санках, покрытых мехом. Индиго дала ей какое-то снотворное, но она продолжала беспокойно мотать головой.

Зейн взял у Джиннифер сумку и открыл ее.

Он сказал:

— Она возьмет одну бутылку, а ты можешь забыть про список. Когда я вернусь, мы сходим туда еще раз.

— По крайней мере, достань мне крем для бритья, — сказала Индиго, бросая на Джиннифер отчаянный взгляд.

И прежде чем Зейн смог отклонить просьбу, Джиннифер ответила:

— Я бы и себе взяла хороший крем.

Индиго торжествующе улыбнулась.

— Ха! Двое против одного, ты проиграл. Как насчет лосьона, который пахнет, как мед. Тебе нужно...

Зейн положил руку на лицо Индиго.

— Это не поход за припасами, — а Джиннифер он сказал: — И предлагаю в последний раз. Тебе действительно не нужно идти.

Индиго оттолкнула руку брата в сторону.

— А кто, по-твоему, запомнит, какие лекарства давать Марл?

— Энцо запомнит, — сказал он ей.

— Энцо не знает и половины лекарств, которые она принимает. Одна неправильная доза и бедро будет меньшей из проблем бедной Марл.

Джиннифер тоже не знала половины лекарств, которые принимала Марл, но Индиго, рассказав ей про свой «план», в течение часа рассказывала ей про лекарства. Согласно Индиго, ее брат будет искать любой предлог, лишь бы не брать Джиннифер с собой в Порт Трент. Так что они должны были найти способ и сделать ее незаменимой. Джиннифер хотела связаться с Аароном как можно быстрее, пока она не потеряла свою решимость. Но она могла только догадываться, почему Индиго так сильно хотела, чтобы она отправилась в Порт Трент. Она надеялась, потому что Индиго хотела крем для бритья и лосьон. А не потому, что хотела оставить Джиннифер наедине со своим братом.

Мы не будем наедине, напомнила себе Джиннифер. Марл, возможно, и будет без сознания, но с ними шел Энцо, а также Боаз.

Опять обращаясь к Джиннифер, Зейн сказал:

— Это может быть опасно. Ты сможешь пойти с Бриз по восточному пути на следующей неделе.

Это звучало разумно, и, вероятно, было к лучшему, но Джиннифер увидела, как Индиго целую минуту трясла головой. Джиннифер внутренне вздохнула, но, посмотрев на Зейна, лукаво улыбнулась.

— Даже учитывая медведей, думаю, что я в большей безопасности с тобой, чем с кем-нибудь еще. И, кроме того, — она быстро повернулась вокруг, — я уже одета.

Она ожидала, что Зейн поймет, что это была откровенная манипуляция, но он отвел взгляд, тяжело сглотнул и потер затылок.

— Прежде, чем мы пойдем, я должен поговорить с Бриз и Кувой.

Он направился обратно в берлогу, и, как только он оказался в пределах слышимости — по крайней мере, она на это надеялась — Индиго издала что-то похожее на визг.

И низким голосом воскликнула:

— Ты заставила моего брата покраснеть!

— Я этого не заметила, — сказала Джиннифер, махая рукой, чтобы заставить оборотня замолчать.

— Я знала это, я знала, я знала, — сказала Индиго, прыгая вокруг Джиннифер и выглядя на десять лет моложе. — Ты ему нравишься. Нет, больше, чем нравишься.

Джиннифер наконец-то поняла, почему Зейн все время клал руку на лицо сестры. Она обхватила ладонью рот Индиго и зашипела на нее.

— Можешь сказать это еще громче? — Она оглянулась, но в пределах слышимости были только Марл и Энцо. Но Энцо не сводил глаз со своей матери. Она убрала руку ото рта Индиго. — Ну и что с того, что мы нравимся друг другу. Это не имеет значения. Он собирается быть с Коралл.

— Если мы не придумаем план для...

— Никакого плана не будет, Индиго, — выдохнула Джиннифер.

— Даже если я знаю способ, как вывести Коралл из уравнения?

Джиннифер открыла рот, а потом закрыла, забыв, что собиралась сказать.

На лице Индиго появилась широкая хулиганская улыбка.

— Даже не беспокойся. Я обо всем позабочусь. А ты с моим братом просто приятно проведи время вместе.

— Я не знаю, что ты планируешь, но не делай этого, — сказала Джиннифер, качая головой. — Даже если не учитывать Коралл, и даже если то, что ты сделаешь, не будет иметь серьезные последствия для стаи, я все равно здесь не останусь и не займу ее место. У меня есть семья и карьера, которые очень много для меня значат. И я не собираюсь от них отказываться ни за что на свете, даже ради Зейна.

Она твердо посмотрела на Индиго, и молодая женщина с явной неохотой отступила.

— Как скажешь, старшая сестра.

И отошла, прежде чем Джиннифер смогла ее придушить.

Джиннифер наблюдала, как Индиго присела на корточки рядом с санями и пощупала лоб Марл. Она постаралась не думать о том, что сказала Индиго, старалась даже не предполагать, какой план в отношении Коралл мог быть, чтобы убрать ее с дороги.

Когда из логова вышел Боаз, одетый с головы до ног в белый и серый мех, ее неожиданно осенило. Со всей этой неразберихой она забыла о профессиональной этике кинорежиссера. Она критиковала Боаза за неэтичные отношения с Тэллоу, а сама в то же время балансировала на грани. Потому что в любой момент могла стать причиной войны из-за своих подпольных отношений с альфой стаи.

Боаз улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

— Привет. Сожалею о случившемся.

С тех пор как они пришли к Силуит, казалось, что его голос стал ниже, а походка более уверенной. Она подумала, что, если бы он остался со стаей еще на несколько недель, он бы наконец-то стал выглядеть на свой возраст.

— Не беспокойся. Это мне нужно было быть осмотрительней и не врываться без приглашения.

— Ага, — сказал он. — Но реакция Тэллоу была чрезмерной. Она такой становится когда мы... гм, вместе. Становится собственницей и охраняет свою территорию. И, похоже, прежде всего, ты выводишь ее из себя.

— Я?

Боаз съежился.

— Она с ума сходит, когда я возвращаюсь с работы и пахну как ты. И всегда находит странные оправдания, чтобы я тебя избегал. И когда это не срабатывает, она... — Он затих, потирая метку на шее. — Во всяком случае, она не хочет, чтобы я шел в Порт Трент вместе с тобой. Это одна из причин, почему она сегодня была в таком плохом настроении.

Желудок Джиннифер перевернулся, и она, наконец, поняла, что ее так сильно беспокоило в отношениях Тэллоу и Боаза. Хотя она ненавидела это признать.

— Если ты спросишь меня, то это отвратительно с ее стороны, — сказала она, и раздражение сделало ее слова более резкими. — Мы были друзьями с детства. И если бы я хотела с тобой переспать, я бы не ждала так долго.

Она поняла, что слишком наехала на Боаза, лишь, когда он покраснел. Ее рука поднялась, словно потянулась к нему, но он взглядом ее остановил.

— Потому что ты всегда знала, как легко это было, — сказал он, и в его голосе было так много горечи, что она не могла себе представить, что он был на такое способен. — Заставить меня вертеться возле тебя, как собачонку.

— Боаз, ты знаешь, это не то, что я имела в виду.

— Да неужели? — Он покачал головой, медленно моргая. — Тэллоу к тебе ревнует потому, что знает, что я полжизни был тобою одержим, думая, что однажды ты увидишь во мне больше, чем друга. Ты, должно быть, думала, что я тупой, да?

Джиннифер не могла проглотить комок, застрявший у нее в горле, чтобы ответить.

Боаз повернулся к ней спиной.

— Сделай мне одолжение и позвони вместо меня моей маме.

— Ты не...

— Я пойду на следующей неделе с Тэллоу и Бриз.

— Боаз...

Он помедлил, ожидая, что она что-то скажет. Но она не могла ничего придумать, чтобы не сделало ситуацию еще хуже. Прямо сейчас он казался таким раздраженным, что его разозлят даже извинения. Хотя не была уверена, хотела ли она сказать, что сожалеет.

Она слышала, как он презрительно усмехнулся. А когда он пошел к логову, то стукнул плечом в плечо Зейна. Альфа повернулся и прищурился, глядя на Боаза, но Боаз не оглянулся назад, чтобы это увидеть.

Когда Зейн подошел к ней, Джиннифер все еще стояла на том же месте, медленно перекатываясь с пяток на носки.

— Ты в порядке?

Она чувствовала боль в желудке, и ее тошнота только усугубилась от того, что она знала — Зейн и вероятно Индиго были свидетелями того, как Боаз подверг ее уничтожающей критике.

— Я в порядке, — сказала она, и ей удалось улыбнуться, когда услышала, как убедительно она прозвучала. — Просто небольшая размолвка, ничего, с чем мы не сможем разобраться.

Зейн пальцем приподнял ее подбородок. Его кожа была теплой и немного шершавой. Большой палец коснулся щеки, вытирая слезу.

* * *

Со своего насеста на горном утесе Зейн не видел ничего кроме заснеженной равнины. Он знал, что через день пути они доберутся до южных лесов и окажутся на территории медведей.

Существовало несколько маленьких племен белых медведей, которые все еще жили севернее, чем Седна. Однако ужасные территориальные войны предыдущего поколения выдавили большинство из них на юг, в то время как люди, разрабатывая новые территории, вытолкнули племена бурых и черных медведей дальше на север. Так что все они встретились посередине, заселив узкий, но длинный участок территории, где леса еще не уступили дорогу тундре.

Медведи с большим трудом сосуществовали друг с другом, и непростые условия их жизни сделали их весьма агрессивными. Они не выносили других оборотней на своей территории, в частности волков, которые, помимо других медведей, были единственными, кто мог представлять для них какую-то угрозу.

При встрече с медведем один на один, скорости и маневренности Зейна было бы достаточно, чтобы одолеть медведя, обладающего средним боевым мастерством. Если же их будет больше, то ему понадобится скоординированные действия стаи. Это означало, что, если они неожиданно столкнутся с медведями, он будет полагаться на Энцо.

Зейн оглянулся на лагерь, где Энцо лежал на небольшом расстоянии от костра, прижав свое длинное тело к спящей матери. Энцо был всего на несколько лет моложе Зейна, но с точки зрения боевого опыта, возможно, был еще щенком. Но это была не его вина. Их территории редко угрожали. Как правило, случались лишь мелкие стычки с Амарок, стайей, обитавшей на западе. И они не требовали сил больше, чем участие Зейна и Кувы. Так что Энцо и большинство волков Силуит никогда не сражались ни с чем кроме добычи.

Ему нужно было взять Куву.

Крупный бета-самец был частью более малочисленной стаи, которую уничтожили, когда на западе стала набирать силу стая Амарок. Более десяти лет назад. Кува в одиночку выживал какое-то время, пока Зейн не взял его к себе, и это было время, когда он отточил свои боевые навыки. Если кого-то и следовало взять с собой для защиты от медведей, то это был Кува.

Это было бы слишком рационально.

Сейчас Зейн смотрел на Джиннифер. Она сидела возле костра, вертела пальцами кусочек нанизанного на палочку мяса, но не ела его. Если бы Кува сейчас был здесь, то он был бы рядом с ней, вероятно, пытался накормить ее своей рукой. Когда ее веки начали бы смыкаться, Кува предложил бы согреть ее теплом своего тела, и любой протест Зейна был

бы болезненно очевидным.

Он не хотел быть так близко к Джиннифер, но также не хотел, чтобы это делали другие мужчины. Он знал, что она не хотела Куву, но он так же понимал, что Кува ее хотел. И это настолько сильно его разозлило, что он, по-видимому, был готов поставить под угрозу ее безопасность, если мог оставить ее только для себя.

Я обеспечу ее безопасность, сказал он себе, шагая по направлению к лагерю.

Джиннифер не взглянула на него, когда он изменился и когда сел рядом с ней. Однако не было похоже, что она откровенно его игнорировала, потому что была такой целый день. настолько поглощена собственными мыслями, что несколько раз споткнулась о свои собственные ноги.

Когда тем утром Боаз толкнул Зейна, ему очень сильно захотелось его схватить и сжимать шею до тех пор, пока он не извинится перед Джиннифер. Он никогда не видел, чтобы она плакала, а теперь она делала это весь день, но изо всех сил старалась это скрыть.

— Ты должна поесть, — сказал он ей. — Это последняя ночь, когда у нас будет свежее мясо.

Как только они попадут на территорию медведей, его целью будет пройти ее как можно быстрее. И он бы не хотел привлекать к себе внимание, охотясь на их добычу.

— Я не голодна, — сказала она, все еще вращая палочку с мясом.

Он положил на нее руку, чтобы остановить и прикоснуться.

— Ты не ела весь день. Если не хочешь это сделать для себя, сделай для меня.

Она, наверное, подумала, что он просто был к ней добр. Но с другой стороны, откуда она могла знать, как сильно беспокоился его волк, когда она не ела? Она понятия не имела, что его животная половина считала ее своей самкой, независимо от того, как сильно он этому сопротивлялся. И что у него была мощная потребность обеспечивать ее.

И поставить на ней свою метку.

Понимая его беспокойство, Джиннифер сделала несколько укусов. Но ее глаза все еще были печальны и холодны. И он в который раз пожалел, что не вмешался в ее спор с Боазом. Он хотел облегчить ее страдания, но знал, что ее рана была глубока, и несколько утешительных слов ее не успокоят.

— Ты не должна позволять ему возлагать на тебя всю вину, — наконец, сказал Зейн.

Джиннифер посмотрела на него снизу вверх. Ее подбородок вздрагивал, но голос был спокойным.

— Как я могу его винить? Ты не понимаешь. Мы с Боазом были друзьями с детства. И он всегда меня поддерживал. Он научился снимать, потому что так он мог помочь снять мой первый документальный фильм. Когда я, наконец, решила бросить колледж и следовать за своей мечтой о создании фильмов, он был рядом со мной и защищал меня, когда моя мама меня ругала.

— Я с ним, как за каменной стеной, и все эти годы я знала, что он... — в ее глазах начали собираться слезы. — ... что он был в меня влюблен, а я притворялась, что не знала. Потому что понимала, в тот момент, когда кто-то из нас произнесет это вслух, между нами уже ничего не будет по-прежнему. Я так боялась его потерять, что позволяла ему верить, что у него был шанс. Как же это не моя вина?

Зейн смахнул слезы с уголков ее глаз.

— Я не говорю, что то, что ты сделала — правильно. Я говорю, что вы виноваты оба. Если он действительно был так долго в тебя влюблен, то должен был тебе об этом сказать.

Независимо от того, на что он может претендовать, мужчина знает, когда он желанный или нежеланный. Если бы он хоть на секунду подумал, что ты хотела быть с ним, он бы никогда не ждал так долго, чтобы признаться в своих чувствах.

— Ты не знаешь его так, как знаю его я. Он стеснительный, он...

— Это не твоя проблема. Вводила ты его в заблуждение или нет, он тебе это позволил. Он хотел сохранить твою дружбу так же, как и ты. И он не должен заставлять тебя брать всю вину на себя.

Зейн смотрел на ее мокрые глаза и дрожащие губы, и его не волновало, что они были не одни. Ему ужасно хотелось ее поцеловать, но его волку хотелось еще больше, и он не был уверен, что сможет сдержаться. Пока он колебался, она положила голову на его плечо и закрыла глаза.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Могу я сегодня лечь с тобой? Стало по-настоящему холодно.

Зейн кивнул, хотя знал, что она этого не видела. Он обернул их обоих своей шкурой, притянул ее поближе и положил подбородок ей на макушку. Энцо изобразил незаинтересованность, хотя Зейн знал, что он за ними наблюдал. Однако это не помешало ему гладить ее спину, пока она, прислонив голову к его груди, не заснула.

Глава 15

Джиннифер в последний раз внимательно просмотрела записку, просто чтобы быть уверенной, что она ничего не напутала. Она дала Марл последние ее таблетки, лекарство от давления. Марл сказала, что от него у ее мочи появился плохой запах. Однако Джиннифер было трудно поверить, что она знала, какой из препаратов являлся причиной конкретно этого побочного эффекта.

Индиго не шутила, когда сказала, что Марл принимала много лекарств. По-видимому, Марл регулярно посещала Порт Трент, потому что у нее были многочисленные проблемы со здоровьем, по сравнению с которыми ее нынешние проблемы казались незначительными.

За последние три дня из прерывавшихся разговоров Джиннифер узнала, что Марл была намного старше, чем она думала. Не около пятидесяти, а чуть меньше семидесяти. Энцо, который был на год старше Джиннифер, являлся младшим из четырех детей Марл. Остальных она родила, когда ей было чуть больше двадцати, от умершего раньше мужа, который напивался и избивал ее.

Марл запила таблетки глотком воды. Ее губы потрескались, а кожа выглядела, как тонкая бумага.

— Я чувствую себя уже лучше, — сказала она, пытаясь сесть на санях.

Джиннифер мягко толкнула ее назад.

— Это действует обезболивающее.

— Девочка, скажи им отвезти меня домой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Нахмурившись, Джиннифер посмотрела на лес, в котором исчезли Зейн и Энцо. Казалось, прошла вечность, после того как они отправились разведать этот участок, и ей хотелось, чтобы по крайней мере Энцо остался. По вечерам с Марл особенно трудно было иметь дело. Последние искры юмора гасли с заходящим солнцем, и она начинала умолять вернуться назад. Энцо обычно ее утихомиривал, и Джиннифер пыталась придумать, чтобы

он сказал на ее месте.

— Как только мы доберемся до Порт Трента, уверена, они дадут вам какие-нибудь хорошие лекарства. Могу поспорить, что к завтрашнему вечеру вас подключат к капельнице с морфином, и вы будете в теплом помещении.

Марл покачала головой.

— Они никогда меня не выпустят. Они накачают меня наркотиками, пока я не смогу здраво мыслить, и потом, знаю, я проснусь в доме престарелых.

— Не думайте подобным образом.

— Прошло больше двадцати лет, как я жила там, — сказала Марл, ее глаза обращены вдаль. — Я больше не принадлежу тому месту. Я не могу умереть, окруженная всем этим стеклом и бетоном.

Джиннифер ободряюще пожала ее плечо.

— Вы не умираете.

Казалось, Марл ее не услышала. Она продолжала говорить, ее глаза становились все более несфокусированными.

— Это мясо с ферм, оно как картон. Вода всегда на вкус будто застоялась. Ты увидишь, когда сама вернешься. Они не понимают, никто из них не знает. Но ты поймешь, ты увидишь. Не могу вернуться к этому, не могу вернуться.

Джиннифер положила руку на лоб Марл и испугалась, обнаружив, что она вся горела. У нее час назад началась легкая лихорадка, и Джиннифер дала ей полную дозу парацетамола.

Ох, Марл.

Она прикрыла Марл мехом и пошла по следам в поисках ушедших мужчин. Они не будут сегодня останавливаться. Если Марл выдержит, то им нужно без остановок добраться до Порт Трента.

Деревья были высокими, тонкими и редкими. Лес окутали серые тона приближающегося вечера, заставляя все казаться еще более безжизненным и порождая дурные предчувствия. Она позвала тихим голосом, так, как ей сказали.

— Зейн? Энцо?

Слух у оборотней был исключительным, и если бы она закричала, то могла бы выдать медведям их местоположение. Однако волки могли относительно легко уловить тихий зов, если не ушли слишком далеко.

Она мгновение подождала, но когда не увидела никаких их признаков, то продолжила звать. Однако, несмотря на то, что чувствовалось, будто они ушли очень давно, взгляд на часы ей сказал, что прошло чуть больше двадцати минут. И когда Зейн обследовал территорию, то иногда уходил больше чем на час — что бы это не значило. Для Марл каждая минута была на вес золота.

Джиннифер старалась не уходить слишком далеко от их следа, но снег уступил место твердой почве, и с этого места уже трудно было сказать, в каком направлении они ушли. Она пошла прямо, замечая все, что выделялось и могло служить ориентиром на пути назад. Уверенная, что Зейн найдет ее, если она заблудится, она больше беспокоилась о Марл, чем о себе самой.

Если Зейна не съедят медведи, подумала она, без какой-либо серьезной причины. Если медведь кого и съест, то это будешь ты, в одиночестве блуждающая по лесу ночью.

— Джиннифер, стоп.

От звука тихой команды Зейна, она замерла на середине шага. Она наклонила голову

набок и увидела, что он стоит рядом с Энцо. Энцо выглядел встревоженным, и хотя Зейн казался спокойным, его губы были плотно сжаты.

— Это медведь? — прошептала она и почувствовала, что ее глаза, чуть не вылезли из орбит.

Зейн выдохнул и улыбнулся.

— Нет, но стой там, где стоишь, не двигайся, даже не шевелись.

Когда он подошел к ней, глаза Джиннифер метались по сторонам, и она пыталась определить, откуда исходит предполагаемая угроза. В лесу было тихо и в ее поле зрения ничто не шевелилось.

— В чем дело? — спросила она.

— Стой неподвижно, — сказал он, положив руки ей на талию. Он поднял ее вверх и прижал к груди. А затем отошел на несколько шагов в сторону.

Зейн опустил ее на землю, но продолжал крепко обнимать. Несмотря на то, что она до сих пор не понимала, что происходит, она не упустила возможность прильнуть к его теплому телу. Он лишь немного ослабил хватку, только когда к ним подошел Энцо.

— Думаешь, это оставили браконьеры? — спросил Энцо.

Джиннифер последовала за его взглядом и опустила глаза на землю, туда, где она недавно стояла. И резко втянула воздух. Почти полностью скрытый почвой там лежал стальной капкан, раскрыв свои большие челюсти. Она смогла увидеть слабый отпечаток своей ноги внутри кольца. Капкан был в два раза больше того, в который попала Индиго, и она содрогнулась при воспоминании об искалеченной лодыжке молодой женщины.

— Возможно, — сказал Зейн, поглаживая ее поясницу. — Или его могли оставить лесозаготовители.

— Лесорубы? — спросила Джиннифер.

Энцо ответил:

— Мы с Зейном проверяли территорию к западу отсюда, и это было безумие, потому что лес просто закончился. Там не было ничего, кроме пней, я не знаю, наверное, на протяжении пятидесяти километров. И там было полно грузовиков и жилых вагончиков.

— Возможно, в этом причина, что мы не учуяли медведей с тех пор, как мы здесь, — сказал Зейн.

— Как полагаешь, куда они все могли уйти? — спросил Энцо. — Думаешь, ушли на запад?

Зейн только пожал плечами, снова обращая внимание на Джиннифер.

— Что ты здесь делаешь?

Он казался не сердитым, а только обеспокоенным, и на несколько секунд Джиннифер была в таком восторге от его нежного взгляда, что забыла, почему она покинула лагерь. Потом ее глаза расширились, и она повернулась к Энцо.

— Это из-за твоей мамы, у нее сильная лихорадка.

— До сих пор? Разве ты не давала ей какое-то лекарство от этого?

— Я давала, но оно не помогает. Я не думаю, что мы можем остаться здесь на ночь.

Зейн кивнул.

— Если мы будем двигаться всю ночь, то сможем добраться до Порт Трента к завтрашнему вечеру. Ты готова к этому?

Он спрашивал Джиннифер, хотя она не была уверена, почему. Потому что бежать предстояло не ей.

— Конечно. Пошли.

Она попыталась отстраниться от него, но Зейн поднял ее и положил на плечо.

— Что ты делаешь? — спросила она, легонько стучая его по спине.

— Слежу за тем, чтобы ты вышла из леса с обеими ногами.

Она боролась с ним всю дорогу до лагеря, но тайно наслаждалась ощущением руки, сжимавшей ее бедро, и его землистым запахом, наполнявшим нос. Она только надеялась, что он не учует, насколько сильно она им наслаждалась.

Глава 16

— Займись своими делами. Когда закончишь, встретишься с нами здесь. — Зейн говорил с явным нежеланием. Он изображал, что интересуется журналом, лежавшим у него на коленях, но Джиннифер знала, что он наблюдает за ней сквозь солнцезащитные очки.

Альфа выглядел совершенно неуместно в приемной больницы, хотя не из-за того, что не пытался. Его черные джинсы сидели на нем слишком плотно, от чего он, казалось, испытывал дискомфорт, и он периодически тянул ворот своего темно-зеленого свитера. Он выглядел до смешного большим в пластиковом кресле, и сидевшая рядом с ним Джиннифер осознала, насколько он был больше ее.

Они переоделись в человеческую одежду за час до того, как добрались до Порт Трента, но это не помогло им получить теплый прием. Если бы кто-нибудь спросил, они должны были сказать, что прибыли из Натак. Однако несмотря на то, что местные на них пристально поглядывали, никто к ним не подошел, даже для того, чтобы спросить, нужна ли им помощь с Марл, которую Энцо держал на руках.

Доктор в клинике знала Марл, и у Джиннифер сложилось впечатление, что она знала, где жила женщина, и кем являлись Зейн и Энцо. Она отвела Марл и Энцо в смотровой кабинет, где они находились уже в течение часа.

— Может, пойдешь со мной? — спросила Джиннифер. — Можем поискать место, где можно поесть.

Она помнила, что последний раз сам он ел больше двух дней назад, хотя сразу начинал ворчать, если она оставляла не съеденным даже кусочек своей еды. Она знала, что за его очками были усталые глаза, и надеялась, что сможет уговорить его где-нибудь отдохнуть после того, как они поедят.

— Я должен быть здесь, — сказал он ей. — Я могу понадобиться Энцо.

Джиннифер подумала остаться с ним, но вспомнила о закусочной, мимо которой они проходили. Знак на окне рекламировал кукурузно — голубичный коблер и «путин» — бекон с картофелем фри, кусочками сыра и горячей подливкой. Аромат исходивший из того места заставил ее застонать.

— Хорошо, но я принесу тебе еды. Я вернусь... — она взглянула на часы — через час?

Зейн слегка кивнул.

— Будь осторожна.

Она почувствовала на себе его взгляд, когда покидала приемную клиники, и вышла в прохладный ветер наступающего вечера.

Они добрались быстрее, чем предполагал Зейн, но к тому времени, как они дошли до окраины города, прошло уже прилично времени. Порт Трент напомнил ей крошечную версию Икалуит, города с населением около семи тысяч человек. В нем они с Боазом

провели ночь в ожидании маленького самолета, который переправил их через Северо-Западный Проход.

Большинство домов были приземистые и квадратными, и только несколько из них выглядели так, будто их ремонтировали в последние лет двадцать. Все улицы были неасфальтированные, за исключением главной магистрали, вдоль которой находились крошечные магазинчики и большая кирпичная мельница, из трех больших труб которой вился дым.

Закусочная была всего в нескольких минутах ходьбы от клиники, и когда Джиннифер до нее добралась, то с тревогой заглянула в пыльные окна. Внутри свет был потушен и стулья сложены на столах.

Она не могла найти еще какое-то место, где подавали бы еду. И казалось, что все было закрыто, за исключением грязного бетонного здания с мигающими красными буквами над входом. Возможно, там когда-то было еще что-то, но сейчас было написано ЛЕКАРСТВА.

Прижав к себе сумку, она распахнула дверь. Джиннифер тихо выдохнула, когда порыв теплого воздуха ударил ей в лицо. Внутри было на удивление чисто, хотя место было больше похоже на круглосуточный магазин при заправке, чем на аптеку. Здесь было несколько рядов наполовину заполненных полок, содержащих все — от овсяной каши до зажигалок. В задней части был бело-оранжевый холодильник с надписью от руки, гласившей «Молоко в пакетах + Газировка», который находился рядом с тяжелой дверью.

Когда она вошла внутрь, молодой мужчина за служебной стойкой оторвал взгляд от своего ноутбука. Он не мог быть намного старше, чем Индиго, и, как большинство жителей города, был похож на потомка Инуитов. Он закрыл ноутбук и наклонился над ним, задумчиво разглядывая Джиннифер.

— Извиняюсь, я снова заснул? — спросил он.

— Э-э, что?

Он сверкнул улыбкой.

— Я отказываюсь поверить, что прямо сейчас я не сплю.

Джиннифер фыркнула и закатила глаза.

— Придумай что-нибудь поновей. У вас есть крем для бритья и лосьон?

— Лосьон, который пахнет медом? — спросил он, выходя из-за прилавка.

— Ага, а откуда ты знаешь?

Он снова улыбнулся и покачал головой. Джиннифер ждала возле прилавка, когда он пошел взять вещи, заказанные Индиго, и затем остановился возле холодильника. Когда он вернулся, он передал Джиннифер холодную газировку и положил все остальное на прилавок. Он наклонился, чтобы что-то взять с полки, и предложил это ей.

— Шоколадный батончик?

Джиннифер взяла конфету.

— Хорошо, теперь это я та, кому снится сон.

Все еще улыбаясь, он поплелся по другую сторону прилавка.

— Есть наличные или мне записать это в долг?

— В долг? Да ты меня даже не знаешь.

— Я знаю, откуда ты, — сказал он.

Джиннифер открыла бутылку и прислонилась к прилавку.

— Знаешь? Странно!

Он засунул в рот зубочистку.

— Да ладно. Красивые девчонки просто так не бродят в этом городе. Я знаю, что ты такое.

Она подумала сказать ему, что она женщина, а не девчонка, но решила, что это будет фраза-наживка, чтобы перевести разговор на другую тему. Не то чтобы она сильно возражала. Потому что это ощущалось как радостная передышка от драмы последних двух недель.

— Ты думаешь, что каждый симпатичный незнакомец — один из них? — спросила она, делая плоток. Она никогда не была любительницей газировок, но прямо сейчас на вкус это было, как рай.

Он перекатил во рту зубочистку, и его улыбка сменилась задумчивым выражением.

— Нет. Но они всегда именно такие. Хотя, думаю, не только это. Это то, как ты пахнешь.

Она сморщила нос, и он, выпрямившись, поспешно добавил:

— Это не плохой запах. На самом деле даже наоборот. — Он взял бутылку с лосьоном. — Это такой аромат, который придурки из разных компаний все время пытаются уловить и продать. Ты пахнешь так, словно живешь под звездами.

Он немного покраснел, а потом сделал вид, что ищет пакет для ее вещей. И пока он смотрел, она прихватила свой свитер и быстро понюхала. Она почувствовала, как у нее в животе задрожало, когда она уловила знакомый запах Зейна.

Она расплатилась с ним наличкой и затем подвинула ему сдачу.

— Не возражаешь, если я воспользуюсь твоим Wi-Fi?

Джиннифер несколько раз проверяла свой сотовый, когда они прибыли, но, как и везде, где она была, Порт Трент был вне зоны обслуживания ее сотовой связи.

Джек — она наконец-то заметила имя на бейджике, прикрепленном к его свитеру — постучал по своему ноутбуку.

— Интернет через телефонную линию — это все, чем я располагаю. Я знаю только одно место в городе, где есть Wi-Fi, и они охраняют пароль к нему, как государственную тайну.

Улыбаясь, она спросила:

— Есть хоть какой-то шанс, что у тебя есть Скайп?

Он развернул ноутбук и коротко кивнул.

— Это все твое. Мои наушники сломались, так что убедись, что говоришь в микрофон, потому что встроенный в ноут просто мусор.

Джиннифер поблагодарила его, и потом подождала, пока он не занялся протиранием пыли. После чего открыла ноутбук. Она вошла в аккаунт Джека в Скайпе и потратила следующие пять минут, пытаясь вспомнить свой пароль. Вплоть до последних нескольких месяцев, они с Аароном болтали по Скайпу почти каждую ночь, но программа всегда была открыта, потому что она редко закрывала компьютер.

Увидев пузырь с лицом Аарона на нем, она испытала ощущение нереальности происходящего. Она была настолько погружена в жизнь Силуит, что иногда казалось, что она всегда была там, и все что случилось до стаи, было частью другой жизни.

Профиль Аарона был отмечен «Отсутствует», но она все равно ему позвонила. Она подождала несколько гудков и затем повесила трубку, чувствуя вину, ощутив мимолетное ощущение облегчения.

Она посмотрела через плечо и обнаружила, что Джек исчез. Из-под двери в заднюю комнату исходил свет, и она была удивлена, что он доверял ей, не боясь, что она украдет

плохо защищенную кассу.

Джиннифер открыла вкладку поиска Google «большая грудь Ямайки» и вошла в свой почтовый ящик. Он был заполнен более чем сотней писем, в основном от ее агента и мамы, и парой писем от Аарона и сестры. Она прокрутила вниз к самому старому, которое было от ее стажера Риты.

Я совсем забыла про Риту, подумала она с превеликим чувством стыда.

Почти три месяца назад Рита отправилась с Джиннифер и Боазом только для того, чтобы получить обморожение в первую же неделю. Ее пришлось доставить в город и затем самолетом в ближайший госпиталь. И с тех пор у Джиннифер не было возможности отследить ее дальнейшую судьбу.

В письме Риты говорилось, что она была в порядке, многократно извинялась и спрашивала, придется ли ей оплачивать перелет в Форт-Лодердейл. Джиннифер напечатала быстрый ответ, дав Рите номер телефона своей сестры Астрид. У Астрид все еще оставались запасные ключи от ее квартиры с тех пор, когда она в прошлом году присматривала за собакой Джиннифер — хаски Нуна. Она так же использовала их для того, чтобы тайно убирать квартиру Джиннифер и, вероятно, знала, где лежит ее чековая книжка лучше, чем сама Джиннифер.

После этого она отправила письмо с указаниями для Астрид, предварив его извинениями за то, что не ответила на предыдущие отправленные ею пять писем. В основном с милыми фотками Нуны и раздраженными тирадами про ее босса. Пока она печатала, вернулся Джек, но не стал жаловаться на то, что она начала самоуправничать с его ноутбуком.

Прежде чем она смогла взяться за письма от мамы, она получила входящий вызов по Скайпу. Казалось, что иконка с лицом Аарона закрыла весь экран. Ее палец завис над тачпадом на несколько секунд, но, в конце концов, она приняла вызов.

И неожиданно он появился на экране.

Его золотистый загар был сильнее, чем прежде, и он сбрил свои медно-блондинистые волосы почти под корень. Ярко синие глаза с волнением посмотрели на нее, и его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Привет, Джинни.

— И тебе привет.

На нее словно навалился тяжелый груз, и на мгновение она подумала, что он обо всем узнает, просто взглянув на нее, словно все ее проступки были выгравированы на ее лице.

— Как ты там? Ты уже видела — он сделал руками пародию на когти — обратной?

Джиннифер неубедительно засмеялась.

— Дела идут хорошо, очень хорошо на самом деле. Мы сделали очень много хороших кадров. А ты где сейчас?

Комната позади него выглядела современной и хорошо обставленной, совсем не похожей на ту, из которой он звонил ей, когда только прибыл в Сирию.

— Разве ты не получила мой e-мейл? Я в Эдинбурге.

— Нет, это первая возможность добраться до интернета. Ты сказал Эдинбург? В смысле в Шотландии?

— О, да, — сказал он с преувеличенным акцентом.

Джиннифер захихикала, ее настроение немного улучшилось.

— Что ты делаешь в Шотландии? Подожди, дай угадать, они отделились от

Соединенного Королевства, и ты прибыл туда, чтобы быть медиком в армии местного лэрда?

— Близко, — сказал он. — Ты помнишь, когда я сказал тебе, что беру онлайн-курсы?

— Да, — медленно произнесла Джиннифер.

— Ну, я хотел, чтобы это было сюрпризом, но я поступил в медицинскую школу!

Она тупо смотрела на него, ожидая, что слова сложатся и сформируют что-то, что имеет смысл.

— Медицинская школа? — повторила она. — В Шотландии?

Аарон все еще улыбался, но все, что он увидел на ее лице, похоже, заставило его встревожиться. — Ага. Ты же помнишь, как я тебе рассказывал, что если я поступлю в медицинскую школу, то это будет в Шотландии, таким образом, мы не...

— Я помню, что ты вскользь об этом упоминал, — сказала она, раздраженно выдыхая. — Чего я не помню, это то, что мы это обсуждали. Хорошенькое дельце. Ты собираешься быть в Шотландии — сколько лет?

— Смотря по обстоятельствам, но Джинни, я думал, ты будешь этому рада. На протяжении многих лет ты хотела, чтобы у нас был дом. И это будет означать, что я больше не буду путешествовать. Я знаю, что, может, ты не захочешь осесть в Эдинбурге, но, по крайней мере, мы можем вместе снять здесь квартиру.

— Я живу в Майами. Мой дом здесь, моя семья здесь. Как ты мог принять такое решение, не спрашивая меня?

— Ты пропала, а здесь был крайний срок.

— Меня едва ли не было в течение трех месяцев. Или ты хочешь сказать, что попал в медицинскую школу в течение трех месяцев, ничего не обдумав заранее?

Аарон отвернулся от камеры и повесил голову. Джиннифер сделала глубокий вздох и обдумала свою собственную позицию. Она не чувствовала себя в праве обвинять его, когда сама в той или иной степени ему изменяла. И чем больше она думала о нескольких последних неделях и Зейне, тем спокойнее становилась.

— Аарон, я думаю, мы должны расстаться.

Как только она это произнесла, Джиннифер поняла, что это было то, что она все время хотела сделать. Не было никакой двойственности, только чувство покоя.

Аарон яростно покачал головой.

— Не устраивай сцену. Мы можем об этом поговорить.

— Это не только медицинская школа, — сказала она, ее голос смягчился. — Я думаю, что мы оба прыгнули в эти отношения, желая разные вещи. И будет лучше, если мы закончим их сейчас, до того, как усложним все браком и детьми.

— Это из-за свадьбы? Если хочешь, мы можем жениться раньше.

— Я не хочу выходить за тебя замуж, я...

Его лицо застыло.

— У тебя кто-то появился? Это Боаз?

— Нет, это не Боаз, — сказала она, слабо улыбаясь. — Но я действительно кое-кого встретила. Я не бросаю тебя из-за него, но он...

Аарон стукнул кулаком по столу.

— Ты не бросишь меня, находясь на Северном полюсе, или где ты там сейчас, черт возьми. Ты не бросаешь меня вообще. Мы разрешим эту проблему.

— Я поговорю с тобой, когда вернусь.

Джиннифер отключилась. Аарон сразу же попытался перезвонить, но она вышла из

Скайпа. Ни к чему продуктивному спор не приведет, и не тогда, когда она уже приняла решение. Она надеялась, что через несколько лет Аарон увидел бы, что так было лучше для них обоих.

— Черт.

Джиннифер развернулась и увидела Джека, стоявшего у нее за спиной, оперевшись на метлу.

— Ты на самом деле не одна из них. — Он переместил зубочистку на другую сторону рта. — Так что, это значит, что ты теперь одинокая?

* * *

— Я должен отправиться с ней.

Зейн стоял на улице возле клиники вместе с Энцо, их дыхание на холодном воздухе образовывало облачка пара. Позади Энцо через окно больницы Зейн мог видеть, как администратор разговаривает по телефону, договариваясь о самолете для Марл.

Зейна все еще тревожило, насколько бледной и слабой стала Марл всего за несколько дней. Они все знали, что она была старой, но она была такой неизменной частью Силуит. Зейн был подростком щенком, когда она пришла в логово с Энцо, который был на два года младше, но меньше него наполовину. Она часто купала их вместе, и к большому огорчению Зейна всегда отчитывала его за то, что он не мыл за ушами. Марл была там еще до Джилл, и Зейн никогда не думал, что она не будет помогать заботиться о его собственных щенках.

— Ты не можешь ей ничем помочь, — сказал Зейн. — И для тебя небезопасно находиться в городе.

Завтра утром они отправят Марл самолетом в госпиталь, где она сможет получить необходимое лечение. После этого она останется в городе под наблюдением врача на длительный период. Некоторые оборотни могли оставаться жить с людьми со всем этим шумом, запахами и подавлением, но лишь немногие, узнав, что такое свободная жизнь, будут в состоянии справиться с таким существованием.

— Я справлюсь, — жестко сказал Энцо. — Мне жаль, Зейн. Я не хочу выглядеть нарушающим субординацию, но... ты не понимаешь. Она моя мать.

Когда Энцо положил руку на дверь, выражение лица Зейна было похоже на каменную маску.

— Я вернусь, как только это закончится.

Он открыл дверь и вошел вовнутрь, оставляя Зейна смотреть на то место, где он только что был. Позади него раздался стук легких шагов, и, когда он обернулся, там была Джиннифер, державшая маленькую бумажную коробку и бутылку газировки.

— Я не почувствовал твой запах, — сказал он, нахмурившись. — Вонь в этом месте все подавляет.

Джиннифер сделала вид, что нюхает воздух, хотя он знал, что она будет не в состоянии унюхать то, что мог он — горящее топливо, разлагающиеся отбросы и отходы жизнедеятельности человека. Этого было достаточно, чтобы его желудок вывернуло наизнанку.

— Все не так уж и плохо. — Она сняла с коробки крышку, открывая смесь посыпанных хлебной крошкой фруктов. — Мама Джека владеет закуской! Он дал мне немного этого коблера. Это просто изумительно.

Когда она поднесла это к нему, на ее лице была напряженная улыбка, и Зейн взял корочку пирога. Он положил ее в рот и, стараясь не подавиться, проглотил. Его желудок редко переносил что-либо кроме мяса.

— Кто такой Джек? — спросил он.

— Это я, — сказал высокий юноша, которому пришлось идти быстрым шагом, чтобы догнать Джиннифер.

Джиннифер сказала:

— У меня было слишком много всего нести, так что Джек предложил помочь.

Брови Джека приподнялись, когда он посмотрел на Зейна, но все что он спросил:

— Ты парень Джиннифер?

— Он мой друг, — сказала Джиннифер с заполненным коблером ртом.

Друг. От этого слова губы Зейна скривились.

Джек сказал:

— Круто. Тогда я могу это отдать тебе. — Он вытащил из кармана листок бумаги и сунул его в один из пакетов, которые нес. — Если ты когда-нибудь будешь в Тренте, и тебе что-нибудь понадобится — поесть, плечо чтобы поплакаться, место остановиться — позвони и я тебя пристрою.

Зейн почувствовал, как с каждым словом, вылетавшим из уст мальчишки, внутри него нарастает напряжение. И прежде чем Джиннифер успела проглотить очередной кусок коблера, Зейн одной рукой выхватил у него пакеты.

— Ей ничего от тебя не нужно.

Джиннифер встала между ними.

— Спасибо Джек. За все.

Джек бросил на Зейна осторожный взгляд и, приподняв шляпу, кивнул Джиннифер.

— Увидимся, Джинни.

Зейн заскрежетал зубами, глядя, как парень уходит. Затем его рука опустилась в пакет, и он вытащил листок бумаги. На нем было имя Джека, его номер телефона и одно предложение:

До встречи в моих снах.

Он скомкал бумагу в кулаке. Когда он, наконец, посмотрел вниз, Джиннифер сердито смотрела на него снизу-вверх. Однако эффект от ее гневного взгляда был несколько ослаблен из-за черничного сиропа, размазанного над верхней губой.

— Ревность тебя не украшает, — решительно сказала она.

Зейн презрительно усмехнулся.

— Я не ревную тебя к этому мужчине или к любому из твоих мужчин.

Он понял, что ведет себя как мудака, но для этого потребовалось ее обиженному взгляду пробиться сквозь дымку его недовольства. И прежде чем он смог еще больше все усложнить, он обхватил ее щеку свободной рукой.

— Я не должен был этого говорить.

Когда она прижалась к его руке, а ее прикрытые глаза затрепетали, напряжение в нем ослабло. Он погладил ее лицо, желая, чтобы она не держала столько вещей в руках, и он мог заключить ее в свои объятия. Внутри него метался его волк, отчаянно нуждаясь в прикосновении к ней. Он хотел втереть свой запах по всему ее телу, в каждую его часть. Он хотел отметить ее так, чтобы другие мужчины прекратили обнюхивать его женщину, так, чтобы она больше никогда снова не назвала его другом.

— Как Марл?

— Умирает, — напрямик сказал он.

Ее глаза открылись, но она не казалась удивленной.

— Мне очень жаль.

Зейн подробно рассказал, о чем говорил врач, и как Энцо планировал отправиться вместе со своей матерью. Она слушала его с помрачневшим лицом.

Когда он закончил, она спросила:

— Мы останемся здесь на ночь? Кузен Джека владеет мини-гостиницей.

При упоминании о Джеке по нему прокатилась новая волна гнева, хотя он сделал все возможное, чтобы это скрыть.

— Обратно мы пойдем по восточному маршруту, и он в два раза длиннее. Так что мы должны выйти как можно скорее.

Джиннифер кивнула. Она не смотрела на него, потому что ее взгляд дрейфовал над городом. Она сделала большой глоток своего напитка, допивая содержимое бутылки.

— Я могу остаться здесь на несколько дней и подождать, когда придут Боаз и другие. О, дерьмо! — Она подскочила. — Я забыла позвонить его маме.

Зейн схватил ее за руку.

— У нас нет на это времени. Мы должны уходить.

Ему нужно было убраться из этого места. Ему нужно было уйти от запахов смерти, Джека, и он не мог оставить ее одну, если не хотел, чтобы его волк не свихнулся нахрен. Животное с каждым днем становилось все более раздраженным, побуждая его взять ее и отметить как свою собственную. Он не мог быть рядом с ней и не мог быть от нее вдалеке.

Глава 17

Путешествовать, когда Марл не было с ними, было намного проще, и через два дня лес начал редеть, уступая место твердому грунту тундры. Вместо того чтобы спать целую ночь, Зейн останавливался время от времени, пользуясь возможностью поспать, когда они находили убежище. Для Дженнифер остановки были слишком редкими, и, когда Зейн будил ее после небольшого промежутка времени, то она предпочла бы не спать вовсе, чем отдыхать сериями дремоты. Иногда именно по этой причине она пыталась бодрствовать, но утомление все же ее настигало, обычно незадолго до того, как Зейн должен был проснуться.

Она не жаловалась на жесткий темп передвижения. Слишком устав, чтобы признать, что они остались наедине друг с другом, в чем она так отчаянно нуждалась.

Закончить отношения с Аароном было правильным делом. Несмотря на то, что она была уверена в своем решении и рада, что все это наконец-то закончилось, за последние два дня все же случались моменты, когда она сомневалась. Она скучала не по Аарону, а по своему представлению о будущем, которое появилось семь лет назад, после того как Аарон впервые сделал ей предложение. Она представляла дом, который они бы купили и в котором теперь будет жить другая пара. Дети, которые у них должны были быть, лопались как мыльные пузыри. И она видела себя стареющей в одиночестве или с каким-то другим мужчиной, которого она еще не знала и которого с трудом могла представить.

Это определенно будет не Зейн.

Он станет парой с Коралл, вероятно, вскоре после того, как они вернутся в логово. Несмотря на то, что он этому сильно сопротивлялся, она считала, что со временем они

станут друг другу небезразличны. И даже если они не станут, она по-прежнему не могла встать между ними, особенно потому что чувствовала себя одинокой и запутавшейся.

На третий вечер, когда Джиннифер слезила со спины Зейна, ее ноги тряслись. А тело совершенно лишилось энергии, когда она, шатаясь, вошла в ледяную пещеру. Она подождала его у входа в пещеру, где свет раннего вечера еще проникал в черноту. Это был еще один момент, который ей не нравился в местах, которые он выбирал для отдыха — они всегда были темными.

Через минуту он появился у нее за спиной, со шкурой, наброшенной на плечи. Его лицо было небритым, под глазами залегли круги, но, тем не менее, это не уменьшало его привлекательности. Она отвернулась, сосредоточившись на сосульках, свисавших с потолка.

— Скоро пойдет снег, — сказал он, садясь в нескольких шагах от нее на пол пещеры.

Джиннифер опустила свои сумки и села напротив него, притянув колени к груди.

— Откуда ты знаешь?

Зейн взглянул на небо, на котором были все те же серо-голубые облака, которые она видела каждый день с того момента, как они покинули Силуит. Он приподнял плечо и слегка улыбнулся.

— Полагаю, это моя волчья сущность.

— Понятно, — сказала она, не обращая внимания на щекотание в животе.

Она порылась в своей сумке, отодвигая в сторону десятки пустых оберток. После звонка Аарону она поняла, что ей понадобится «шоколадная терапия», и приобрела у Джека ассортимент батончиков по дико завышенной цене. И была встревожена, обнаружив, что там осталось только две штуки.

— Хорошо, — сказала она, держа по одной штуке в каждой руке. — У меня есть Мистер Биг и Кофейный Хруст. И если ты чувствуешь себя достаточно смелым, могу сюда добавить чипсы с кетчупом.

— Я чувствую себя уставшим, — сказал он, посмотрел на нее так, словно мог наблюдать за ней всю ночь.

— Хочешь поесть что-нибудь свежее? Я видела недалеко карибу.

Они будут на территории Силуит через несколько часов, но она страстно желала что-нибудь помимо батончиков и сушеного мяса, которое они брали с собой в дорогу.

— Ты хочешь поймать целого карибу только для нас двоих? — Сейчас он смотрел на нее так, словно думал, что она была самой интересной вещью в мире.

Она вытянула ноги, так что ее ступни почти к нему прикасались.

— Ну, я думала, что могла бы поохотиться, а ты мог бы приготовить еду.

— При условии, что ты сама снимешь шкуру, — сказал он, его веки опускались все ниже каждый раз, как он моргал. — Я поохочусь утром.

Его поза стала расслабленной, как только он стал поддаваться сну. Джиннифер смотрела на него, ужасно желая подползти и прижаться к нему.

Словно прочитав ее мысли, он сказал:

— Если замерзнешь, ложись рядом со мной. Я буду держать тебя в тепле.

Она подумала, что почувствовала, как его слова, произнесенные грубым от сна голосом, коснулись ее кожи.

— Думаю, я могу совершить быструю прогулку до наступления темноты.

Пока она говорила, то приготовилась к спору, точно такому же, что у них происходил каждый раз, когда она просила размять ноги и сделать несколько снимков. Да, она будет

смотреть куда идет. Нет, она не уйдет слишком далеко. Да, она не пропадет надолго. Даже после всего этого он обычно выдавал расплывчатое «это небезопасно» и говорил ей остаться на месте. После чего она должна была напомнить ему, что самостоятельно справлялась в течение двух месяцев, пока из-за Индиго не попала в неприятности. Потом он напомнил бы ей, что она почти потеряла ногу в медвежьем капкане. Затем они прошли бы полный круг — она говорит ему, что будет смотреть под ноги, не уйдет далеко и не пропадет надолго.

Временами он мог приходить в бешенство, но... ей это тоже вроде как нравилось.

Ее отец провел большую часть ее детства вдали от дома, и, даже когда он был там, его ум всегда был сосредоточен на работе. Ее мать была сторонником «жестокости из лучших побуждений», и единственное, от чего она оградила Джиннифер, это от телевизора. Единственная вещь, которая ей нравилась в Аароне, было то, насколько он ценил ее независимый характер. Однако она всегда внутренне желала, чтобы он немного ее защищал.

Она знала, что если пройдет достаточно времени, ей очень быстро надоеет чрезмерная опека Зейна, и, вероятно, она начнет этим возмущаться. Но сейчас она испытывала порочное удовольствие от того, что он был одержим ее безопасностью.

Так что она была немного разочарована, когда он только нахмурился и сказал:

— Возвращайся прежде чем снова пойдет снег.

К тому времени, как Джиннифер нашла свою камеру и подготовила ее к работе, глаза Зейна снова были закрыты. Это был показатель того, насколько он устал, потому что она еще ни разу не видела, чтобы он засыпал в своей человеческой форме.

Она встала, надела свое меховое пальто, тесноватое в районе талии. Хотя пещера не была и в малейшей степени комфортной, но она защищала их от ветра, и она надеялась, что они останутся здесь на всю ночь. Ей было крайне необходимо выспаться. Просто не сейчас.

Если я останусь... Она посмотрела на тихо дремавшего Зейна. Ее глаза проследовали по знакомому пути вдоль линии его крепкой челюсти, высоких скул и строгих линий его мягких губ.

Ей нужно было на некоторое время уйти, очистить разум и подышать воздухом, который бы не пахнул, как он. В противном случае она знала, что найдет себя сидящей рядом с ним. Он бы пошевелился и укутал ее своей шкурой, потянув в свои объятия, к своей горячей коже. И тогда ни один из них уже не был бы уставшим. И одному из них пришла бы дикая идея, что они могут быть вместе всего лишь раз — могут позволить себе один раз. И потом все повторилось бы как в прошлый раз.

Джиннифер развернулась и побрела к выходу из пещеры, наслаждаясь ощущением холодного ветра на своих горящих щеках.

Как и предсказывал Зейн, начал падать снег, сначала легкой крупой, а затем крупными хлопьями. Это был ее любимый вид снега, тот тип, который искрился и скрывал все, к чему прикасался.

Здесь было несколько вечнозеленых деревьев, которые крепко держались за жесткую, каменистую почву. И она знала, что к утру снег успеет накопиться, и ветви будут одеты в белое.

Она достала свою камеру, сделав несколько фотографий, чтобы чем-то себя занять. Она не сняла ни единой части их путешествия в Порт Трент и обратно. По той же причине она не пыталась снимать какие-то заметные ориентиры вокруг логова. Несмотря на веру в то, что ее фильм может изменить мнение людей относительно оборотней, она также не хотела, чтобы кто-нибудь мог проследить путь к порогу Силуит.

Джиннифер немного походила вокруг, давая своему желанию остыть. Это заняло больше времени, чем обычно, но, в конце концов, оно ослабло, и настигшее ее изнеможение стало управлять ее ботинками. Когда она направилась к пещере, она ощутила прилив энергии при виде отпечатков копыт, пересекавших ее собственные следы на недавно выпавшем снеге. Она поставила камеру на запись видео и пошла по следу, ступая как можно тише.

Ее настойчивость была вознаграждена, когда вдалеке она увидела четырех белоснежных карибу, голову одного из которых украшали великолепные рога. Она спряталась за группой покрытых снегом камней, хотя, вероятно, она была слишком далеко, чтобы ее могли заметить, и, направив камеру на группу, увеличила изображение. Они остановились, чтобы раскопать снег и пожевать то, что казалось лишайником.

Она натянула на лицо маску и уселась на свое жесткое сиденье. Карибу Пири были редкой находкой, и пока они оставались на месте, она была рада возможности их снимать, даже когда снег начал накапливаться на ее плечах и верхней части капюшона. Ее камера могла работать при низком освещении, и, глядя сквозь объектив, она вряд ли могла сказать, что уже почти наступила ночь.

У карибу была нервная привычка делать несколько укусов, а затем приподнять головы, обозревая местность. Крупный самец был особенно бдительным, и Джиннифер обратила внимание, что когда его взгляд остановился в одном направлении, его тело напряглось.

В лесу раздался звук волчьего завывания. Ее пульс ускорился, но она не была напугана. Зейн сказал ей, что волки были — стаи настоящих волков — рассеяны по всему региону, и что они не приблизятся к ней, пока она хоть немного пахла, как он. Даже если бы он не сказал ей этого, она бы все равно не беспокоилась. Они с Боазом уже встречали несколько волчьих стай, и она знала, что они либо были насторожены, либо откровенно боялись людей.

Она прижалась ближе к земле, наблюдая, как карибу заволновались. Они побежали в одном направлении, но волчий вой заставил их внезапно остановиться, а затем побежать в противоположном направлении.

Если бы она моргнула, то пропустила то, что произошло дальше. Снег, казалось, ожил, принимая форму крупного белого волка. Он рванул к более мелкой самке и прижал ее земле, в то время как другие метались в разных направлениях.

Джиннифер едва могла дышать, увидев, как белый волк одним быстрым движением челюстей распорол ей горло. Затем он поднял голову и издал короткий лай.

Было странным прятаться от оборотней на территории Силуит, но когда она жила с их стаей, то видела только двух волков настолько же крупных, как и этот белый. Это были Зейн и Кува, которые были соответственно коричневого и серого цвета. Так что это не был оборотень Силуит.

Слева от волка появилась женщина, которая тащила самца карибу за один из рогов. Пульс Джиннифер ускорился, когда она увеличила изображение женщины. Она была привлекательной, по-мужски атлетичной и высокой, возможно, выше, чем сама Джиннифер, с длинными белыми волосами. Она что-то говорила белому волку, но Джиннифер была слишком далеко, чтобы услышать.

Снова раздался лай, и это заставило ее повернуть камеру вправо, туда, где другой волк спускался с холма. Такой же крупный, как и белый, но с серебристой шкурой, которая, казалось, мерцала. Она бы последовала за этим волком, но ее фокус был сосредоточен на другой фигуре, стоявшей на холме, фигуре громадного мужчины. Он был в человеческой

форме, но был слишком высоким, слишком мускулистым, все в нем было слишком, чтобы быть чем-то иным, кроме оборотня. Она увеличила изображение его поразительного лица, его светло-голубые глаза, казалось, светились.

Рука зажала ее рот, и сильная рука обхватила талию. Джиннифер настолько была поглощена съемкой, что испуганно вздрогнула, хотя почти мгновенно узнала запах Зейна. Она почти уронила камеру, когда он поднял ее и отнес в сторону, держа одной рукой и не отрывая другую от ее рта.

Он молчал, пока шел, и она не была уверена, было это потому, что он пытался не привлекать к себе внимания других волков, или потому, что был зол. Он сказал ей вернуться до того, как пойдет снег. Это был не конкретный комендантский час, но, тем не менее, когда ветки деревьев уже провисали под тяжестью снега, она понимала, что с большим трудом сможет оправдаться. Она мысленно пробежалась по списку возможных оправданий, пока ей в голову не пришла вполне адекватная идея, возможно, немного надуманная, которую она предложит, как только ее рот будет свободен.

— Я бы вернулась раньше, но я боялась, что если буду двигаться, то привлеку внимание тех оборотней. — А потом, в надежде отвлечь его внимание, она спросила: — Кто они?

— Амарок, — резко ответил он.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы до нее дошел смысл сказанного, но потом она все прекрасно поняла.

— О, да, западная стая. А что они здесь делают? Разве это не ваша территория?

— Да, — выдавил он из себя.

Джиннифер не могла вспомнить, когда она слышала, чтобы он звучал таким разгневанным, и воздержалась от просьбы опустить ее на землю.

Они долго шли назад, гораздо дольше, чем она помнила, и в ее голове роились вопросы. Она попыталась взглянуть на лицо Зейна, чтобы оценить его настроение и увидеть, есть ли какие-то улучшения, но его лицо было спрятано в темноте.

Она поняла, что вокруг было темно. В определенной степени ее глаза уже приспособились, но с исчезновением последнего луча солнца и скрывшейся за облаками луной мир сократился до бесформенных теней. Теперь она была рада, что он ее нес, потому что была бы не в состоянии самостоятельно ориентироваться в лесу.

— Я думаю, что тот белый волк был больше, чем Кува, — сказала она. Беспокойство заставило ее заполнить тишину, хотя Зейн не отвечал. — Серебристый тоже. А тот мужчина, он был их альфа, да? Я бы хотела увидеть, как он меняет форму, могу поспорить, он великолепный волк.

Зейн не слишком бережно опустил ее вниз, и ноги девушки приземлились на твердый камень. Ветра не было, и она поняла, что они были в пещере, хотя было так темно, что она не могла видеть собственную руку перед лицом.

Джиннифер автоматически потянулась к его руке, но схватила только его шкуру. К ее удивлению он резко отстранился от ее прикосновения.

— Зейн?

Она подумала, что если бы только могла видеть его лицо, то могла бы придумать способ исправить все, что было с ним не так.

— Что ты со мной делаешь? — Его голос был шепотом, словно он спрашивал сам себя.

Джиннифер сказала:

— Извиняюсь, я не собиралась тебя хватать. Я не вижу ниче...

Остальная часть слова потерялась в резком выдохе, когда Зейн зажал ее между своим твердым телом и стеной. Его рот обрушился на нее, заглушая любой возможный протест.

Если бы она не узнала его запах — запах заполнивший ее ноздри и разгорячивший ее кровь — она бы подумала, что ее силой взял незнакомец. Это было то же чувство срочности, что и в первый раз, когда они целовались. Но там, где раньше была нежность, теперь были только отчаяние и агрессия.

Зейн пожирал ее. Клыки, которые казались больше и длиннее, чем раньше, неоднократно царапали ее губы и язык. Он просунул язык в нее, его бедра терлись об нее, твердая эрекция вонзалась в ее таз. Одной рукой он схватил ее волосы, так крепко сжимая, что она подумала, он их вырвет. Другая сжала ее бедро, когти прокололи джинсы, а затем мышцу бедра.

Ее реакция прошла несколько этапов. Сначала появился страх — боязнь мужчины, которого она не знала, боязнь мужчины, который вовсе и не был мужчиной, а волком, который был достаточно силен, чтобы ее сломать. Она боролась с его хваткой, но с таким же успехом могла бороться со стеной.

Следующей была ярость — он не был незнакомцем, он был Зейном. Она его знала, они были друзьями, больше, чем друзьями, и он не имел права так грубо с ней обращаться. Она схватила его волосы и стала дергать изо всех сил. Ей удалось оттянуть его голову на дюйм. Она стала кусать его нижнюю губу до тех пор, пока не почувствовала вкус крови, которая не была ее собственной.

Зейн замер, она тоже. Единственными звуками были их короткие, быстрые вздохи и кровь, стучавшая в ее ушах. Она чувствовала на себе его взгляд, все еще чувствовала его твердость, прижатую к ней.

— Зейн. — Она произнесла его имя сквозь зубы.

Он наклонил голову и прислонился лбом к ее лбу.

— Я больше не могу с этим справиться. Ты нужна мне.

Она отпустила его волосы, смаргивая слезы, и положила ладонь сбоку его лица.

— Это не должно быть так. Подумай, Зейн. Разве я когда-нибудь тебя отталкивала? Разве я когда-нибудь говорила тебе — нет?

Наклонив голову вниз, она легко коснулась губами и поцеловала его щеку, затем другую. Когда она потерлась носом о его нос, он захватил ее губы в нежном, неуверенном поцелуе. Его хватка ослабла, когда она ответила ему взаимностью, сначала своим ртом, потом медленным волнообразным движением бедер. Его руки начали бродить по ее телу, поглаживая, лаская и сдергивая слои ее одежды.

Последним пришло желание и сожгло все остальное, окутывая и поглощая ее. Зейн снова начал покачиваться, не так жестко, как раньше, но и не мягко. Каждый раз как его жесткая длина толкалась об ее клитор, через нее пробегала дрожь удовольствия. Она положила одну руку ему на затылок, а другую просунула между ними и схватила его член. Ее глаза расширились, когда она погладила его полную длину.

Она видела его несколько раз обнаженным, иногда случайно, иногда преднамеренно. Она знала, что он был с большим «достоинством», но, почувствовав его в действительности, когда он был полностью возбужден, ощущение толстого стального стержня, обернутого в бархат, заставило ее задрожать в предвкушении.

Из груди Зейна вырвался звук, что-то между рычанием и стоном, и он углубил их поцелуй. Его руки покинули ее груди и направились к ее брюкам. В этот момент ей было все

равно, если бы он их разорвал, но он расстегнул пуговицу и ловкими, дрожащими пальцами потянул вниз молнию.

Ее трусики спустились вниз вместе с брюками и лужицей упали на ее ботинки. Она приподняла ногу и направила его к себе, прижимая его головку между своих влажных складок. Она хотела, чтобы он потерялся об нее всем телом, хотела дразнить и соблазнять его, но альфа не будет делать ничего такого. В мгновение, когда он оказался у ее входа, Зейн толкнулся вперед, глубоко в нее погружаясь.

Она ахнула, звук почти потерялся в его резком рыке. Прошло несколько месяцев с тех пор, как она занималась сексом, и внутри нее никогда не бывало ничего подобного Зейну. Удовольствие балансировало на грани дискомфорта, но он начал двигаться, вызывая у нее рваные стоны, и она схватилась для опоры за его плечи. Он опустил голову на ее шею, облизывая и посасывая ее плоть.

Вначале она пыталась отвечать ударом на удар, но через несколько мгновений это оказалось невозможным, потому что он вонзался в нее в нечеловеческом темпе. Она, наконец, сдалась, позволяя ему взять контроль и привести их обоих к освобождению.

Давление быстро нарастало, и она вонзила в него ногти в попытке предотвратить оргазм. Но это не сработало. Мышцы ее живота напряглись, а затем все мышцы в ее теле последовали их примеру. Внезапно все отпустило, и она была потеряна в океане. На нее стали накатываться неослабевающие волны экстаза.

Как будто издалека она услышала рычание, и ее шею пронзила раскаленная боль.

* * *

Моя.

Слово сформировалось в голове волка. Но это было слабое слово, слабая попытка описать чувственное знание, которое было в его костях, в ткани его существования. Теперь она была его, и погрузить в нее зубы по ощущениям было лучше, чем кончить.

Ее слабый крик не уменьшил его возбуждения, но он со стоном вытащил клыки из ее шеи. Волк смотрел на парные отверстия. Его тело едва перестало сокращаться после освобождения, а он уже чувствовал, как снова стал для нее твердеть.

Моя самка.

Она провела рукой по своей шее, и пальцы стали липкими от крови. Он хотел их облизать.

Не здесь. Должен идти.

Здесь были волки стаи Амарок. Другие самцы, другой альфа. Он не мог здесь оставаться. Он не мог позволить им найти его самку. Он должен увести ее. Куда-нибудь в безопасное место. Куда-нибудь, где он сможет ее оставить, пока она не станет способной к зачатию, пока она не будет носить его щенка. Потом будет безопасно вернуться с ней в логово, туда, где были другие самцы, которые могли бросить ему вызов.

Ее губы задрожали.

— Боаз сказал, что это было не больно.

При упоминании другого самца, самца, который всегда оставлял на ней свой запах, его волк зарычал. Она вздрогнула.

— Зейн? Ты в порядке?

Она выглядела испуганной. Ему нужно ее успокоить. Она должна знать, что с ним она

была в безопасности. Только с ним.

Он наклонился и прижался к ее макушке. Здесь все еще держался ее запах. Ее запах не был похож на запах никакой другой самки. Был лучше запаха любой другой самки, которую его волк когда-либо нюхал. Впервые почувствовав ее запах, его волк знал, что она станет его парой.

Глава 18

Джиннифер разбудили запахи соленой воды, жареного мяса и секса. Последнее не стало для нее неожиданностью. Зейн в течение часа нес ее на северо-восток, чтобы увести подальше от стаи Амарок. Она была измотана, и все ее тело мучительно ныло. Еще она пыталась воззвать к его разуму и убедить в том, что стая Амарок, вероятно, уже давно ушла. Однако Зейн вообще не воспринимал ее слова.

Когда они, наконец, остановились, она была готова упасть в обморок. И ее вовсе не заботило, что она понятия не имела, куда он ее привел. Когда она легла, он начал ее целовать, его рука прошла между ее бедер и начала ее гладить до тех пор, пока она не могла уже сопротивляться, когда он вошел в нее.

После того, как он дважды кончил, Зейн начал больше походить на себя самого. Он спросил, не причинил ли он ей боль, и она ответила, что была в порядке, несмотря на то, что он полностью ее разрушил. Он сказал, что не контролировал себя и что в следующий раз он будет осторожнее. Джиннифер было интересно, что он имел ввиду под следующим разом, учитывая, что он до сих пор был твердым внутри нее и уже готовился взять ее снова.

С того времени она была в отключке. Но, несмотря на то, что чувствовала себя как мешок избитых костей, она на удивление хорошо выспалась. Это был такой сон, который приходит, когда нет никакого беспокойства или неприятностей, и все было правильно, так, как и должно быть.

«Вот пример неадекватного человека», подумала она, потеряв глаза.

Первое, что она увидела, был небольшой костер, который освещал пещеру размером не больше комнаты, которую она делила с Бриз. На костре жарилась рыба размером с ее предплечье, ставшая источником аппетитного запаха.

Зейн дежурил возле костра, к его лицу прилипли мокрые волосы. Когда он повернулся к ней, его золотые глаза были наполнены теплом и любовью. Он протянул руку, чтобы погладить ее волосы. После проведенной ими жаркой ночи она с удивлением обнаружила, что от его прикосновения у нее в животе все еще порхали бабочки.

— Ты голодна?

Ее голос был хриплым.

— Я могу съесть целого овцебыка.

Зейн улыбнулся, протягивая ее фляжку с водой, а затем его внимание вернулось к рыбе. Он ее перевернул так, что сырая сторона была направлена к пламени.

— Ты сам ее поймал? — спросила она, прежде чем могла передумать задавать вопрос. Она провела рукой по его волосам. — Посмотри на себя, ты весь мокрый. Заболеешь.

В ответ он затащил ее к себе на колени, и она ему это позволила. Немного поморщившись, когда испытала резкую боль в районе промежности. После того как она уселась, он положил свою голову на ее шею и потерся носом о свою метку. Она по-прежнему болела. Не так сильно, как это было прошлой ночью — но все равно довольно болезненно.

Однако до сих пор то, как он прикасался к ней в этом месте, вызывало дрожь и желание, мерцавшее в ее сердцевине.

— Это заживет, прежде чем мы доберемся до Силуит?

— Нет, — сказал он довольным голосом.

Она поджала губы.

— И тебе этого не хочется, да?

— Я не мог остановить себя прошлой ночью, — сказал он, его голос стал страстным от воспоминаний. — Но даже если бы я себя контролировал, вероятно, все равно бы тебя укусил. Просто не так сильно.

Джиннифер глубоко вздохнула и откинулась в его объятия.

— Мы это скроем.

— Они узнают.

— Как?

— Даже если ты сможешь скрыть метку и каким-то образом избавиться от моего запаха на своей коже, они узнают, потому что я уже не буду прежним. — Он прижался губами к метке, бормоча слова. — Я уже с трудом переносил других мужчин рядом с тобой, но теперь это будет еще сложнее. Я не смогу выносить, если они будут прикасаться к тебе, нюхать тебя, смотреть на тебя.

Ее горло сжалось.

— Зейн, это безумие... Ты был с другими женщинами раньше. Почему же сейчас по-другому?

— Я никогда не был с женщиной, которую хотел, как свою пару.

Все начало вставать на свои места. И она не была уверена, с какой частью этого заявления ей хотелось иметь дело в первую очередь.

Она поерзала у него на коленях.

— У нас был секс, отличный секс. Но это не значит, что мы должны брать какие-то обязательства. Ты знаешь, что я не планирую здесь оставаться. И, кроме того, что насчет Коралл и Седна?

Он прикусил метку, заставляя ее дернуться.

— Мы поговорим об этом позже. Снег все еще идет, и я не чувствую, что пора уходить. Я собираюсь тебя накормить и провести остаток дня внутри тебя.

* * *

В конце дня снег перестал идти, но и с наступлением ночи Зейн не почувствовал никакого желания уходить. Он лежал под шкурой рядом с ней, его палец прослеживал изгибы ее скользкого от пота тела.

Джиннифер посмотрела на него сонными глазами с довольной улыбкой на припухших губах. Впервые за весь день Зейн тоже был доволен, на некоторое время его желание основательно насытилось. Он знал, что после того как они выспятся, он снова ее захочет. Теперь, когда он ее пометил, он никогда не будет по-настоящему удовлетворен, пока она должным образом не станет его парой.

Его рука остановилась на ее животе, большой палец стал потирать мягкую кожу маленькими кругами. Джиннифер поджала губы.

— Я пользуюсь противозачаточным средством, — сказала она. — На случай, если ты

замышляешь затащить меня в ловушку своими щенками.

Она взвизгнула, когда Зейн ущипнул ее за живот.

— Я знаю.

— Откуда?

— Мать Индиго пользовалась чем-то похожим. Это меняет твой запах. Слегка, но все же заметно.

Это была единственная причина, которая объясняла, почему он вел ее обратно в логово. Он был настолько ею пленен, что для него не было никакой возможности сопротивляться желанию спариться с ней, как только она станет фертильной. Возможно, если бы его влечение к ней оставалось полностью физическим, они бы не оказались в их нынешнем положении.

Она приподнялась на локтях.

— Мама Индиго... она больше не хотела детей, потому что была больна?

Зейн кивнул.

— На следующий год после рождения Индиго Джил приютила Бриз и Ки. Ей нравилось растить щенков, но она больше не хотела иметь своих собственных. Она знала, что не проживет долго и не увидит, как растет Индиго. И это беспокоило ее каждый день.

Он снова положил руку ей на живот, нежно поглаживая место, где он ее ущипнул. Ему пришло в голову, что если Джиннифер будет носить его щенка, то она не сможет от него уйти. Предыдущей ночью его волк был готов оставаться с ней в той пещере, пока она не забеременеет. Позже он пришел в себя. Но как бы это ни было заманчиво, он понимал, что это будет попиранием ее доверия, от которого они никогда не оправятся.

— Когда мы решим завести щенков, то это будет обоюдным решением. — Зейн акцентировал слова дразнящей улыбкой, но это не было даже наполовину шуткой.

— Правда? — протяжно сказала она.

Зейн издал подтверждающий звук, потирая губами свою метку. Он не мог на нее насмотреться.

— Наши щенки будут высокими, — сказал он ей.

Она фыркнула.

— И упрямыми.

Он лизнул ее шею.

— И красивыми.

Она вздрогнула.

Зейн положил на нее ногу и провел рукой по ее волосам.

— Остайся со мной. — Она открыла рот, но он прижал к ее губам палец. — Я буду брать тебя в Порт Трент так часто, как ты захочешь, так что ты сможешь связываться со своей семьей. И я не буду настаивать на щенках, пока ты не будешь готова.

Он не имел представления, как его волк сможет уступить в отношении последней части, но в данный момент ему было все равно. Все, что он хотел — это сделать маленькую трещинку в ее решимости, даже если это означало, что он пойдет против своих основных инстинктов.

Джиннифер положила теплую руку на его лицо и погладила. Мышцы его лица были расслабленными, а глаза казались большими и прозрачными.

— Я действительно хочу детей. На самом деле двоих. Надеюсь, будут дочери. — На ее губах появилась слабая улыбка. — И когда я буду рожать, то хочу, чтобы это произошло в

больнице, с большим количеством лекарств наготове. Затем я принесу их домой, в мой дом с климат-контролем, в пригороде. И потом, когда они подрастут, они пойдут в школу и затем, если захотят, в колледж...

Зейн отвернулся и медленно выдохнул. Любая из дочерей, которую он ей даст, будет иметь душу волка и как таковая будет привязана к дикой местности. Даже его сестра, которая была в большей степени человеком, чем любой известный ему оборотень, была вынуждена отказаться от идеи пойти в колледж.

Ее рука продолжала гладить его по щеке.

— Ты будешь преследовать меня до конца моей жизни, я это знаю. Но я не могу здесь остаться, так же, как и ты не сможешь жить жизнью, какую хочу я. Это не будет справедливо ни для кого из нас.

Он внимательно выслушал и понял ее. Но в то же самое время смотрел на нее, словно она была загадкой, которую он должен был решить. Должен быть способ убедить ее остаться с ним. Он посмотрел на метку на ее шее, глубокие впадины, где его клыки погрузились в нее так глубоко, насколько было возможно.

Не метка — клеймо.

Должен быть способ убедить ее. Потому что, несмотря на его благие намерения, его волк никогда добровольно ее не отпустит.

Глава 19

Джиннифер лежала с открытыми глазами, укрывшись шкурой Зейна. Сон ускользал, и она смотрела на умирающий огонь. Альфа спал рядом с ней, властно прижимая к себе, положив раскрытую ладонь ей на живот.

В ее голове толпились мысли, образы и эмоции, независимо от того, сколько раз она пыталась ни о чем не думать. Она продолжала возвращаться к тому же снова и снова. Каково это было бы жить такой жизнью каждый день? Ложиться спать и просыпаться рядом с Зейном до конца своих дней...

«Ты возненавидишь это», — сказала она себе. В конце концов, ты будешь скучать по старой жизни.

Это было больше, чем предположение. Пожив в Танзании, она знала, что каким бы захватывающим не было приключение, нет ничего лучше возвращения домой. Она провела там четыре лета, и каждый раз испытывала чувства, какие случаются раз в жизни. Но лучшим был момент, когда самолет приземлялся в Форт — Лодердейле. После чего она направлялась домой в свою квартиру с кондиционером, отдыхая с фильмом и китайской едой на вынос. Единственной причиной, почему она еще не скучала по всему этому, была гормональная эйфория, вызванная влюбленностью.

Она повернулась, чтобы на него посмотреть, и Зейн слегка сдвинулся, наклонив голову так, что его лоб уперся в нее.

Могу ли я от тебя отказаться?

Почему он не может быть человеком? Почему она не может быть волком?

Его золотые глаза приоткрылись, и она чуть не извинилась за то, что его разбудила. Но его голова приподнялась, и он посмотрел в направлении входа в пещеру. Джиннифер тоже посмотрела, но ничего не увидела.

— Ты это слышала? — спросил он, принохиваясь. Настороженный и сфокусированный, он не выглядел как будто только что проснулся.

— Нет, а на что похож этот звук?

Зейн покачал головой.

— Наверное, ничего, — сказал он, вставая. Он схватил свою шкуру, и Джиннифер, начав замерзать, взяла свою одежду. — Оставайся здесь и никуда не уходи.

— Это излишне, — пробормотала она себе под нос.

Когда она оделась, то напонила себе о еще одной причине, почему не хотела быть с Зейном. Он всегда пытался ей приказывать, как будто она была одним из его волков. У нее было такое чувство, что, если бы она на самом деле стала его парой, этот аспект их отношений становился бы все хуже, а не лучше.

Одевшись, она подошла к огню погреть руки. Огонь угасал, и она, поломав последнюю ветку, бросила ее в костер. Они уже прошли лес, и она не думала, что Зейн собирался вернуться, чтобы набрать дров. И это означало, что они не останутся здесь еще на один день. Это было безумие, что она хотела остаться здесь еще на один день. Все что они делали — это занимались сексом целый день, и после вчерашнего марафона она уже чувствовала, что у нее все болело.

Но возвращение в Силуит означало провести линию между собой и Зейном. Будет и так достаточно трудно иметь дело с последствиями того, что они уже наделали. А если продолжить их отношения, то все станет только хуже.

Джиннифер осознала, что прикасается пальцами к своей метке, и быстро отдернула руку. Она думала сделать ее снимок и посмотреть, как та выглядит, но никак не могла набраться смелости. По ощущениям там должен был остаться шрам. Это должно было ее разозлить, но странным образом ей нравилась идея унести с собой часть него, когда она уедет.

Она несколько раз моргнула и вздохнула.

— Мне нужен шоколад.

Она на четвереньках подползла к своей сумке и начала рыться в поисках последнего шоколадного батончика. Она услышала, как вернулся Зейн, одновременно обнаружив пустую обертку Кофейного Хруста.

Нахмурившись, она сказала:

— Если ты собираешься съесть мою конфету, то, по крайней мере, предупреждай, чтобы у меня не было ложной надежды.

Он схватил ее сзади, одной рукой зажимая рот, а другой прижимая ее левую руку. Его запах сказал ей, что это был не Зейн, так же, как и мясистая рука с коркой грязи под ногтями.

— Я не хочу причинять тебе боль. Здесь есть еще волки?

Голос был низким, и мужчина медленно произносил каждый слог в такой же манере, как и Кува. За исключением того, что голос казался более молодым и не имел заметного акцента.

Джиннифер укусила его руку. Он с резким ворчанием ее отдернул, и она тут же увернулась от него, в процессе споткнувшись о свою сумку. Когда она стала падать, мужчина не отпустил ее руку, и прежде чем она ударилась о землю, руку пронзила боль. Боль, по сравнению с которой укус Зейна казался укусом пчелы. Она мгновение была в шоке. Затем закричала, и ее глаза наполнили горячие слезы.

Мужчина с проклятиями ее отпустил и затем снова схватил. На этот раз его рука на талии, а ладонь снова закрыла рот. Она смутно осознавала, что он говорил ей что-то резким

шепотом. Но все было вторично по отношению к ее агонии.

— Это была случайность, — сказал он. — Мне жаль, но ты должна вести себя тихо. Молчи, и я обещаю, что мы тебя отпустим.

По ее лицу все еще текли слезы, делая все впереди размытым, но она увидела, что в проходе появился Зейн. Державший ее мужчина напрягся, и она почувствовала, как его грудь завибрировала от низкого рычания. Сквозь дымку боли ее мозг связал это с тем, что он был оборотнем.

Оба мужчины стояли и смотрели друг на друга. И когда Джиннифер удалось сморгнуть слезы, она увидела на груди Зейна глубокую рану, а вокруг его рта кровь. Она ожидала увидеть его напуганным или разгневанным, но его лицо было маской гнева, а глаза совершенно пустыми.

Если бы рука оборотня не закрывала ее рот, она бы крикнула ему, сказала что-нибудь сделать. Она испытывала такую боль, что не беспокоилась о своей гордости.

Незнакомец заговорил первым, нервная дрожь противоречила его браваде.

— Подойдешь ближе, и я сломаю ей шею.

— Я в этом не сомневаюсь, — голос Зейна был спокойным, настолько спокойным, что это напугало ее сильнее, чем мужчина, угрожавший ее убить. — От тебя разит страхом. Сейчас ты, возможно, сделаешь вещи, которые удивят даже тебя самого, потому что ты не мыслишь ясно. Но если ты хорошенько подумаешь, то уберешь руки с моей пары и пойдешь к своему другу. До того, как он истечет кровью.

Оборотень сделал шаг назад, и она почувствовала, как он покачал в сомнении головой.

— Зик... Что ты с ним сделал?

Зейн вытер со рта кровь и отошел в сторону, оставляя вход свободным.

— Перестань тянуть время и решайся. Ты собираешься уходить, или мы будем сражаться?

Дрожа всем телом, оборотень медленно двигался вдоль стены, ведя Джиннифер вместе с собой. Когда его спина оказалась у входа, он внезапно толкнул ее и повернулся, чтобы убежать. Зейн поймал Джиннифер, но это был только буфер, замедливший ее падение, потому что он так же быстро толкнул ее в сторону. Она упала на землю, едва успев опереться на неповрежденную руку.

К тому времени, когда она попыталась подняться с пола, напротив нее упало тело оборотня. Его шея была сломана, безжизненные глаза смотрели в пустоту. Она посмотрела на Зейна. Повернувшись к ней спиной, он смотрел на оборотня. Все его тело дрожало, кулаки сжимались и разжимались.

— Зейн... — его имя было, как крик души на ее губах. Он повернулся, и она увидела проблеск чего-то дикого, прежде чем черты его лица смягчились, и он подошел, чтобы помочь ей подняться.

— Ты в порядке? — он попытался схватить ее левую руку, но она отдернула ее, предлагая другую.

— Я буду в порядке, — хрипло сказала она. — Кажется.

После того, как она встала, Зейн схватил ее сумки и поспешно повел из пещеры. Она перешагнула через мертвого оборотня, обеспокоенная тем, что не чувствовала никакой двойственности в отношении того, что сделал Зейн. Она поняла, что так же не почувствовала ничего, когда он и другие убили браконьеров.

«Это были бы мы или они», — сказал новый голос, который она не узнала. Он пришел

из глубин ее разума, из чего-то древнего и первобытного.

Снаружи она внимательно посмотрела на крупного бурого медведя, развалившегося в снегу. Если бы не кровь, сочившаяся из его шеи, это выглядело, как будто он спит.

— Ты соврал ему. Его друг был мертв до того, как ты пришел в пещеру, да?

Умно.

— Я почувствовал запах двоих, но я не понял, что другой зашел внутрь, пока не услышал твой крик. — Он помолчал, медленно моргая, в то время как мышцы его горла двигались. — Ему нужно было остаться со своим другом. Даже несмотря на то, что они были необучены, я не смог бы убить их одновременно.

— Как думаешь, чего они хотели?

Она осторожно прижала ладонь к верхней части руки и поморщилась. Казалось, все было на месте, но боль была такая, что она понимала, что-то было не так.

— Я не спросил, — сухо сказал он. — На его лице был беспокойный взгляд. — У меня будет достаточно времени подумать об этом по пути в логово. И на этот раз мы не остановимся, пока не будем дома.

Глава 20

— Да, она сломана, точно. Но ты выглядишь так, как будто уже об этом знаешь.

Джиннифер с силой прикусила губу, когда Индиго ощупывала и тыкала ее руку. Слезы, смешавшись с капельками пота, безудержно текли по ее покрасневшим щекам.

Зейн сказал себе, что доставить Джиннифер в логово за один день было невероятным достижением. Однако это не мешало ему чувствовать себя совершенно бесполезным, когда он сидел рядом с ней на кровати и гладил ее волосы.

Он понял, что она сильно травмирована, только когда они добрались до залива. Он слышал, как она плакала почти целый день, но предположил, что это шок от встречи с медведями, наконец, вступил в свои права. Однако когда они готовились сесть в лодку, он потянул ее за руку, чтобы уговорить ее пройти вперед, а она так закричала, что он испугался и чуть не оступися, почти перевернув лодку.

С тех пор тихий плач превратился в неконтролируемые рыдания, и он был уверен, что травмировал ее сильнее, чем было до этого.

Сам он никогда не ломал костей, но это не было редкостью, когда кто-то из волков получал перелом, неосторожно действуя на охоте. Он видел мужчин в два раза больше Джиннифер, которые вопили, как щенки, из-за подобных травм. От знания, что она испытывает такую боль, его желудок сворачивался в узлы, и раздражение вспыхивало, как факел.

Когда он вернулся в логово, вокруг собрались волки. Однако быстро расчистили проход, услышав его рычание. Он принес ее прямо в свою комнату, позволяя войти внутрь только Индиго. И раздавал угрозы, направленные на любого, кто думал переступить порог, которые удивили даже его самого. Он все еще мог чувствовать запахи волков, собравшихся в коридоре и пытавшихся понять, что же происходило. Однако он был слишком отвлечен заботой о Джиннифер.

— Дай ей что-нибудь от боли, — приказал он своей сестре.

Индиго поджала губы.

— Для этого уже немного поздно. Кости нужно было поставить на место еще вчера, а

сейчас здесь уже сильное воспаление. Я не собираюсь ждать еще час, чтобы болеутоляющее подействовало, когда нужно всего две минуты чтобы все исправить.

— Мы уже здесь целый час, — сказал он сквозь оскаленные зубы.

— Мы здесь десять минут максимум, — сказала Индиго, прежде чем продолжить прощупывание.

Джиннифер издала хныкающий стон и уткнулась лицом в плечо Зейна. Он не думал, что может чувствовать себя более беспомощным.

— Ты причиняешь ей боль, — рявкнул он.

Индиго уже приготовилась с ним поспорить, но Джиннифер вмешалась, ее слова перемежались всхлипываниями.

— Она... пытается понять... где перелом.

— Спасибо, Джиннифер, — сказала Индиго спокойным, приятным голосом. Она нажала пальцем на какое-то место, и Джиннифер вонзила ногти в бедро Зейна. — Ты что-нибудь знаешь о том, как вправлять кости?

— Моя сестра... она всегда приходит... и смотрит «Анатомию Грей» на моем высокого разрешения... теле... теле... — Остаток того, что она говорила, было одним сплошным рыданием, и Зейн обнаружил, что рычит.

Губы Индиго изогнулись. Зейн ни разу в гневе не ударил сестру и никогда этого не сделает. Но в этот момент он мог ясно себе представить, как шлепнув, стирает улыбку с ее лица.

— Чему ты так чертовски рада?

Индиго пожалала плечами, не отрывая ладоней от опухшей руки Джиннифер.

— О, ничему. Я просто рада, что у меня наконец-то появилась старшая сестра. Она уже носит твоего щенка?

Голова Джиннифер дернулась вверх, и одновременно Индиго с силой ткнула большим пальцем в ее плоть. Раздался тихий щелчок, и Джиннифер неожиданно издала короткий, мучительный крик. Зейн поспешил обнять ее своими руками и крепко прижал к груди.

— Я еще не закончила, — сказала Индиго, закрывая уши руками.

— Я слышал, как кость встала на место, — проворчал он. — Ты уже закончила.

Индиго закатила глаза.

— Хватит быть придурком. Мне еще нужно забинтовать это. В противном случае она не заживет должным образом, если вообще заживет. Блин, надеюсь, ты не ожидаешь, что я буду принимать роды, когда появятся твои щенки. Когда это случится, я не хочу находиться с тобой рядом.

— Ни у кого нет никаких щенков, — вяло сказала Джиннифер. — Продолжай и наложи шину. А потом дай мне что-нибудь, что вырубит меня, по крайней мере, на двенадцать часов.

* * *

Джиннифер потерлась щекой о теплую кожу Зейна, испытывая очень приятные ощущения. Сидя у него на коленях, она поставила себе целью шевелиться до тех пор, пока его эрекция не была прижата к ее входу. И от того, чтобы попасть внутрь нее, его отделяла только пара чистого нижнего белья. Она знала, что Зейн прямо сейчас не воспользуется выгодным положением, и именно поэтому ей было так весело его дразнить.

Индиго дала ей дозу сильного обезболивающего, которое достала из накопленных Марл лекарств вместе со средством от аллергии, от которого она испытывала приятную сонливость. В голове был туман, который маскировал ее чувство обреченности.

— Как думаешь, как долго будет все это продолжаться? — спросила она, прижимая губы к его плоскому соску. — Не думаю, что мы можем вечно оставаться в твоей комнате.

Рука Зейна массировала кожу ее головы.

— А ты бы осталась, если могла?

Джиннифер не была из тех, кто часто хихикает, но с ее губ сорвался пронзительный смех.

— Думаю, что через некоторое время нас начнет тошнить друг от друга. — Она сделала паузу, чтобы провести языком по его соску, заставляя альфу стонать. — Но было бы неплохо заморозить время на пару часов.

И заговорщицким тоном добавила:

— В любой момент здесь может появиться Коралл.

— Мне все равно, — сказал он хриплым голосом.

Джиннифер посмотрела на него полуприкрытыми глазами. И приподняла бровь. Или, по крайней мере, подумала, что сделала это.

— Независимо от того, уговорю я тебя остаться или нет, я не стану с Коралл парой, — сказал он ей. — Она заслуживает мужчину, который мог бы ее любить. И им никогда не стану я.

«И ты заслуживаешь быть с кем-то, кого ты любишь», — подумала она, почувствовав сквозь туман в голове укол вины.

Джиннифер дернула прядь своих волос.

— А как же Седна?

Он приподнял плечо.

— Я найду способ решить эту проблему.

На ее вкус это звучало слишком расплывчато. Но пока ее запутанное сознание пыталось сформулировать ответ, Зейн наклонился, чтобы ее поцеловать. Его губы скользили по ее губам со сдерживаемым пылом, и внутри нее стало нарастать страстное желание. Она задалась вопросом, сможет ли соблазнить его на большее, но он отстранился.

Зейн заправил ей за ухо прядь волос.

— Я уговорю тебя остаться.

— Ты очень сильно на меня давишь, — сказала она, прикусывая губу.

— Это срабатывает?

Джиннифер поколебалась всего секунду, но на его лице расплылась широкая улыбка.

— Я не сказала да, — проворчала она, но положила голову обратно ему на грудь.

Он немного напрягся, и она подумала, что расстроила его. Однако мгновение спустя в комнату ворвался Боаз с Тэллоу, идущей позади него.

— Я ему говорила, что он не может войти, — беззаботно сказала Тэллоу. — Но он настоял на том, что ему все равно, если ты его покалечишь.

— Все в порядке, — с нажимом произнес Зейн, когда Боаз резко остановился рядом с ними.

Джиннифер поднялась с колен Зейна и здоровой рукой обняла Боаза за шею.

— Мне очень жаль, — сказали они одновременно.

Боаз покачал головой.

— Нет, я был мудаком, и я не имел в виду ничего из того, что тебе наговорил.

— Нет, нет, это нужно было сказать, — поспешно ответила Джиннифер. — И я ни в чем тебя не обвиняю.

— Я почувствовал себя дерьмом еще до того, как вы ушли. Спроси Тэллоу, я пытался заставить ее побежать вслед за вами.

Тэллоу сказала:

— Но я врезала ему по роже, и он на час отключился.

Джиннифер посмотрела туда, где сидели Зейн и Тэллоу. Они оба смотрели на людей с неудовольствием, выгравированным на их лицах. Она отпустила Боазу, но осталась сидеть рядом с ним.

Беседа потекла в двух направлениях. Джиннифер и Зейн рассказывали Боазу и Тэллоу свои версии того, что случилось с медведями. Когда Джиннифер вспомнила, как Зейн обманул медведя-оборотня, Боаз ее прервал.

— Это сделал медведь?

Боаз протянул руку к ее шее, но Джиннифер уклонилась от его прикосновения.

— Это сделал я, — сказал Зейн с раздражением.

Она обернулась и увидела, что альфа сердито смотрел на Боазу.

Боаз смотрел то на нее, то на него, прежде чем его взгляд остановился на Джиннифер. Затем он неуверенно спросил:

— А что насчет Аарона?

При упоминании ее бывшего жениха Джиннифер поняла, что она ни разу не сказала Зейну, что они расстались. Он никогда не спрашивал. А она не могла придумать способ рассказать ему, чтобы это не прозвучало так, словно она приглашает его подбивать к ней клинья.

— Я поговорила с ним в Порт Тренте, и мы, в основном я, ладно, в значительной степени я, я решила порвать с ним.

Боаз вздохнул.

— Наконец-то.

Тэллоу вышла из себя.

— Нихера себе, и что это значит?

Он, защищаясь, поднял руки.

— Это не то, что ты подумала! — и, обращаясь к Джиннифер, сказал:

— Я имел в виду, что вы ужасно друг другу не подходили.

Джиннифер не была уверена, что правильно его расслышала.

— О чем это ты говоришь? Ты всегда говорил о том, каким отличным парнем был Аарон.

— Ага, он отличный парень, — сказал Боаз, почесывая затылок. — Ты тоже отличный человек, но вы ужасно друг другу не подходили. Вы никогда не были в одной и той же стране. Но даже когда вы были вместе, казалось, вы всегда расходились с ним во мнениях. Я думаю, что единственная причина, почему вы так долго продержались, в том, что видели друг друга только два раза в год.

— Почему ты говоришь мне об этом только сейчас?

Щеки Боазу покраснели.

— Да ладно, Джин. Как бы это прозвучало, если бы я критиковал ваши отношения?

Я бы подумала, что он просто ревнует...

— Ты прав, — сказала Джиннифер, кивая себе самой.

Она прислонилась к Зейну и потеряла свой висок. Ее волнение от того, что она увидела Боаза, стихло, и усталость вернулась с удвоенной силой.

— Мне, наверное, нужно вернуться в свою комнату и немного поспать.

Боаз съежился.

— Я не уверен в том, где теперь твоя комната. После того, как ты ушла, Бриз пришла и бросила твои вещи у нас с Тэллоу. Она сказала, что тебе придется найти себе другое место, где спать.

Зейн обвил ее талию своей рукой.

— Ты будешь спать здесь. Вы двое уходите, чтобы она могла немного отдохнуть. Тэллоу, я скоро выйду с тобой поговорить.

Джиннифер попрощалась. Когда остальные ушли, она позволила Зейну уложить ее в свою постель. В отличие от других кроватей, его была просто лежачая из шкур, лежавших на полу. Но это позволяло их раскладывать, охватывая почти четверть большой комнаты. Здесь не было подушек, так что она скатала самый мягкий мех, который нашла, и сунула его себе под голову.

Он оставался с ней, пока она не заснула, что заняло немного времени. Последнее, что она запомнила, как он поцеловал ее шею прямо над своей меткой.

Глава 21

Этим же вечером Зейн стоял на улице возле логова в окружении своих бет. Его не было в течение недели, и все, за исключением Тэллоу, с которой он разговаривал раньше, казалось, старались привлечь его внимание.

— На севере пока не было признаков стада карибу, — сказала ему Бриз. — Но Кая нашла две туши овцебыков недалеко от мыса.

— Амарок? — спросил Зейн, не в силах скрыть свою презрительную усмешку.

Он рассказал Тэллоу о своей встрече с западной стаей, и она передала это остальным. Волков Амарок замечали на окраинах территории Силуит и раньше, особенно зимой, когда их бесплодная территория с трудом могла их прокормить. Однако Эрика замечали редко, и теперь при мысли о другом альфе на его территории Зейн внутренне ошетинился.

Кува сказал:

— Туши были старые, и буря прикрыла следы, но она говорит, что они пахли медведями.

Неделю назад Зейн высмеял бы идею о том, что медведи были так близко к логову, но теперь он чувствовал себя обеспокоенным. Он рассказал остальным, что они с Энцо видели в южном лесу, и о своем подозрении, что могло стать причиной миграции медведей.

— Как думаешь, насколько далеко они распространились? — нахмурившись, спросила Бриз.

— Никто не знает, — сказал он. — Я никого не собираюсь посылать на разведку к южной границе. Думаю, что прямо сейчас мы должны сосредоточиться на том, чтобы обучить каждого способного волка сражаться. Из-за медведей и Амарок ситуация в ближайшие месяцы может усложниться.

— Я так понимаю, на помощь Седна можно не рассчитывать? — сказала Бриз.

Зейн спокойно на нее посмотрел и отказался отвести взгляд. Никто из них не упомянул

Джиннифер, даже Кува. Но Зейн знал, что всем было интересно, что его метка на ней означает для будущего их стаи.

— Я не думаю, что Седна станут проблемой, — впервые заговорила Тэллоу, и все повернулись, чтобы на нее посмотреть. Она казалась сильно сосредоточенной на том, что вытаскивала несуществующую грязь из-под ногтей.

— Что ты сделала? — медленно спросил Зейн.

Она взглянула на него, а затем снова на свои ногти.

— Ты не задавался вопросом, где Коралл?

Он интересовался этим с тех пор, как его мозг перестал быть занятым переживаниями о Джиннифер. После того, как она уснула, он кратко рассказал Тэллоу о Марл. Тэллоу сделала вид, что ей не нужны подбадривания, но он сказал, что это была не ее вина. И что здоровье Марл уже было на грани ухудшения. Покинув Тэллоу, он направился к комнате Коралл и нашел ее пустой.

Бриз повторила:

— Что ты наделала?

— Я подбила ее сбежать с Рохом.

Тэллоу объяснила, что после того, как Зейн и Джиннифер вернулись в логово, она пошла в комнату Коралл. Она сказала ей, что Зейн пометил Джиннифер, как свою пару, и если она понимает, что для нее лучше, то ей следует уйти.

— Это полностью была идея Индиго, и она несколько дней назад подкинула эту мысль Роху. Он всегда имел к Коралл слабость и, похоже, думает, что сможет стать альфой своей собственной стаи, — фыркая, сказала Тэллоу.

Зейн смотрел на нее в недоумении.

— Она не собирается становиться парой с Рохом. Она собирается пойти прямо к своей матери и рассказать ей, что я выгнал ее из логова, чтобы взять человека в качестве своей пары.

В разговор вмешалась Бриз, в ее голосе была нехарактерная для нее ярость.

— Именно так поступил отец Зейна по отношению к Шейл. Мы могли бы сгладить ситуацию, но ты сделала все в тысячу раз хуже.

— Может, нахрен, успокоишься? — выплюнула Тэллоу. — Шейл — моя тетка, и я выросла с Седна, на случай, если ты забыла. Думаю, что я понимаю ситуацию намного лучше, чем любой из вас.

Зейн поднял руку, чтобы их утихомирить. Он пристально посмотрел на Тэллоу и сказал:

— Тебе бы лучше иметь хорошее объяснение.

— И оно намного лучше, чем твое, — сказала Тэллоу, но быстро отвела взгляд и уставилась на землю. — Никто из вас не знает Седна так, как я. Была причина, почему я решила остаться здесь, когда Шейл стала альфой. Она холодная сука, и ее дочери для нее просто пешки.

— Я не говорила Коралл, что она должна уйти, потому что ты собирался ее выгнать. Я сказала ей, что ты собираешься отослать ее обратно к Седна. Если Шейл узнает, что ты предпочел человека, а не Коралл, то Коралл окажется в еще более глубоком дерьме, чем мы.

Зейна охватил гнев. Он всегда считал, что истории Тэллоу о жестокости Шейл были преувеличены. Он не мог постичь, как Шейл могла обвинить Коралл в том, что он ее отверг.

Тэллоу продолжила, и черты ее лица стали напряженными.

— Когда я сказала, что, вероятно, ей лучше сбежать, она рассказала мне кое-что похуже.

По-видимому, Шейл планирует объединиться так же и с Амарок. В следующем году, когда Нова будет совершеннолетней, она собирается отдать ее Эрику. Этой зимой, перед тем, как Коралл переехала сюда, Шейл сказала ей, что если она к концу весны не станет с тобой парой, то она вместо Новы к Амарок отправит ее.

Альфа Амарок по праву считался кровожадным тираном. Время от времени они принимали волков, сбежавших от Амарок. Все они рассказывали истории о стае, где сильный издевался над слабым, насилие было обыденным делом, и единственным наказанием за оскорбление альфы была смерть.

Зейн сжал кулаки.

— Она просто не могла иметь это ввиду.

Время от времени у Силуит непослушным щенкам говорили, что их отправят к Амарок, если они не прекратят себя плохо вести. Зейн часто тем же самым угрожал Индиго, но это была пустая угроза, и они оба об этом знали. Он бы скорее сломал собственную ногу, чем посчитал бы свою сестру частью той стаи.

— Я не могу сказать наверняка, — призналась Тэллоу. — Но важно то, что Коралл в это поверила, и теперь она не стоит на пути. Так что ты можешь делать со своим человеком все, что захочешь. Не стоит благодарности, между прочим.

— Спасибо, — сказал Зейн, похлопывая ее по голове. — Завтра отправишься на поиски Коралл и Роха, пока их не убили.

Тэллоу уставилась на него в недоумении.

— Ты серьезно хочешь вернуть ее сюда? А что насчет Джиннифер?

— Джиннифер не имеет к этому никакого отношения, — сказал он. — Коралл не может сражаться. Рох сильный, но он молодой и неопытный. Вокруг браконьеры, медведи и волки Амарок. Сами по себе они не продержатся и месяца.

Более того, сейчас Зейн чувствовал себя ответственным за Коралл еще больше, чем раньше. Она ушла из-за него и считает, что ей некуда идти. Он испытывал намного меньше симпатии к Роху, но он не мог оставить молодого мужчину там умирать.

Тэллоу продолжила с раздражением на него смотреть, и Зейн жестом приказал двум другим уйти. Кува без жалоб удалился, но Бриз издала звук возмущения.

— Не понимаю, — сказала Тэллоу, пиная снег. — Я думала, что тебя это обрадует.

— Я ценю то, что ты пыталась сделать. Но Коралл член нашей стаи.

— Коралл из Седна.

Зейн язвительно на нее посмотрел, и она сморщила нос.

— Я провела большую часть своей жизни здесь, — сказала она, защищаясь.

— Я знаю. Но Коралл по-прежнему твоя кузина. И я не понимаю, как ты могла так с ней поступить. Даже ради меня.

— Это было не только ради тебя, — сказала она, дергая заплетенные в косу волосы. — Поначалу я даже не собиралась этого делать, но затем я увидела, что ты отметил человека, и подумала... Я подумала, что, если Коралл не будет пугаться под ногами, ты, наверняка, возьмешь ее себе в пару. Если она решит здесь остаться...

Тэллоу повернулась к нему спиной, но он успел заметить, что она покраснела. И такого он не видел уже много лет.

— Если она останется, может, и Боаз тоже останется.

Зейн положил руку ей на плечо.

— Ты влюблена в него?

Она повела плечом, сбрасывая его руку.

— Он не... — она сделала паузу, чтобы выдохнуть. — Все остальные мужчины меня боятся. Даже Кува. Но Боаз, он думает, что я забавная и... милая.

— Милая?

Тэллоу развернулась и сердито на него посмотрела.

— Не дразни меня.

— Я не дразню, — сказал он с улыбкой. — Я всегда считал тебя милой.

Было время, когда Зейн думал, что Тэллоу будет его парой. Казалось, это было в другой жизни, и во многих отношениях так и было. Однако другие предполагали, что именно поэтому он дал ей так много полномочий и терпел ее воинственный характер. Это была одна из причин, но не самая главная.

— Ты единственная, кто не относится ко мне по-другому после того, как я стал альфой, — сказал он. — Временами меня это злит, но я в этом нуждаюсь. Ты нужна мне. Так что я понимаю, почему этот человек так важен для тебя.

На ее лице появилась искренняя улыбка, которая быстро превратилась в лукавую.

— Знаешь, что еще мне рассказал Боаз? Он сказал, что я самая красивая женщина, которую он видел. И гораздо красивее твоего человека.

— Сомневаюсь, что он тебе это сказал. Впрочем, это возможно, если ты выкрутила его руки за спину.

Она нахмурилась.

— Ну, он прямо не сказал, что я красивее ее. Но он это подразумевал.

— Иди и проведи немного времени со своим мужчиной, прежде чем тебе придется уйти, — сказал он ей и направился к входу.

Тэллоу схватила его за руку, чтобы остановить.

— Джиннифер... Она же собирается остаться, да?

— Сосредоточься на поиске Коралл. А об этом позволь позаботиться мне.

Глава 22

— Как ты себя чувствуешь?

— Не так уж и плохо, если я не двигаю рукой слишком сильно, — сказала Джиннифер, рассеянно потирая шину. — Или чихаю. Или делаю слишком глубокий вдох.

— Если бы ты принимала лекарства, которые я тебе давала, то она болела бы намного меньше, — упрекнула Индиго, по-прежнему не отрываясь от своей книги. Она углубилась в учебник — как это ни странно — ботаники.

— Планируешь разбить сад? — спросила Джиннифер и из интереса, и чтобы избежать дополнительных нотаций.

Несмотря на то, что Зейн настаивал на постельном режиме, прошедшая неделя оказалась очень продуктивной. Волки наперебой хотели оказаться перед камерой, и они с Боазом снимали почти непрерывно. По словам Индиго, они хотели подлизаться к Джиннифер. Так что, когда она станет парой Зейна, у них будет более высокое положение в стае.

Через пару дней она обнаружила, что ей трудно работать, если она принимает лекарства, из-за которых превращается в неустойчивую, хихикающую дурочку. Она отказалась от сильных препаратов, остановившись на двойной дозе Тайленола, чтобы

притупить дискомфорт.

— Я думала, что если приберу к рукам дополнительный генератор, то смогу сделать что-то вроде теплицы. Это должно быть под землей, потому что мой брат никогда не позволит мне построить настоящую оранжерею.

— Собираешься выращивать овощи?

Индиго издала звук похожий на рвотный позыв.

— Фу, нет. Травы и то, из чего я могу делать лекарства. Теперь, когда Марл ушла, будет сложнее найти все эти вещи.

— Я могу помочь, — сказала Джиннифер. — Прежде чем я уеду, оставлю тебе свой номер телефона, и, если когда-нибудь тебе что-то понадобится, позвони мне, и я помогу.

Индиго, не отвечая, перевернула страницу.

— Я даже могу достать генератор и расходные материалы, которые тебе понадобятся, чтобы устроить твою... — книга захлопнулась.

— Если ты действительно хочешь мне помочь, останься с моим братом вместо того, чтобы сбежать туда, откуда ты пришла.

Джиннифер была готова к тому, что Индиго выскажется по этому поводу. Индиго «подкалывала» ее всю неделю, с тех пор как Джиннифер сказала ей, что собирается обратно в Штаты.

— Я не убегаю, — терпеливо сказала Джиннифер. — Я собираюсь домой. И это не означает, что я не вернусь.

Дела были таковы, что они с Боазом уже наснимали больше, чем нужно. Несмотря на все ее усилия в области планирования и организации, ей придется пробираться сквозь сотни часов видео и попытаться уплотнить все в фильм длиной менее двух часов, не говоря уже о связках.

Она уже могла уйти, уже ушла бы, если бы не Зейн. Она не могла отказаться от того, чтобы просыпаться рядом с ним по утрам или засыпать в его объятиях. Она не была уверена, как ей прожить день без того, что он проверял ее каждый час. Изображал беспокойство состоянием ее руки, а сам исподтишка сердито глядел на любого мужчину, стоявшего к ней слишком близко. А мысль, что она больше никогда не поцелует его губы — была самой худшей.

— Ты не можешь ограничиться полумерами, — сказала Индиго, и что-то в ее тоне напомнило Джиннифер ее старшую сестру. — Не жди, что Зейн будет ждать, когда ты вернешься, и если ты так поступишь, то ты ничем не лучше, чем Рейн.

Это было что-то новенькое.

— Кто такой Рейн?

Индиго покачала головой.

— Забудь об этом. Если ты уже этого не знаешь, то значит, это не твое дело.

Размышляя об этом, Джиннифер бессознательно потеряла шину. Она вздрогнула и со свистом выдохнула, когда постучала по ней слишком сильно.

— Ты ужасно переносишь боль, — сказала Индиго. — На самом деле, это уже не должно быть настолько плохо.

Джиннифер была рада сменить тему разговора.

— Я не исцеляюсь так быстро, как оборотень.

— Тем не менее, рука не должна так сильно болеть. — Индиго отложила свою книгу в сторону. — Позволь мне на нее взглянуть.

Индиго удалила наружный слой ткани, затем шину и начала разворачивать последний слой. Под тканью ее кожа все еще выглядела воспаленной. Но не хуже, чем перед тем, как руку забинтовали, — подумала Джиннифер.

— О, — сказала Индиго, поцокав языком. И провела указательным пальцем по воспаленному участку. Джиннифер отдернула руку.

— В чем дело?

— Она не должна так выглядеть. Сначала мне казалось, что перелом был чистым, но теперь я не уверена. Должно быть, в мышечную ткань попал фрагмент кости.

У Джиннифер скрутило желудок. И тихим голосом она спросила:

— Что ты собираешься делать?

— Я? — опешив, спросила Индиго. — Я знаю, как вправить кость, но я не врач. Тебе, возможно, потребуется операция.

Джиннифер убрала свою руку.

— Может быть, ты ошибаешься. Мы должны подождать еще несколько дней и посмотреть, что случится.

* * *

— Мы идем в Порт Трент, — сказал Зейн, скрестив руки на груди.

Трудно было выдерживать характер, когда лицо Джиннифер было белым, как свежесвыпавший снег.

Он остановился возле комнаты, чтобы взглянуть на Джиннифер, и обнаружил, что ее гипс снят, а она и Индиго зарылись носами в книгу по анатомии человека.

— М-м, — сказала Джиннифер, качая головой. — Мы только что вернулись. И к тому же, не так больно, как я думала. На самом деле, я уже чувствую себя немного лучше.

— Не ожидай, что мне на это наплевать, — сухо сказал он.

Зейн беспокоился о ее руке всю неделю. С тех пор, как она перестала принимать лекарства, которые ей давала Индиго, Джиннифер урывками спала по ночам, а днем прятала дискомфорт за вымученной улыбкой. Помимо того, что его это беспокоило, это сделало невозможным секс. Один раз, когда они попытались заняться любовью, он почти довел ее до слез, когда случайно стукнул ее руку.

Джиннифер сказала:

— Хорошо, но как ты собираешься туда попасть? На южной дороге полно медвежьих капканов, а на восточном проходе настоящие медведи. Так что, мы пойдем на запад и столкнемся с вашими сумасшедшими соседями?

— Я думал, ты будешь рада вернуться к цивилизации, — спокойно ответил Зейн.

Их споры о том, чтобы она осталась в стае, зашли в тупик. Каждый раз, когда Зейн думал, что добивается прогресса и уже убедил ее, она невзначай упоминала, что планирует сделать, когда вернется домой. Это ставило Зейна в затруднительное положение. Он хотел — нуждался — чтобы она осталась, но он не был готов унизиться до того, чтобы умолять.

После нескольких дней разочарования он обдумывал другую стратегию, рискованную стратегию. И сейчас было самое подходящее время, чтобы ее применить.

— Индиго, оставь нас на минуту.

Его сестра была упрямее, чем Тэллоу, и никогда не позволяла собой командовать. И тем более не потерпит, чтобы ее попросили уйти из собственной комнаты. Так что, когда она

встала и вышла, преувеличенно вздохнув, Зейн понял, что она планировала подслушивать за дверью.

Когда она ушла, Джиннифер сказала:

— Хорошо, если хочешь знать правду, то я не большой фанат врачей, я предпочитаю лечиться с помощью гомеопатии. Я уверена, что она болит только потому, что...

Зейн перестал слушать, что она еще там говорила, желая закатить глаза. Потому что это говорила женщина, которая до этого утверждала, что будет рожать только в госпитале, используя лекарства по максимуму.

Была другая причина того, что она не хотела возвращаться, причина, которую она не хотела признавать. И Зейн думал, что знает, в чем она была. Если его подозрения были верны, то его план отлично сработает.

Но если он ошибается...

— Я собираюсь выйти с тобой в Порт Трент сегодня вечером, — сказал он, прерывая ее ахиною. — Ты должна принести свои вещи. Думаю, что для тебя будет лучше, если на время выздоровления ты будешь дома.

Ее глаза расширились.

— Что? Ты имеешь в виду твой дом, логово, правильно?

— Нет, конечно, нет. Твой дом будет лучшим вариантом. Так что если возникнут какие-то осложнения, у тебя будет необходимая медицинская помощь.

Он с трудом произносил слова, но, похоже, она была настолько ошеломлена, что не заметила напряжения в его голосе.

— Что насчет Боаза? Я не могу оставить его здесь одного. Думаю, будет лучше, если я вернусь и...

— Как только Тэллоу вернется, она отведет его в город, — сказал ей Зейн. — А до этого, я уверен, он будет в порядке.

Джиннифер встала, и Зейн подумал, осознавала ли она, что начала расхаживать.

— Так, хорошо, ты собираешься взять меня в Порт Трент и потом... что? Оставишь меня там?

— Если хочешь, я могу подождать, пока тебя принимает врач, — сказал он, пожимая плечами. — Но я бы предпочел вернуться в логово как можно скорее. За последние несколько недель я отсутствовал слишком долго.

И прежде чем она снова начала размышлять, Зейн выставил ее за дверь, положив руку ей на спину.

— Иди собирай свои вещи. Как только ты будешь готова, мы выходим.

— Я очень устала, — сказала она, пытаясь повернуться к нему лицом. — Можем мы, по крайней мере, поужинать и немного поспать. Кто знает, может, утром все будет лучше, и тогда нам не придется путешествовать.

Зейн не убрал руку и продолжил подталкивать ее вперед.

— Я бы предпочел не ждать. И не рисковать твоей рукой. Встретимся возле моей комнаты.

Не дожидаясь ее ответа, он повернулся и пошел в противоположном направлении. Онаотреагировала именно так, как он и надеялся — лучше, чем он надеялся. Но почему-то не почувствовал себя победителем.

Завернув за угол, он обнаружил ожидавшую его Индиго, которая постукивала пальцем по щеке и хмурилась. И как только она его увидела, сразу прищурила глаза.

— Ты что творишь? — прошипела она. — Отправляешь ее в эту дурацкую Флориду, которая не является ее домом, между прочим. Потому что ее дом здесь, — и для выразительности топнула ногой. — Скажи мне, что это какой-то план, и что ты не прогоняешь ее, потому что собираешься стать парой с Коралл.

Зейн щелкнул ее по носу, заработав сердитый взгляд.

— У меня действительно есть план. Хотя это больше похоже на авантюру.

Индиго на мгновение задумалась и затем сделала резкий вздох.

— О! — ее лицо преобразила лукавая ухмылка, делая ее менее похожей на женщину и больше на младшую сестру, которую он знал. — Ты намеренно проявляешь к ней безразличие!

Она так громко говорила, что Зейну пришлось выглянуть за угол, чтобы убедиться, что Джиннифер не было в пределах слышимости. Но ее там уже не было.

— Я дал ей возможность пересмотреть свои приоритеты, — сказал он.

И это не звучало, как «манипулирую».

— Я поняла! Это обратная психология, — сказала она, дико жестикулируя руками от волнения. — Ты заставляешь ее думать, что тебе все равно, останется она или нет. И тогда она поймет, что это именно то место, где она действительно хочет быть. Как ты до этого додумался?

«Мне пришлось растить тебя» — с кривой усмешкой подумал он.

Когда Индиго была щенком, ее бойцовский характер был еще хуже. В те времена, она спорила до смерти, независимо от того, насколько аргументировано с ней разговаривали. Даже когда она знала, что неправа, она упорно придерживалась своего мнения. И единственный способ заставить ее передумать был согласиться с ней, так что после этого она начинала отстаивать противоположную точку зрения.

Он понимал, что Джиннифер нравилось жить в стае, и он не сомневался, что был ей небезразличен. Именно поэтому ее настойчивое желание уехать сбивало его с толку. До тех пор, пока он не провел параллель между нею и его сестрой. Несмотря на то, что она не была настолько упрямой, как Индиго, он подумал, что она защищала свой выбор, не осознавая, что это уже не было то, чего она хотела на самом деле. И если вместо того, чтобы просить ее остаться, он станет убеждать ее вернуться домой, она сможет, наконец, понять, что хотела остаться с ним.

— Ты не выглядишь счастливым, — заметила Индиго. — Не волнуйся, это наверняка сработает. Я знаю, что она хочет остаться.

Зейну очень хотелось разделить ее уверенность. Но где-то внутри него продолжал рычать его волк.

Глава 23

Они вышли ранним утром на следующий день, хотя Джиннифер не имела никакого отношения к тому, что они отправились так поздно. Как только он объявил, что снова уходит, у половины логова внезапно появились проблемы, которые требовали его незамедлительного вмешательства. Все началось с серьезных проблем, таких как затопленные из-за таяния снега комнаты, расположенные на нижнем уровне. Но затем проблемы превратились в межличностные разборки. В какой-то момент Джиннифер заметила, что Зейн был посредником в споре об украденных фигурках.

Многое из этого было тем, что, казалось, можно было легко поручить кому-то другому. Обычно он так и поступал. И Джиннифер почти заподозрила, что он тоже хотел оттянуть время отправки. Однако она отклонила эту мысль, потому что, в первую очередь, это была идея Зейна отправиться как можно скорее.

Ее рука действительно болела очень сильно, но Индиго была права в одном — Джиннифер плохо переносила боль. Несмотря на то, что ей не нравилось то, как она себя чувствует из-за препаратов от боли, воспоминания о том, как она без них тряслась на спине Зейна все еще были свежи. Поэтому она взяла с собой в путешествие небольшой запас.

Несмотря на то, что ей сказал Зейн, она не стала упаковывать все. Большую часть одежды она оставила в комнате Боаза, так же как и два из трех нарядов, сшитых специально для нее с тех пор, как она прибыла к Силуит. Все дополнительные туалетные принадлежности она оставила с Индиго, что сделало молодого оборотня такой счастливой, что она почти забыла, что все еще злилась на Джиннифер.

У Джиннифер был соблазн оставить отснятый материал, но прежде чем она смогла принять решение, Боаз выгрузил ей все свои SD и Compact Flash карты. Она неохотно упаковала их со своими планшетником, камерой и картами памяти.

Она со всеми быстро попрощалась. В конце концов, она планировала вернуться назад. Но когда она садилась в лодку, чтобы переправиться через залив со всеми вещами первой необходимости, то ничего не могла поделать с чувством, что уезжала навсегда.

Конечно, она уже ошибалась на этот счет раньше. В ту ночь, когда она лежала с Зейном под звездами сразу после охоты, то подумала, что это будет в последний раз, когда они были близки. А потом на следующей неделе у них был жаркий, животный секс, затмивший ту близость.

Джиннифер тайно надеялась, что по пути в Порт Трент у них снова будет секс, но, когда они, наконец, остановились посреди тундры, чтобы отдохнуть, Зейн остался в своей волчьей форме. Она сказала себе, что это было для того, чтобы держать ее в тепле, закрывая своим большим телом от снега и ветра. Но когда она легла, свернувшись калачиком рядом с ним, то не могла не вспомнить, что он настаивал на ее возвращении в Штаты.

Ночь, казалось, пробуждала к жизни ее чувство незащищенности, и ей приснился сон, что она вернулась в логово и обнаружила, что Зейн стал парой с Коралл. Когда он увидел Джиннифер, то встретил ее дежурной улыбкой и затем продолжил разговор, словно ее там и не было. Она проснулась со слезами на глазах и чувством стыда, разраставшимся у нее в груди.

Когда следующим утром они добрались до леса, Джиннифер поняла, что они пошли по южной дороге. Зейн был осторожен и смотрел, куда наступает. Часто останавливался, чтобы понюхать воздух или, казалось бы, случайные стволы деревьев. Тем не менее, до ночи они прошли большое расстояние.

Они остановились в роще вплотную стоявших сосен, которые немного спасали от холодного ветра. В то время как на востоке снег еще оставался, на южной дороге он уже растаял, оставляя грунт твердым, но сухим.

Джиннифер уронила сумку на землю и рухнула рядом с ней. Здоровой рукой она по очереди помассировала каждую ногу, снимая напряжение, накопившееся за день езды верхом. Луна светила, как яркий шар, отбрасывая свет на лес, и ей захотелось пройтись пешком. Но они находились между медвежьими капканами и стаей конкурирующих волков, поэтому Зейн не позволил бы ей никуда пойти, даже если бы она была достаточно

сумасшедшей, чтобы об этом попросить.

Пока Зейн обследовал территорию, она приняла лекарства и пожевала еду, которую она взяла с собой. А потом занялась расчесыванием своих спутанных волос, пока они не стали прямыми и не заблестели в лунном свете. Она делала все только одной рукой, и это занимало в два раза больше времени. И хотя Зейн ушел уже достаточно давно, к его возвращению она только что закончила.

Он до сих пор был в своей волчьей форме, и, хотя она посмотрела на него с ожиданием, он не превратился. Холенный коричневый волк вытянул свои конечности и зевнул, прежде чем устроиться на небольшом расстоянии от Джиннифер и закрыть глаза. Она бросила на него язвительный взгляд, который, она знала, он не мог увидеть. Но от этого она не почувствовала себя менее раздраженной.

За последние два дня Зейн превращался только один раз и даже тогда едва ли сказал ей больше, чем пару слов. Он был преднамеренно холодным, хотя она не знала, что такого натворила, чтобы это заслужить. Неуверенность в себе сказала ей, что он отталкивал ее, сказал собрать все ее вещи, потому что не хотел, чтобы у нее был повод вернуться.

Но это я над тобой посмеюсь, дурачок. Я оставила свои любимые трусики между мехами твоей кровати.

Не желая, чтобы ее игнорировали две ночи подряд, Джиннифер встала и подошла к волку. Она планировала дернуть его за ухо, но как только ее рука коснулась мягкого меха, она обнаружила, что нежно его поглаживает. Ухо дернулось, и золотой глаз раскрылся, чтобы на нее посмотреть.

— Мы можем поговорить?

Он несколько секунд смотрел на нее и затем, не сходя с места, превратился, перейдя в свою человеческую форму, лежа на земле под своей шкурой. Она упала на колени рядом с ним, начав улыбаться, прежде чем могла передумать.

— Меня не перестает удивлять изменение формы, — сказала она. — Кажется, что это сделать так легко.

— Это действительно легко. Хотя, нарастает утомление, если делаешь это слишком часто. О чем тебе нужно поговорить?

Она уселась на задницу и пожевала губу. Она не хотела поговорить о чем-то конкретном, просто хотела провести с ним время. Целый день ни с кем не разговаривать было тяжело и намного хуже, когда она чувствовала себя подавленной.

Джиннифер спросила первое, что пришло ей в голову.

— Кто такой Рейн?

— Где ты слышала это имя? — спросил он, обманчиво спокойным голосом.

— Повсюду.

Зейн выгнул бровь, но Джиннифер решительно покачала головой.

— Я держу мои источники в секрете.

Он усмехнулся, и от его улыбки внутри нее все растаяло.

— Рейн — это моя мать, — сказал он ей.

— Она жива?

— Возможно, — сказал он, слегка пожимая плечом. — Она была альфой западной стаи Илук. Они жили в логове, которое сейчас занимают Амарок.

— Что случилось? Амарок захватили ее стаю?

— Нет, — сказал он, качая головой. — Илук были задолго до того, как появились

Амарок. Их логово было захвачено Сивуак, стаей с очень нестабильной альфой. Я в то время был щенком, но из того что я слышал, большинство волков Илук бежали, а остальные были убиты.

— И ты... до сих пор надеешься?

Его губы скривились в безрадостной улыбке.

— Мы действительно всю ночь должны разговаривать о моей матери?

— Мне жаль, — сказала она. — Это просто... с тех пор как мы ушли из логова, ты со мной почти не разговаривал. И сейчас я уже готова поговорить с тобой даже об аллергии Боаза на арахис.

Зейн слегка улыбнулся, но только сказал ей немного отдохнуть. И она внутренне пнула себя за напоминание о том, что он предположительно должен был отказаться от ее бойкотирования.

Обдумывая свой следующий шаг, она оставалась рядом с ним. Край его шкуры находился под ее коленом, и она знала, что если встанет, то он снова обернется в свою волчью форму.

И делая ему на зло, она приподняла шкуру и залезла под нее. Закутанная в его тепло, она выползла из своего пальто и верхнего свитера, в то время как Зейн наблюдал за ней с напряженным выражением лица.

Она искренне удивилась, когда почувствовала прикосновение его эрекции к своему бедру. Из всех вещей, удивлявших ее в Зейне, главной было насколько мощной сексуальной энергией он обладал, и какое влияние это оказывало на ее тело. Просто знание того, что он был возбужден, заставляло ее интимные складки дрожать, и она становилась влажной от предвкушения.

В течение нескольких минут она сопротивлялась охватившему ее возбуждению. Зейн делал то же самое, изображая, что спит. Затем он слегка улыбнулся. Закрывая глаза, она почувствовала его руку. Она подняла ее за запястье, затем направила под рубашку и, положив на свой живот, провела вверх, пока ладонь не оказалась на вершине ее обнаженной груди.

Он ничего не сказал, да она и не хотела, чтобы он ее отговаривал. Положив на его руку свою, она использовала ее для того, чтобы медленными кругами массировать свою грудь.

Когда они раньше занимались сексом, Зейн задавал темп, даже если именно она была инициатором. Она ожидала того же и на этот раз, но быстро обнаружила, что становится нетерпеливой, когда он не ответил. Она подумала, что он ее дразнил, но потом отбросила эту мысль.

Он будет мучить и себя самого так же, как мучает меня.

* * *

Когда она снова взяла его за руку, Зейн ослабил хватку. Он не хотел, чтобы она чувствовала удовлетворение от того, что соблазнила его. Но в то же время обнаружил, что все больше возбуждается от того, как она водила его рукой до такой степени, что не мог сопротивляться желанию сжать бархатистый холмик. Его пальцы двигались сами по себе, дергая и перекачивая ее сосок, превращая его в твердую вершинку.

Она издала тихий стон, и он сжал челюсть, почувствовав новый всплеск возбуждения. Горячая кровь пульсировала в его члене, и он жаждал оказаться внутри нее. Тем не менее, он

не сдался, даже когда она повела его руку вниз, толкая ее внутрь брюк и затем под прозрачную ткань своего нижнего белья. Он чувствовал запах ее возбуждения. Но одно дело знать, что она его хотела, а другое чувствовать кончиками своих пальцев ее горячий и влажный скользкий шелк.

Инстинкт заставил его прижать ее тяжелой ногой. Ему пришлось напомнить себе, что именно он, а не она — все еще контролировал ситуацию. Независимо от того, что ее запах или тихое хныканье творили с ним. Так же, как и его волк не контролировал его — независимо от того, как сильно он царапался внутри него, желая выбраться наружу.

Зейн сделал глубокий вдох, чтобы взять себя в руки, и затем провел пальцами вдоль ее складок, пока не обнаружил ее твердый комочек и начал медленно его поглаживать. Она ахнула, приподнимая бедра навстречу его прикосновению, и вонзила ногти в его руку. Возбуждение вспыхнуло в нем с новой силой, но он сильнее придавил ее ногой, заставляя лежать неподвижно.

Продолжая ее поглаживать, Зейн прислушивался к ритму ее дыхания, позволяя этому направлять его пальцы. Все другие женщины, с которыми он бывал близок, как правило, начинали тяжело дышать, приближаясь к кульминации. Однако она делала наоборот. Джиннифер делала короткие вдохи и так же быстро выдыхала, морщила лицо от попытки сконцентрироваться в промежутках между каждым вдохом. Зейну казалось, что она настолько фокусировалась на приближающемся оргазме, что забывала дышать. Он не только нашел это привлекательным, но также решил использовать это в своих целях.

Когда промежутки между ее вздохами начали увеличиваться, он замедлял свои движения, позволяя ей откатиться от края, пока она не начала снова тяжело дышать. Первые несколько раз она, казалось, наслаждалась игрой, но после еще пары раз она стала хмурить брови и инстинктивно надувать губы от недовольства. Когда в следующий раз он снова так поступил, ее губы сжались в напряженную линию, и он мог услышать, как она щелкнула зубами. Это настолько его забавляло, что он был в состоянии сдерживать свое собственное возбуждение.

Под его пальцами ее твердый комок напрягся, становясь более чувствительным. С каждым разом она все быстрее приближалась к освобождению и начала вертеться, стараясь освободить бедра. Однако он держал ее на месте, пока она не издала рычание, достойное волка.

— Прекрати это!

Он попытался не улыбнуться.

— Прекратить что?

В ее глазах вспыхнул гнев.

— Делать то, что ты делаешь!

Зейн резко выдернул руку из ее брюк, заработав шлепок по груди.

— Я не это имела в виду, — обиделась она.

Он продемонстрировал ей ленивую улыбку.

— Тогда ты должна выражаться конкретней. Что именно ты от меня хочешь?

Она бросила на него тяжелый взгляд, эффект от которого сошел на нет из-за ее красиво пылающих щек и скачущего пульса. Его хладнокровное поведение не изменилось, и, в конце концов, она что-то проворчала и закрыла голову его шкурой.

Веселясь, Зейн откинулся на спину. Однако раздосадовался на себя из-за того, что ее расстроил. Он не планировал совокупляться с ней сегодня вечером из-за состояния ее

травмированной руки. Но сейчас это было все, о чем он только мог думать.

Его мысли прервались, когда он почувствовал ее теплую, потную ладонь на своем члене. Горло сжалось, он посмотрел вниз и увидел, что она передвинулась под шкурой, став напряженным выступом на его бедрах. Он схватил шкуру, чтобы ее отдернуть, но замер, почувствовав что-то горячее, влажное и плотное, закрывшее головку его члена. Он судорожно вздохнул, звук его пульса молотком застучал в ушах.

Сев, он отдернул шкуру так, что была открыта ее голова. Она смотрела на него снизу-вверх, но Зейн не мог оторвать глаз от вида ее розовых губ, плотно обхвативших его корону. Ее рука начала двигаться вперед — назад. Она не была достаточно большой, чтобы обхватить его, так что казалось, что он больше и шире, чем был на самом деле. Очередной всплеск возбуждения прострелил его тело и еще один, и еще. Всплески приходили в тандеме с каждым поглаживанием его ствола.

Он знал, что она пыталась играть с ним в ту же игру, но у нее не получалось. Даже если бы она знала, как его прочесть, могла бы сказать, когда он был на грани освобождения, то все равно не смогла понять, что было уже слишком поздно.

— Остановись. — Он никогда не командовал с таким отсутствием убежденности.

Она продолжила, застенчиво глядя на него. Зейну пришлось зажмурить глаза, чтобы не смотреть на нее, прежде чем он смог продолжить.

— Если ты подведешь меня ближе к разрядке, то я схвачу тебя за волосы и начну толкаться в твой рот, пока не кончу.

Зейн почувствовал, как ее рот покинул его, и когда открыл глаза, то увидел, что она с изумлением на него смотрит.

— Это самая сексуальная вещь, которую мне когда-либо говорили.

Помимо своей воли, он рассмеялся. Убрав с себя ее руку, он наклонился вперед и осторожно положил ее на землю. Слишком возбужденный, чтобы сделать что-то, кроме как оказаться внутри нее, он расстегнул брюки и освободился от них тремя быстрыми рывками.

Она хихикнула и пнула его в грудь.

— Положи обратно на нас шкуру, пока я не замерзла до смерти.

Зейн накинул шкуру себе на спину и затем почти рухнул на нее.

— Иногда я забываю, что ты человек, — сказал он. — Ты так сильно пахнешь, как моя стая, как я.

Он положил голову ей на шею, вдыхая ее запах. Провел языком по коже, пока не провел линию между двух проколотых отметок. Его руки направились к ее бедрам, но, когда он приготовился удобно там расположиться, ему в голову пришла мысль.

— Я хочу сделать кое-что другое, — сказал он, отодвинувшись назад так, что мог видеть ее лицо. — Но мне не хочется причинить тебе боль.

Она помахала забинтованной рукой.

— Лекарство от боли. Вот почему мне так не хватает сдержанности.

Он ухмыльнулся.

— Тебе всегда не хватает сдержанности.

— Вовсе нет.

Он потер подбородок.

— Я припоминаю, как ты бросилась на меня вскоре после того, как мы встретились.

— Ты взглянул на меня!

Он наклонил голову.

— Как взглянул?

— Так, как ты смотришь на меня прямо сейчас.

Зейн мог бы продолжать над ней подтрунивать всю ночь, но знал, что для этого будет время позже. Он прижался губами к ее губам, одновременно потянул вверх и посадил. Она посмотрела на него с любопытством, но понимающе. Когда он перевернул ее и поставил на колени, на ее лице мелькнуло возбуждение. Он встал позади нее, оперся на одну руку, а другой крепко обхватил ее живот.

Он слушал, стараясь понять, не испытывает ли она какой-то дискомфорт, в то время как пошевелил бедрами, устраиваясь напротив ее входа. Она была такой влажной, что у него не было никаких проблем найти путь. Его глаза закатились назад, когда он соприкоснулся с ее жидким теплом.

— Обратни спариваются именно так?

Зейн понимал, что она не имела в виду — буквально становятся парой, но слово взволновало его волка. Всякий раз, когда он думал о том времени, когда Джиннифер будет фертильной, он всегда представлял, что заявляет на нее свои права именно в таком положении. Как сделал бы настоящий волк. Он наклонился, чтобы потереться носом о свою метку, и его тело задрожало, когда он погрузился внутрь нее.

Ощущение от того, что он с холодного воздуха стал полностью окружен ее теплым телом, было невозможно с чем-то сравнить. Он издал долгий стон и на мгновение замер, смакуя ощущение. Сзади он мог погрузиться глубже, чем раньше, и почувствовал, как головка его члена толкнулась в заднюю часть ее тугого канала. Это ощущалось так естественно, намного правильней, чем все, что он когда-либо испытывал. Он почти полностью вышел и толкнулся внутрь в надежде повторить этот самое прекрасное ощущение.

Второй раз не был похож на первый, и вместо чувства блаженства появилось чувство необходимости получить больше. Отложенная похоть заставила его толкнуться в третий раз и в четвертый. А затем он перестал считать и позволил себе погрузиться в архаичный ритм.

Зейн мог услышать, как уже меняется ее дыхание, когда его зубы нашли и схватили его метку. Он услышал ее вскрик. Страх, — подумал он. Но волк убедил его погрузить в нее клыки для того, чтобы лучше закрепить спаривание. Как бы он не старался бороться со своим инстинктом, трение от его движений взволновало их обоих, и он почувствовал, как кожа уступила острым кончикам клыков. Она простонала его имя, и приятное возбуждение заставило его толкаться быстрее.

Ей это понравилось.

Это была его последняя связная мысль, прежде чем мир вокруг него начал тускнеть. Его ощущения сосредоточились на нескольких деталях.

Давление внутри него нарастает с каждым толчком.

Ее пальцы впиваются в твердую землю.

Усиливающийся крик, когда она достигает кульминации.

Ее внутренние стенки сжимаются вокруг него.

Вкус ее крови во рту.

Когда хлынуло его горячее семя, мышцы Зейна напряглись. С последним жестким толчком он кончил, и сквозь него пробежало чувство удовлетворения, когда он наполнил ее. Его тело стало расслабленным, он откатился на сторону, забирая ее вместе с собой. Он все еще испытывал удовольствие, когда, прижав к себе, языком слизывал кровь с ее шеи.

Он ожидал, что она пожалуется на укус, но вместо этого она подоткнула шкуру вокруг себя, бормоча о том, что мерзнет.

— Я снова тебя согрею, — сказал он, еще раз лизнув ее шею. — Через несколько минут.

Она повернула голову, глядя на него с улыбкой.

— Я не уверена, что моя рука выдержит еще один раунд.

— Болит?

Она кивнула, и он заметил ее напряженную улыбку.

— Возможно, Индиго права, и мне понадобится операция, — она помолчала и неохотно добавила, — Полагаю, ты тоже прав. Будет безумием с моей стороны сразу же вернуться к Силуит. И отправиться во Флориду будет хорошей идеей. У мамы день рождения в июне, и она бесконечно будет об этом напоминать, если я два года подряд его пропущу. Почему ты так на меня смотришь?

Только сейчас Зейн понял, что сердито на нее смотрит. Он сделал выражение лица нейтральным и лег назад, положив под голову руку, подняв глаза к ночному небу.

— Расскажи мне о том месте, откуда ты, — сказал он. — О своей жизни.

Скажи мне, почему она лучше, чем жизнь, которую я могу тебе предложить.

— У меня есть квартира в Дизайн Дистрикт. В ней только одна спальня, но очень просторная гостиная, которая одновременно и мой офис. У меня есть собака, хаски по имени Нуна, но обычно она живет с моей сестрой. Астрид все время жалуется, что ей приходится за ней следить, но, когда я возвращаюсь в город, она всегда находит причину, чтобы подержать ее у себя еще день или два.

— Я обычно просыпаюсь около семи, так что не попадаю в утренние пробки. Каждое утро я принимаю душ и одеваюсь. Проверяю на своем телефоне почту, пока выгуливаю Нуну, если только не звонит мама и держит меня все это время на телефоне. Что происходит почти каждый день. Потом я иду в гараж забрать машину. Это Лексус кабриолет, за который сильно переплатила, и когда я вижу его, то все время об этом думаю. Однако когда мы с Нуной медленно едем по трассе I-95 Юг с откинутым верхом, и ветер дует сквозь наши волосы, меня это больше не волнует.

— Мое любимое место позавтракать — это маленькая кафешка в районе Маленькая Гавана. Дальше, наверное, это прозвучит странно, но там есть бомж по имени Эдди, который опивается снаружи, и я даю ему несколько долларов, чтобы он присматривал за Нуной, пока я слушаю уличную музыку, пью мой кофе с молоком и ем салат. Что я тоже знаю, звучит странно — в смысле, кто ест салат на завтрак? Но салаты в этом месте не должны даже называться салатами. В основном это куча нарезанной курицы, бобов, кукурузы и сыра, с листом салата на вершине. И за все это можно умереть — так вкусно.

Зейн имел лишь смутное представление о том, что такое салат, и еще более расплывчатое представление о том, чем были остальные вещи. Но, тем не менее, в его голове начало формироваться новое представление о Джиннифер. И по мере того, как она продолжила говорить, он стал чувствовать себя все больше и больше обеспокоенным.

— Не смотря на то, что ты мог подумать, создание фильмов в качестве независимого режиссера не оплачивает мои счета. Я заработала на этом кое-что, но мне так же приходится вкладывать в это много денег. Чтобы оплачивать мои счета и достичь цели выйти на пенсию к сорока годам неприлично богатой, я работаю внештатным оператором. Это в основном означает, что люди платят мне за то, что я буду мастером камеры. И вообще-то на этом я зарабатываю больше, чем Боаз, что печально, потому что, по моему мнению, он

намного лучше, чем я.

— Из-за этой внештатной работы я бываю в самых разных местах. За последние три года я побывала в сорока странах. И это если считать Европу одной страной, потому что ты можешь переплюнуть через три страны одновременно. Я не бывала только в Антарктике, но я думала, что, возможно, отправлюсь туда в следующий раз. Правда, я бы предпочла снимать не животных, а людей. Думаю, что любой, кто готов жить на одной из этих баз, должен быть довольно интересным человеком.

Джиннифер затихла, и на мгновение Зейн слышал только их дыхание и звук шелестевшей на ветру хвои. Когда он повернулся на нее посмотреть, то обнаружил, что она смотрела на него с непроницаемым выражением лица.

Она спросила:

— О чем ты думаешь?

Он не мог отогнать мысли, хлеставшие его сознание. И даже если мог, то не был уверен, что мог бы ими поделиться.

Скривив губы, он сказал:

— С тех пор, как я тебя встретил, я был в замешательстве и только отгонял других мужчин. А теперь я понимаю, что конкурировал не с ними, а с целым миром.

Глава 24

Пластиковый стул прогнулся под тяжестью Зейна, когда он сел и начал пролистывать тот же самый журнал во второй раз за этот месяц. Последний раз он был в клинике, когда ждал Энцо с новостями о Марл, и его глаза скользили по страницам, не читая слов и не видя изображения. На этот раз некоторые вещи, казалось, бросались в глаза — рецепт салата, статья об альпинизме в Европе, реклама Лексуса и многое другое.

Он закрыл журнал и отложил его в сторону, глядя на дверь лососевого цвета в сотый раз. С тех пор, как Джиннифер встретила с врачом, аналоговые часы, висевшие над телевизором, уже сделали два оборота. Металлическая дверь полностью блокировала звуки и запахи. И он не был уверен, что его раздражало больше: то, что о ней не было новостей, или что его волк не мог, нахрен, успокоиться и призывал его пнуть дверь.

Его потребность быть с нею рядом сегодня была просто непреодолимой, и он понимал, что это из-за того, что она скоро уедет. И он не имел ни малейшего представления, как он будет с этим справляться. Его расстраивало, что он прожил целую жизнь, не зная, что она существует, а после нескольких недель, проведенных вместе, он не мог вспомнить, как он жил без нее.

— Врач скоро закончит с твоей подругой, — сказала молоденькая секретарша, сидевшая за своим столом.

Зейн хотел спросить, откуда, черт возьми, она об этом узнала, учитывая, что она только выходила к своему грузовику, где наложила толстый слой красной помады и тошнотворное количество духов.

— Она твоя девушка, да?

Разговаривая с ним, она наклонилась вперед, и он был уверен, что, когда он прибыл этим утром, застегнутых пуговиц было больше. Он увидел, что у нее большая грудь, а кожа на несколько оттенков темнее, чем у него. Зейна всегда привлекала более темная кожа, так как она выглядела более здоровой, чем бледная. И если бы не искусственный запах ее духов,

забивавший нос, он мог бы найти ее привлекательной. Но на данный момент она вызывала только раздражение.

Он дал ей расплывчатый ответ и снова потянулся к журналу. И не успел он положить его на колени, как дверь медленно открылась, и вышла Диннифер. Стоя к нему спиной, она разговаривала с кем-то позади нее.

— Хорошо, тогда я буду ждать вашего звонка, — сказала она. — Огромное спасибо.

Когда она повернулась, Зейн стоял рядом с ней и увидел, что у нее на руке был новый бинт из мягкого хлопка с твердой внешней стороной, сделанной из материала, который он узнал, но не мог вспомнить название.

Направляя ее к двери, он положил ладонь на ее неповрежденную руку.

— Что сказал врач?

Она слегка похлопала его по руке.

— погоди, дай мне надеть пальто.

Ее рука с трудом поместилась в толстом пальто, и ему захотелось, чтобы она носила свободную одежду из кожи и меха, которая была сложена в ее сумке. Наконец, закутавшись, она махнула секретарше и позволила Зейну проводить ее из клиники.

Как только они оказались снаружи, она начала дрожать.

— Уф, я уже забыла, как здесь холодно. Во всяком случае, Джин говорит...

— Кто такая Джин?

— Врач. Ну, я думаю, что технически — она медсестра или как это здесь называется, но она единственный человек в городе с медицинским опытом. В некотором смысле, здешние города напоминают мне стаю. Население настолько малочисленное, что все друг друга знают, и люди со специальностями имеют монополию на...

— Джиннифер, твоя рука.

Она широко раскрыла глаза.

— О, верно! В конце концов, это оказалось закрытым переломом. Джин говорит, что отечность и воспаление совершенно нормальное явление, но то, что Индиго волновалась, имело смысл. Ты знал, что оборотни способны исцелиться при переломе кости менее чем за неделю? И иногда это приводит к проблемам, потому что если кости не вправлены в течение нескольких часов, то физический недостаток остается навсегда.

— И откуда ты это узнала?

— Джин выписывала рецепты на лекарства для Марл. Взамен, Марл рассказывала ей об оборотнях — ничего, что могло бы представлять для стаи опасность, просто связанные с медициной вещи. Она говорит, что даже несмотря на то, что Марл уехала, она будет рада заключить с Индиго такую же сделку.

Если бы было так, как хотел Зейн, то Индиго больше бы никогда не покинула остров, не говоря уже о путешествиях в город. Однако он кивнул, как будто обдумывая этот вопрос.

— Я позвонила Джеку. Он приготовит комнату в мини-гостинице. За пределами города нет никаких дорог, так что нам придется подождать, пока не прилетит самолет. Джин думает, что один должен появиться к завтрашнему вечеру.

— И тогда ты улетаешь?

Она вяло улыбнулась.

— Такой был план, не так ли?

Он неуверенно пожал плечами.

— Через сколько ты вернешься?

— Гипс могут снять примерно через шесть недель, и затем пройдет еще месяц или два прежде, чем рука начнет нормально работать. Хотя я могу вернуться раньше. Думаю, что, может, через неделю после маминого дня рождения.

У него было чувство, как будто его волк пытался прорыть дыру в его груди. Усилия сдержаться не распространились на его язык.

— И что потом?

Она облизала губы.

— Я не уверена. Думаю, что это будет зависеть от моего графика работы. Я могу остаться, по крайней мере, на пару недель. И если документальный фильм получит известность — что вполне возможно — я, вероятно, не буду какое-то время беспокоиться о деньгах. И тогда смогу оставаться здесь на один или два месяца подряд.

Зейн почувствовал, как ногти впиваются в его ладонь, но сохранил бесстрастное выражение лица.

— Тебе следует вернуться, когда ты будешь готова остаться.

Она удивленно моргнула, и, когда заговорила, в ее голосе не было гнева, только боль.

— Что если я никогда не буду готова? Тогда на этом все? Это все или ничего? Я должна отказаться от всего, что делает меня тем, кем я являюсь, от моей семьи, дома, карьеры... Мы знаем друг друга всего несколько недель. Это меньше, чем я знала Аарона, прежде чем он сделал мне предложение. И посмотри, чем это закончилось. Я не могу бросаться в новые отношения, особенно в такие, которые требуют столько жертв. Почему ты не можешь просто дать мне немного больше времени?

Небольшая часть него признала, что она рассуждала вполне разумно. Если бы он был человеком, то ему было бы легче пойти на компромисс. Но Зейн был волком, альфой, а она была женщиной, которую он пометил, как свою пару. Он сходил с ума от того, что их разделяла всего лишь гребанная дверь, а она предполагала, что он позволит бросать его снова и снова на несколько недель. Она думала, что он сможет спать каждую ночь, не имея возможности чувствовать ее теплую кожу рядом с собой, не зная, была ли она в безопасности. Что он не будет размышлять о том, не планировал ли другой мужчина заявить на нее свои права. Человеческий мужчина, которого она сможет рассматривать, как более подходящую партию.

В следующий момент, он почти сказал ей никогда не возвращаться. Так было бы проще, знать, что это он ее отверг. Если она уйдет и никогда не вернется, то не потому, что не хотела его.

Но Зейн больше не мог выдать ни слова, о котором бы потом не пожалел. Вместо этого он наклонился, чтобы поцеловать ее губы. Они были солеными от слез. Он отстранился, последний раз глядя на ее лицо и стараясь не позволить взгляду остановиться на ее шее. Развернувшись, он пошел прочь, игнорируя протест завывавшего волка.

Глава 25

Когда Джиннифер приземлилась в Форт-Лодердейле, позвонила ее мама, но она перевела звонок на голосовую почту. Мать не могла знать, что она вернулась в Штаты, если только ей об этом не сказала Астрид. Что она специально просила не делать, когда они прошлой ночью разговаривали по телефону.

Она зашла в туалетную комнату, чтобы ополоснуть лицо холодной водой, с трудом

узнавая свое бледное, осунувшееся отражение. Рядом с ней двое подростков в дешевых шлепанцах и низко посаженных джинсах жаловались на пересадку и поправляли макияж. Джиннифер позаимствовала бронзатор и блеск для губ со вкусом персиков. Макияж скрывал ее сухую кожу и создавал впечатление, что она пытается выглядеть, как человек, однако этого было достаточно.

Потребовалось две недели, чтобы выбраться из Нунавут с помощью нескольких частных самолетов. Как только она добралась до Квебека, то подумала, что будет уже на пути домой. Однако из-за недоразумения с пилотом, ее высадили на северной оконечности провинции Квебек, а не в городе. Прошла еще одна неделя, прежде чем она пересекла американо — канадскую границу и затем еще почти два дня задержек вылетов, в течение которых она почти не спала.

Она пошла в отделение выдачи багажа и все выглядело каким-то нереальным. Она много раз прилетала в этот аэропорт, но все казалось ей незнакомым. Она несколько раз заходила не туда, хотя направление было четко обозначено разными знаками.

Впервые за несколько недель в сердце Джиннифер потеплело, когда она увидела Астрид, ожидавшую в зоне получения багажа. Ее сестра была на два года старше, но почти на пятнадцать сантиметров ниже, с круглым лицом, которое не состарилось ни на день, с тех пор как она училась в старших классах. После того, как Астрид год назад развелась, Джиннифер безуспешно пыталась устроить их свидание с Боазом.

Астрид притянула ее в крепкие объятия, и Джиннифер захотелось упасть на ее руки. Она так долго держалась за сестру, что Астрид пришлось отстраниться первой.

— О боже, — сказала Астрид, быстро осматривая Джиннифер. — Ты выглядишь ужасно. Знаешь, что тебе нужно?

Джиннифер не хотела размышлять над вопросом и вздохнула с облегчением, когда Астрид вытащила из кармана знакомый набор ключей.

— Ты взяла мой Лексус, — сказала Джиннифер.

Ее нижняя губа задрожала, когда она потянулась за ключами, но Астрид отвела их в сторону.

— Веду я. Ты выглядишь так, словно можешь уснуть прямо за рулем. Но, пожалуйста, скажи мне, что у тебя есть аппетит. Здесь в течение нескольких недель все еще сезон каменных крабов, и я подумала, что мы втроем могли бы поломать несколько клешней и послушать о твоём последнем приключении.

— С каких это пор тебе нравится слушать о моих поездках за границу? — спросила Джиннифер. — И что ты подразумевала под «втроем»? Ты взяла с собой маму?

Астрид отошла в сторону, кивая в сторону ряда сидений. Там сидел Аарон с букетом цветов и большим плюшевым медведем в руках.

Ее сестра наклонилась, чтобы сказать:

— Я так понимаю, что он из-за чего-то в опале? Я не собиралась брать его с собой, но он утром появился в моей квартире с такими печально-щенячьими глазами.

Губы Джиннифер не двигались, когда она сквозь зубы произнесла:

— Откуда он узнал, что ты меня встречаешь?

— Ты сказала не говорить маме, что возвращаешься. Но ты ничего не сказала о своём женихе.

Джиннифер уже собиралась заметить, что маме Астрид все-таки рассказала, но в это время подошел Аарон, и она переключила внимание на него.

— Привет, Джинни.

Казалось, что Аарон не брился с тех пор, когда они в последний раз разговаривали, и щеголял кучерявой, коричневого цвета с золотистым отливом бородой. На нем были коричневые брюки-каargo и рубашка поло с незастегнутыми пуговицами. На макушке его бритой головы сидела пара солнцезащитных очков. Некоторые мужчины могли привлечь внимание своим внешним видом, но, когда люди смотрели на Аарона, все что они видели — это его глаза. Они были, как вода в океане, глубокого синего цвета, очаровывая своим цветом и глубиной их доброты. Джиннифер по-прежнему была удивлена, что он так сильно на нее разозлился. Не потому, что она думала, что не заслужила этого, но потому, что это было единственное воспоминание о нем, когда он на нее рассердился.

Он передал медведя Астрид и притянул Джиннифер в объятия, обертка букета смялась на ее спине. Она не прислонилась к нему, как сделала со своей сестрой, но объятие оказалось неожиданно успокаивающим. Расстались они или нет, но в течение семи лет они были близки.

— Я думала, ты в Эдинбурге, — сказала Джиннифер, отстранившись.

— Когда Астрид сказала мне, что ты возвращаешься, я взял билеты на первый же рейс. Но опередил тебя только на один день.

«И вот вам, пожалуйста», — подумала она. С цветами и улыбается, как будто ничего не изменилось. Все изменилось.

Джиннифер устало улыбнулась.

— Обед может подождать? Я действительно устала.

— Нет необходимости объяснять, — сказал Аарон, потирая ее плечо. — Давай отвезу тебя домой.

Они забрали сумки Джиннифер и поехали в Майами на ее Лексусе. Аарон и Астрид дожимали ее расспросами о времени, проведенном в Нунавут. Джиннифер давала неопределенные ответы, если вовсе отвечала. И когда ее сестра продолжила странно себя вести, Джиннифер предпочла сделать вид, что спит.

Она не открыла глаз, пока они не оказались возле комплекса, в котором жила ее сестра. Она попыталась забрать ключи, но вместо этого Астрид кинула их Аарону. Она быстро чмокнула Джиннифер в щеку, прежде чем сказать, что оставит Нуну у себя на ночь, чтобы Джиннифер могла выспаться.

Когда Аарон сел на водительское сидение, Джиннифер сказала:

— Я действительно в состоянии вести машину. И, кроме того, если ты повезешь меня домой, тебе придется вызывать такси до своей гостиницы.

Аарон скорчил смешную рожицу.

— А я не в отеле остановился. Прошлой ночью я спал на твоём диване, и все мои вещи у тебя.

Это не должно было ее расстраивать. Аарон, когда бывал в Майами, всегда останавливался в ее квартире, даже если она куда-то уезжала. Но в этот раз это воспринималось, как нарушение.

— Аарон, сегодня вечером мне действительно нужно побыть одной, — она надеялась, что он не услышал тихое отчаяние в ее голосе.

Он завел машину и выехал на улицу с хмурой улыбкой на губах.

— Ты так выглядишь, словно нуждаешься в том, чтобы кто-то о тебе позаботился, — сказал он. — И даже если это не так, у нас есть о чем поговорить.

— Это не может подождать до завтра?

— Я уже прождал больше месяца. Господи, Джиннифер, ты пыталась порвать со мной через Скайп, пока мы были на разных континентах, и у меня не было никакой возможности до тебя добраться.

— Мы всегда на разных континентах, — сказала она, хотя оправдание прозвучало надуманным. — Я слишком устала, чтобы заниматься этим сегодня. Ты можешь подняться и забрать свои вещи. Я заплачу за твое пребывание в отеле, если нужно.

Губы Аарона стали тонкими.

— Я не останусь в гостинице и не оставлю тебя, пока мы не решим эту проблему.

У нее в висках стало стучать. Ничего не происходило так, как она запланировала. Пережить последние три недели ей помогало знание, что она может зайти в свою квартиру, съесть целый контейнер мороженого и включить громкость телевизора, пока не станет слишком шумно, чтобы думать. Она чувствовала, что присутствие Аарона давит на нее, хотя знала, что это была ее вина. Что отношения с ним стали такими, как сейчас.

— Я сожалею о том, как прошел наш последний разговор, — сказала она. — Но это ничего не меняет. Я всегда буду о тебе беспокоиться, но не хочу быть с тобой в отношениях.

Костяшки его пальцев, державших руль, побелели.

— Это из-за Эдинбурга?

— Нет. Эдинбург был всего лишь симптомом большей проблемы в наших отношениях. У нас обоих разные цели в жизни и...

Она думала, что была готова произнести нечто важное и глубокое, и именно поэтому так разозлилась, когда он ее перебил.

— Я выбрасываю семь лет своей жизни просто потому, что ты думаешь, что наши цели больше не совпадают. Если тебе от меня что-то нужно, то скажи, что именно, и я это сделаю.

Она попыталась вернуться к своему аргументу, прежде чем изнеможение и раздражение украдут ее красноречие.

— Расставаясь со мною, ты ничего не выбрасываешь. У нас были хорошие времена, но мы оказались в очень разных местах в наших жизнях, и я думаю, что мы оба переросли друг друга.

Аарон резко нажал на тормоза, в результате чего заблокировало ее ремень безопасности. Джиннифер обхватила себя руками и, когда бросила на него сердитый взгляд, то увидела в его глазах невыплаканные слезы. Она почувствовала резкий укол вины не только потому, что расстроила его, но и потому, что не почувствовала такой же, как и у него, печали.

— Мы не расстаемся.

Его упрямый тон смягчился некоторой долей вины.

— Нет, расстаемся.

Он сердито на нее посмотрел.

— Нет. Я дам тебе возможность пойти домой и немного поспать. Я даже останусь в гостинице, если ты этого хочешь. И мы снова поговорим об этом утром.

— Аарон, нет. Ничего из того, что ты скажешь, не изменит моего решения. А сейчас давай просто закончим все по-хорошему.

— Мы ничего не заканчиваем.

— Я беременна.

Позади них яростно просигналил автомобиль, от чего они оба подпрыгнули. Аарон в течение нескольких секунд оставался неподвижным, прежде чем резко ускориться. Они в тишине проехали квартал, пока он не свернул к ее автостоянке.

Припарковавшись, они остались на своих местах. Его руки все еще покоились на руле, а ее беспокойно двигались у нее на коленях.

Голосом чуть громче шепота, он сказал:

— Это какая-то уловка, чтобы от меня отделаться?

Она должна была бы рассердиться на такое предположение, но ее тревога просто зашкаливала. Она впервые произнесла эти слова вслух, и от этого все казалось более реальным.

— Нет, — сказала она так же тихо. — Но я бы хотела, чтобы так было.

— От кого тогда он? — он покачал головой. — Неважно, я не хочу знать. Какой срок?

Она почти решила сказать ему, что ребенок не от него, но поняла, что это и так очевидно. В промежутке времени, когда она уехала, а Аарон был в Уганде и затем в Сирии, они не спали вместе в течение полугода.

— Я не знаю точно. Думаю, что пять недель.

Из исчерпывающего Google поиска во время пересадки в аэропорту O'Hare ей следовало считать от даты ее последних месячных, но у нее не было никакой возможности это сделать. Что она знала точно, из напоминания о пропущенном визите, которое получила, как только потрудилась проверить свою голосовую почту, это то, что она почти на две недели опоздала сделать укол Деро.

Без своего сотового она никогда не помнила, на какие даты назначены встречи. Уже не в первый раз она пропускала визит к врачу, чтобы сделать укол противозачаточного препарата, но она всегда считала дни, и если требовалось, то использовались презервативы. Но когда она стала высчитывать, сколько времени до следующего укола, то поняла, что отправной точкой стал момент, когда они с Боазом направились через тундру. Она забыла, сколько дней они двигались на север, пока не достигли Нунавут. И забыла, что они потеряли еще одну неделю, пока возились с Ритой.

Она снова и снова проигрывала в голове последние две недели с Зейном, стараясь понять, как она могла забеременеть, не зная об этом. Обратни могли учуять, когда женщина была фертильной, и сначала она подумала, что он мог сделать ее беременной преднамеренно. Но чем больше она об этом думала, тем больше в этом сомневалась. Он никогда открыто не проявлял интерес к отцовству, но у нее сложилось впечатление, что если бы он знал о только вероятной беременности, то сделал бы все возможное, чтобы удержать ее там.

Единственное, что имело смысл, что у нее произошла овуляция вскоре после того, как они последний раз были вместе. Что смещало все в противоположном направлении, потому что это именно она его соблазнила.

До нее дошло, что Аарон что-то говорил, и когда она прислушалась к тому, что он сказал, то вначале не поняла о чем речь.

— Я знаю, мы не должны туда ехать, но это будет казаться более убедительным. Как будто мы поймали возбуждение, которое порождает город.

— Что, куда ехать?

Он раздраженно на нее посмотрел.

— В Вегас, чтобы пожениться. Срок небольшой, так что мы можем сказать, что ребенок

мой, и никто ничего не заподозрит... — Он с трудом сглотнул, прежде чем нерешительно спросить, — Отец... он же белый, да?

Джиннифер прикрыла лицо рукой, не зная, хочет ли она смеяться или плакать. Шесть месяцев назад она была бы на седьмом небе от предложения сбежать с Аароном. Она задавалась вопросом, были бы они счастливы, если бы она не встретила Зейна. Зейна, который заставил ее засомневаться во всем, что, как ей казалось, она хотела.

— Я не выхожу за тебя замуж, Аарон. Я даже не уверена, сохраню ли я... это. В любом случае, ты заслуживаешь кого-то, кто оценит то, какой ты отличный парень. Кого-то, кто захочет быть рядом с тобой, пока ты спасаешь мир. Но это не я.

— Джиннифер...

Она потянулась, чтобы погладить его щеку, грустно улыбаясь.

— Однажды какая-то женщина поблагодарит меня за то, что я тебя отпускаю.

Аарон поднялся, чтобы забрать свои вещи, но не стал задерживаться. Ее квартира была в безупречном состоянии, и Джиннифер по остаткам еды в холодильнике и корейской драме, стоявшей в очереди на канале Netflix, могла сказать, что в ее квартире жила Астрид.

Она легла на диван и включила документальный фильм о космосе. И прижав подушку к своему животу, позволила себе заплакать.

Глава 26

Джиннифер проснулась от того, что Нуна облизывала ее лицо. Из кухни раздавались звуки жарившейся еды и металла, царапавшегося об металл. Вместе с запахами, от которых наступала рвота. На ней было одеяло, но она не помнила, чтобы укрывалась им, когда засыпала.

Она похлопала Нуну по голове и затем села, выглядывая из-за кушетки на Астрид, занятую на кухне. Ее выющиеся волосы были уложены в пучок, и на ней был фартук, на который Джиннифер уже давно махнула рукой.

— Я делаю омлеты, — сообщила Астрид, доставая миску для смешивания из шкафа рядом с плитой. — И в холодильнике есть сок.

Джиннифер вздохнула, потирая заспанные глаза.

— Если ты осталась без крова, скажи мне, и я найду для тебя какую-нибудь квартиру.

Астрид фыркнула.

— Я здесь, чтобы позаботиться о тебе.

— Я уверена, что это не имеет никакого отношения к TV, бассейну или моей модной посуде.

Астрид развернулась и помахала на нее лопаточкой.

— Ты потратила пол тысячи на эти кастрюли и сковородки — не отрицай этого, потому что я их рассмотрела, и я знаю, что ты никогда не помнишь, что можно использовать купоны на скидки. При этом ты каждый день питаешься вне дома. Кто-то же должен их использовать.

Закатив глаза, Джиннифер встала, чтобы налить себе стакан воды. Чем ближе она подходила к кухне, тем сильнее протестовал ее желудок.

— Я сегодня утром разговаривала с Аароном.

Потянувшись за стаканом, Джиннифер замерла.

— И что его не устраивает?

— А ты как думаешь? — сказала Астрид, не отрываясь от кастрюли. — Парень раздавлен тем, что ты с ним порвала. Похоже, он думал, что я могу уговорить тебя передумать.

Джиннифер от облегчения слегка расслабилась. У нее была четырехчасовая пересадка в аэропорту LaGuardia, когда она наконец-то решила использовать тест на беременность. Как только появилась вторая розовая линия, сначала бледная, потом яркая и убийственная, она хотела позвонить сестре, но поняла, что не сможет этого сделать.

Брак Астрид сошел на нет, когда она боролась с бесплодием, и для нее это до сих пор было открытой раной. Джиннифер подозревала, что причина, по которой они последнее время стали ближе, была в том, что Астрид хотела о ком-то заботиться. Она не могла сказать сестре, что случайно забеременела, и даже не была уверена, собиралась ли эту беременность сохранить.

— Что ты ему сказала? — спросила Джиннифер.

Астрид пожала плечами.

— Я сказала ему, что либо он должен начинать мне платить, либо найти психотерапевта.

Джиннифер рассмеялась, но тут же почувствовала себя плохо. Она сделала небольшой глоток воды, однако ее желудок ничего не хотел принимать.

— Я собираюсь принять ванну, — сказала она и направилась к ванной комнате, не дожидаясь ответа.

— Но это остынет!

Она закрыла за собой дверь и повернула кран над мойкой, приготовившись к рвоте. Последние несколько дней по утрам ей было плохо. И днем, и вечером тоже. Ее внутренности продолжили бастовать, но через минуту худшее было позади, и она прислонилась спиной к двери.

Джиннифер неуверенно положила руку на живот. Когда она думала о крошечном эмбрионе, то не чувствовала ничего, кроме страха и тревоги. Но все же испытывала обманчивую надежду на что-то большее. Потому что каждый раз, когда она думала об аборте, то не могла даже просто заставить себя позвонить, не говоря уже о том, чтобы через это пройти.

Она вздохнула.

— И что же мне с тобой делать?

Очевидным ответом было вернуться в Нунавут. Просто мысль о том, чтобы рассказать Зейну, что она беременна и остается, чтобы стать его парой, заставляла ее волноваться. Однако мудрость подсказывала, что она не видит всей картины целиком. Как только радость от встречи с Зейном пройдет, она станет привязана к нему и Силуит. Жизнь в логове стала невероятным опытом, но она не была уверена, хотела ли она такой жизни. Даже если она была готова отказаться от своей карьеры и от всех современных излишеств, жизнь в тундре была опасной. И не той средой, в которой она хотела бы растить ребенка.

Но растить оборотня в Майами будет также трудно, если вообще возможно. Единственное, что она могла придумать, это переехать куда-нибудь в сельскую местность, где она сможет растить его подальше от границ человеческого общества. В любом случае, ей придется чем-то пожертвовать, но, по крайней мере, с последним вариантом она сможет вести наполовину нормальную жизнь.

Джиннифер приняла долгую, горячую ванну и впервые после травмы принялась за

трудоемкую задачу вымыть волосы одной рукой. Ванная соединялась с ее спальней, и, когда она вошла вовнутрь, стало очевидно, что Астрид не пользовалась ее кроватью.

Все было так, как она оставила. Поверхности завалены книгами, неоткрытыми рекламными письмами, булавками для волос и пустыми стаканами, на которых остались метки от высохавшей воды. Она изучала валявшуюся на полу одежду, пока не нашла вещи, которые пахли так, как будто их одевали только один раз. Она тщательно застегнула рубашку до самого воротника, чтобы не было видно круглых отметок на ее шее.

Когда она шла по коридору, то услышала голос Боаза. К тому времени, как она добралась до гостиной, она поняла, откуда шел звук, но ее сердце все еще продолжало колотиться. Астрид сидела на диване, и перед ней на кофейном столике стояла пустая тарелка. Одной рукой она держала камеру Джиннифер, а в другой кружку с апельсиновым соком.

— На что это похоже, когда превращаешься? — спросил Боаз из камеры.

Он снимал Тэллоу, которая была обнажена, за исключением меховой шкуры на животе. — И как я должна ответить? Ты с таким же успехом можешь спросить рыбу, что она чувствует, будучи все время мокрой.

Астрид хихикнула.

— Она настолько человек, я просто не могу в это поверить.

Джиннифер села рядом со своей сестрой, положив руку на спинку дивана.

— Это Тэллоу. Она бета. Она кажется настоящей сукой, но... ну, ею она вроде как и является.

Боаз спросил:

— Как ты решаешь, в какой форме ты хочешь быть?

Тэллоу сказала:

— Человеческая форма лучше подходит для общения и на этом все. Но зачастую проще оставаться в человеческой форме, особенно если не хочешь заморачиваться с раздеванием.

Боаз сказал:

— Есть... определенные виды деятельности, которые происходят, когда ты раздета, и которые делаешь в своей человеческой форме. Как купание.

— И траханье?

— Ээ, да, полагаю, но это не значит, что я в этом заинтересован. Мне больше интересно... нравится ли тебе — вам волкам... ну знаешь... делать это таким образом.

Когда Астрид оторвала взгляд от камеры, в ее глазах мелькнул такой же озорной блеск, как и в глазах Тэллоу.

— Боаз что, предлагает ей заняться скотоложством? — спросила Астрид.

Джиннифер потянулась, чтобы нажать на паузу, пока ситуация не обострилась. Она несколько раз позволила Боазу воспользоваться своей камерой, так как она лучше снимала в условиях низкой освещенности, чем его собственная. Но она не ожидала, что он станет снимать такие странные вещи.

— Уверена, что он спрашивал только в духе познания, — пробормотала Джиннифер, откладывая камеру в сторону.

— Эй, мне это нравилось.

— Ты сможешь посмотреть, когда фильм будет закончен.

Если Астрид начнет копаться в видеофайлах, то неизбежно столкнется с чем-то, что Джиннифер не хотела ей показывать.

— Хорошо, — сказала Астрид, собирая свои тарелки. — В любом случае мне нужно идти на работу. Не возражаешь присмотреть за Нуной, пока я не вернусь?

— Она моя собака, — напомнила ей Джиннифер.

— То-о-о-о-очно. И как это я забыла.

Когда Астрид ушла, Джиннифер схватила с пола сумку, вытаскивая футляр, в котором лежали карты памяти. Они тщательно систематизировали более ста штук. Каждая была с этикетками и цифрами, которые соответствовали записям в блокноте и описывали отснятые сцены.

Она провела пальцем по ряду с записями Зейна, самому короткому из всех. Боазу было нелегко находиться рядом с альфой, и поэтому почти всегда его снимала Джиннифер. Близость между ними была почти ощутимой. И она не была уверена, сколько отснятого материала о нем можно будет использовать в окончательной версии фильма.

Джиннифер прошла по ряду, все еще не готовая увидеть его лицо. Вместо этого она вернулась к SD картам Боаза, заполненных интервью, которые она не видела. Она узнала первое же, которое включила. Это было видео, которое он сделал во время их первой поездки к заливу. Джиннифер увидела знакомый ландшафт ночной тундры, и ее сердце заныло.

Когда они добрались до пристани, Боаз попросил Тэллоу немного подождать, пока он доставал свой Volex. Он начал объяснять разницу между двумя камерами, когда запись внезапно прервалась. В начале следующей сцены Тэллоу уже сидела напротив него в лодке, положив руки на весла.

— Не печалься, — сказала она ему. — Похоже эта камера намного легче.

Джиннифер вспомнила, что незадолго до этой сцены он уронил свой Volex в воду. Она так же вспомнила, что это была одна из сцен, про которые Боаз сказал, что это его личное видео. Она подумала быстро перемотать вперед, но любопытство остановило ее палец.

— Качество картинки... не важно. — Боаз покачал головой. — Так что, Тэллоу, могу я задать тебе вопрос?

Ее глаза разного цвета сдвинулись в его сторону.

— Ммм, ты и Зейн, типа, я не знаю, ты вроде его подружки?

Тэллоу прищурила глаза.

— Альфы не заводят подружек. Они не мальчишки-подростки. Почему ты меня вообще об этом спрашиваешь?

— Просто... ты очень красивая, и я могу себе представить девушку — женщину, как ты, рядом с мужчиной, как он.

Выражение лица Тэллоу было нечитаемым.

— А что насчет тебя? Ты с той женщиной? Ты весь покрыт ее запахом.

Камеру тряхнуло.

— Нет, это не так. Мы с Джиннифер друзья еще с детства.

— О? — она выгнула бровь. — И ты ни разу не задумывался заявить на нее права?

Боаз рассмеялся, но звук его смеха замер под проницательным взглядом Тэллоу.

— Я думаю... Было время, когда я думал, что мы будем вместе. Но это закончилось. Она с Аароном, и нет никакой возможности с ним конкурировать. Это разочаровывает, однако она мой лучший друг, и этого достаточно.

Тэллоу ненадолго притихла, она смотрела на воду, и ее глаза были обращены вдаль. Когда она заговорила, слова потекли из ее уст с таким красноречием, которым, как думала

Джиннифер, она не обладала.

— Мне было десять, когда моя бабушка отправила меня к Силуит. Предполагалось, что я буду жить здесь до совершеннолетия, и потом Зейн — мальчик на два года меня младше, и с которым мы никогда не встречались — станет моей парой.

— Это... ужасно. И никто не спросил твоего мнения?

Она покачала головой.

— Моя мать была изгоем из-за того, что стала парой с человеком. Она умерла, когда меня рожала, но моя бабушка никогда не позволяла мне забыть, кем я была. Когда отец Зейна разорвал соглашение взять тетю Шейл своей парой, моя бабка устроила новое, по которому мы с Зейном становились парой.

— Это было вопиющее оскорбление. Зейн был единственным сыном Эфраима и происходил из линии чистокровных оборотней. Любой щенок Зейна от меня был бы испорчен человеческой кровью моего отца, наши дочери могли бы быть стерильными. Моя бабка преднамеренно хотела уничтожить родословную Силуит, и я была ее оружием.

Тэллоу говорила таким прозаичным тоном, как будто говорила о чем-то, что случилось с кем-то другим.

— Когда я приехала к Силуит, все были добры ко мне. Никто и никогда не был добр ко мне, и я думала, что все они притворяются. Что это была какая-то уловка. Я выбралась из логова и побежала так быстро, как могла. Пока не взобралась на холм, который смотрел на залив. Когда я стала спускаться вниз по склону, то там был он, сидел, завернувшись в свою шкуру, и смотрел на горизонт.

— Я сразу же поняла, кто это был, хотя он не выглядел так, как я его себе представляла. Он был... красивый, даже в том возрасте, и меня к нему потянуло. — Ее губы растянула легкая улыбка. — Но все же я его ненавидела.

— Я зашагала к нему, и, когда он наконец-то на меня взглянул, я спросила, что он делал. Он ответил, что ждет возвращения матери. Я немного знала о его матери, только то, что подслушала из разговоров. Я назвала Зейна глупцом и сказала, что его мать умерла. Думала, что он разозлится. Обычно люди злятся, когда я говорю такие вещи. Или плачут. Но он не сделал ни того, ни другого. Он просто снова отвернулся и сказал, что она не может быть мертвой, потому что обещала к нему вернуться.

— Я села рядом с ним и слушала его рассказ о матери. И рассказала ему о своей. Мы оставались там до захода солнца, пока нас не позвали назад. И вот так я начала в него влюбляться.

Она снова посмотрела на Боаза и сжала губы.

— Остальное еще более удручающе, так что не буду тебя этим утомлять. Все что тебе нужно знать, это то, что мы так и не стали парой. Но он мой единственный настоящий друг, и этого достаточно.

Там было еще что посмотреть, но Джиннифер выключила камеру, не в состоянии что-то услышать из-за звука собственных рыданий.

Глава 27

С угрюмым выражением лица Индиго села на плоский камень и положила голову на руки. Когда подошел Зейн, ее васильковые глаза вспыхнули, но в этот раз она не была настроена враждебно. Просто смирилась с неизбежным.

— Я не собиралась идти дальше, — пробормотала она.

Тяжело выдохнув, Зейн сел с ней рядом так близко, что их плечи почти касались друг друга. В тундру пришло лето, и за неделю ее смуглая кожа так сильно потемнела, что веснушки были почти незаметны. Ее каштановые волосы, всегда тщательно расчесанные и откинутае назад, висели вокруг лица спутанными клубками. От нее пахло грязью и слезами, и Зейн мог видеть на ее лице засохшие от них следы.

— Ты злишься? — спросила она.

— Я в ярости, — мягко сказал он. — Во всем мире нет никого, кто бы смог разозлить меня сильнее, чем ты.

Индиго положила голову ему на плечо. — Это потому, что ты меня любишь.

Он положил на ее плечо руку и притянул поближе. На этот раз она не пыталась увернуться. Он задался вопросом, является ли ее внезапная ласковость только уловкой, чтобы избежать неприятностей. И затем с неохотой признался себе самому, что это может сработать.

— Ты хоть представляешь, где сейчас находишься? — спросил Зейн.

Индиго окинула взглядом горную пустошь. Земля была покрыта красной и желтой растительностью, и камней здесь было больше, чем крепких зеленых кустарников. Несмотря на сезон, Зейн не видел никаких животных для охоты, даже зайцев.

Она кивнула в сторону запада. — В той стороне Амарок.

Это определенно был весьма расплывчатый ответ. Зейн мог сказать точно также, стоя в логове.

— Через несколько часов ты бы оказалась в радиусе действия их скаутов, — сказал он ей. — Они бы либо тебя убили, либо нашли какой-нибудь способ использовать против меня.

Стая Амарок использовала бы любую возможность, чтобы его свергнуть и заявить права на территорию Силуит. Их обширная территория охватывала по меньшей мере шесть районов, которые раньше принадлежали стаям, которые они завоевали. Но в результате чрезмерной охоты стада карибу покинули эти места.

— Может быть, — сказала она, и отсутствие уверенности напомнил Зейну о ее наивности. — Все что я знаю, это то, что он там.

Опять она об этом.

С тех пор, как растаял снег, Индиго постоянно убегала, исчезая на несколько дней. Каждый раз он или Бриз ее находили, и каждый раз она утверждала, что шла по следу своей пары.

Ее настойчивость его беспокоила. Индиго была только наполовину человеком, что делало ее кровь более чистой, чем у любого другого оборотня. Однако это же снижало вероятность того, что она когда-нибудь станет матерью. Более того, факт, что она уже давно миновала возраст, когда ее фертильность должна была стать очевидной, работал против нее.

Все это приводило его к мысли, что ее погоня за своей парой была подростковым бунтом. Однако сейчас, сидя с ней рядом, он узнавал в ее глазах боль и тоску. И это сказало ему, что он сталкивается с намного большей проблемой, чем он думал.

— Индиго... — Ее имя прозвучало как вздох. — Ты должна прекратить себя мучить. Ты можешь быть счастлива без пары или щенков.

— Потому что это тебе на руку, — отрезала она. — Моя пара там, я чувствовала его запах, и я чувствую словно... словно мое сердце слишком большое для моей груди, и оно сжимает мои легкие. И я едва могу дышать, и внезапно в моем теле слишком много крови.

Индиго быстро заморгала. — И потом потеряю след, и все места, где этого было так много... множество... больше там ничего нет. И я чувствую себя как пустая оболочка. Мне не нравится это делать. Я это ненавижу... — Она посмотрела на него, ее васильковые глаза были большими и наполненными слезами. — Скажи мне, что я ошибаюсь, Зейн. Скажи мне, что я схожу с ума и это, не то, что на самом деле. Я тогда сдамся, клянусь.

Зейн зажмурился. Где-то в темноте он услышал, как его дремлющий волк в отчаянии завыл. Он прижался головой к ее голове.

— Пожалуйста, пойдём домой, и я обещаю, что мы вместе с этим разберемся.

* * *

— Слава богу, наконец-то. Я пыталась с тобой связаться в течение двух дней. У них что, в Эдинбурге нет сотовой связи?

За кособокими очками Риты были видны темные круги под глазами, а на ее блузке были пятна от кофе. Джиннифер видела позади нее свою квартиру, и там было грязнее, чем неделю назад, когда она уезжала.

Джек находился по другую сторону прилавка, делая вид, что раскладывает на витрине свои очень дорогие шоколадные батончики. Он поймал взгляд Джиннифер, и его брови сошлись, когда он беззвучно произнес Эдинбург.

Джиннифер снова сосредоточилась на чате в Скайпе. — Я не конкретно в Эдинбурге, это скорее сельская местность.

— По крайней мере, есть какой-то стационарный номер, по которому тебе можно позвонить?

Джиннифер постучала пальцами по прилавку. — Я узнаю позже. Мне сейчас нужно зайти в несколько мест, так что давай побыстрее закончим.

— Твой агент хочет, чтобы я выслала ей бонусные сцены, но я нигде не могу их найти. И мне был нужен текст для субтитров. Скажем так, еще вчера.

— Помнишь, что я тебе сказала перед отъездом? Все что тебе нужно -

— На облачном хранилище, я знаю. Но ты оставила больше тысячи файлов и не разложила их по папкам и -

— Поищи файл на -

— ни один из этих файлов не имеет нормального названия. У меня ушло пять часов, чтобы найти окончательный вариант, и знаешь, как ты его подписала? Фильм05.

— Потому что это был пятый вариант, — виновато сказала Джиннифер. — Хорошо, хорошо, я могла бы все сделать для тебя проще, и мне очень жаль. Но уверяю тебя, там все есть.

Плечи Риты резко опустились. — Прошу прощения, я в таком стрессе. Мне бы хотелось, чтобы ты осталась и помогла это закончить.

— Мне бы тоже хотелось, — искренне сказала она. — Но я больше не могла откладывать эту поездку.

Прилавок ее загоразивал, и Джиннифер прижала руку к животу. В течение первых двух месяцев приходилось скрывать, что ее постоянно тошнит и тянет к полусырому мясу. Но живот был плоским, и это помогало хранить беременность в тайне. Однако к концу четвертого месяца она внезапно раздулась, и уже никакое количество слоев черной одежды не могли скрыть округлую выпуклость.

— Я буду на связи, Рита. Не сомневайся.

Как только она закончила звонок в Скайпе, Джек предложил ей шоколадный батончик Sweet Marie. Но отдернул руку, как только она к нему потянулась.

— Кто это был? Твой босс?

Джиннифер фыркнула и схватила батончик. — Это мой стажер. Я начальник.

— Не сомневаюсь, что ты, — сказал с усмешкой Джек. — Так почему она разозлилась? И почему она думает, что ты в Ирландии?

— В Шотландии, глупый, и она расстроена, потому что я взвалила на нее весь пост-продакшен по выпуску независимого фильма в самую последнюю минуту. Она фактически не спала в течение недели. И скорее всего не будет весь следующий месяц.

— Ой.

Джиннифер откусила шоколадку, разговаривая со ртом, набитым божественным сочетанием нуги, карамели и арахиса. — Если бы ты знал, сколько я ей плачу... а, неважно. Спасибо, что позволил мне воспользоваться твоим компьютером. Ну и ты знаешь, за все остальное.

Она положила на прилавок двадцатку и взяла свою сумочку. Джек опередил ее и открыл дверь.

— Увидимся завтра? — с надеждой спросил он.

Она только улыбнулась.

Долгая зима закончилась, и в Нунавут было гораздо теплее, чем когда она была здесь в последний раз. Однако она все равно этого не чувствовала. После лета в Майами холодный, сухой воздух заставлял ее дрожать даже в толстом пальто.

На ее вкус прогулка до клиники была слишком короткой. Насколько она ожидала прием в больнице во время своего путешествия на север, настолько же она нервничала стоя за дверью. И от беспокойства ее начинало подташнивать.

Она немного неуверенными шагами прошла внутрь. Секретарша, оторвавшись от журнала, посмотрела на нее удивленными глазами. Затем на ее лице мелькнуло узнавание, и она кивнула в сторону двери в задней части комнаты.

— Ээ, Джиннифер, правильно? Джини вас ждет.

Джиннифер не стала ее поправлять, а взялась за ручку двери, окрашенной в лососевый цвет, и вошла в короткий коридор с дешевыми обоями в цветочек и линолеумом в клетку. Она чуть не подпрыгнула, когда позади нее захлопнулась дверь.

Здесь было только две комнаты. Она обнаружила Джини в первой, сидящей за столом, который был завален документами, учебниками по медицине и журналами. Она была пухленькой женщиной средних лет с темно-рыжими волосами и мелкими морщинками вокруг рта. Родившаяся в Торонто, она была известна всем под именем Джини, потому что, как она утверждала, даже она не могла произнести фамилию своего мужа, инуита по происхождению. Как только она увидела Джиннифер, то сразу же встала со стула и потянула ее в свои крепкие объятия.

— Как самочувствие?

— Нервничаю, — призналась Джиннифер.

— Не нужно, — сказала Джини отстраняясь. — Я уверена, что все будет просто отлично.

В течение последних четырех месяцев Джини была ее спасательным кругом, потому что у нее не было возможности получить родовую помощь. Оборотни были под защитой в

США, но, тем не менее, их считали опасными, и они жили на охраняемых территориях, отдельно от человеческого общества. Если бы она пошла к местному акушеру, то ей бы настоятельно порекомендовали сделать аборт. И если бы она выбрала сохранить ребенка, то родившись, он был бы лишен человеческих прав. Она читала кошмарные отчеты о женщинах, чьих детей вырывали из их рук в больнице и без их согласия отдавали в стаи оборотней.

Джек помог ей связаться с Джини, которая постоянно с ней общалась, отвечая на телефонные звонки Джиннифер даже глубокой ночью. Иногда Джиннифер звонила по поводу каких-то медицинских проблем, но в основном это была эмоциональная поддержка. Так как Джини была единственной, за исключением Аарона, кто знал, что она беременна.

Джини провела ее в другую комнату, указывая на смотровую кушетку. Джиннифер сняла пальто и кардиган, позволяя Джини снять жизненно важные показатели. Сначала кровяное давление, потом послушала легкие.

— Ложись и подними рубашку.

Джиннифер съежилась, но подчинилась. Она провела пальцем по фиолетовой, похожей на синяк отметке, которая шла вдоль нижней части ее живота. — Я заметила это прошлой ночью. На прошлой неделе ее здесь не было. Ребенок много пинается, но не так уж сильно.

— Это растяжка, — сказала Джини, положив холодные пальцы на ее холмик.

Застонав, Джиннифер хлопнула рукой по лицу. — Я каждый день пользуюсь лосьоном.

Она смотрела, как Джини прощупывала руками разные части ее живота. Привыкший только к мягким поглаживаниям Джиннифер, малыш извивался и пинался в ответ.

Когда Джини закончила, рука Джиннифер прошлась по животу, похлопывая и успокаивая.

— Как по твоим ощущениям, все в порядке?

Джини кивнула. — Может быть, немного крупноват для пяти месяцев, но все на своих местах. Как насчет того, чтобы взглянуть на маленького?

Тревога Джиннифер в два раза усилилась, когда Джини подошла к шкафу и выкатила аппарат, который был размером с нее, с устаревшим монитором и многочисленными проводами.

— Это универсальный сканер, — весело сказала Джини. — Старый, как грязь, но работает.

Когда Джини стала его устанавливать, то обратила внимание, что тревога Джиннифер достигла пика. Она спустила ноги с кушетки и сказала,

— Я не фанат всех этих вещей. Мне бы не хотелось облучать ребенка.

Расхохотавшись, Джини сказала:

— Ты должна круглыми сутками жить под такой машиной, чтобы получить половину того облучения, что люди считают опасным. Твой ребенок будет в порядке.

— Но что, если это не так? — спросила Джиннифер напряженным голосом. — Что, если ты обнаружишь, что с ребенком что-то не так?

Джини повернулась и с симпатией ей улыбнулась.

— Так ты об этом беспокоишься?

— Я не была на приеме у врача, я все время забываю принимать витамины, и иногда я ем мясное ассорти на завтрак, обед и ужин.

Джини положила руку на ее плечо и мягко подтолкнула обратно на кушетку.

— Расслабься. Я сказала тебе, что все выглядит нормально, и если окажется, что что-то не так, то нам лучше узнать об этом сейчас, так, чтобы мы могли заранее подготовиться.

Понимаешь?

Джиннифер медленно кивнула.

Чтобы настроить машину, потребовалось несколько минут, и по просьбе Джиннифер Джини отвернула монитор от нее в сторону. Она обрызгала живот Джиннифер холодным гелем и распределила его палочкой.

Джиннифер наблюдала за лицом Джини, ища малейшие следы беспокойства, когда комнату наполнил звук сердцебиения ее малыша. Ее грудь заныла, и зрение стало расплывчатым из-за слез. В течение нескольких последних месяцев, даже несмотря на то, что она все больше привязывалась к своему ребенку, она страшилась дня, когда он появится на свет. Сейчас же все, что она хотела, иметь возможность подержать его в руках.

— Ты уже решила, что собираешься делать? — сказала Джини, глядя на монитор. На ее губах была безмятежная улыбка, которая успокоила Джиннифер.

— Завтра здесь будет Боаз.

— Тебе предстоит тяжелая дорога, но я думаю, это правильный выбор. — Вокруг глаз Джини появились морщинки. — Итак, хочешь узнать пол своего ребенка?

Глава 28

— Ты можешь дать мне хотя бы одну ночь покоя, прежде чем опять сбежишь? — спросил Зейн.

Индиго оглянулась через плечо, пристально глядя на запад. Она все время так делала во время их путешествия обратно в логово. И Зейн постоянно ловил ее, чтобы она не споткнулась о камень или не наступила в какую-нибудь нору.

Она посмотрела на него снизу-вверх, наклонив голову.

— Хм?

Он растрепал ее волосы.

— Сегодня спи в моей комнате, чтобы я не задумывался над тем, где ты.

— Хорошо, — сказала она, стукнувшись плечом об его руку.

Зима напоминала о себе только прохладным ветром, а на шпиле, возвышавшемся над логовом, уже давно не было снега. По пути к заливу они увидели стадо карibu, бродивших по долине, поросшей лишайником. Солнце по-прежнему стояло в небе. Там оно и будет оставаться до конца дня и большей части того, что было бы ночью.

Когда они приблизились к логову, что-то зашепотало на задворках его сознания. Он поднял нос, чтобы понюхать воздух, но смог различить только знакомые запахи дома и Бриз, которая ожидала снаружи, положив руки на бедра.

Бриз сердито смотрела на Индиго, и казалось, что ее плотно сжатые губы не позволяли вырваться длинной тираде. Вероятно, Индиго заслужила каждое слово, которое она хотела сказать, но под строгим взглядом Зейна бета отступила.

Проходя мимо Бриз, Индиго бросила на нее осторожный взгляд, сгорбила плечи и потянула себя за ухо. Зейн остановился рядом с Бриз, не дожидаясь, пока Индиго будет за пределами слышимости, чтобы поговорить.

— Хотел бы я знать, как ты это делаешь, — сказал он.

— Очень просто. Вообще-то, она меня боится.

Зейн выгнул бровь и оценивающим взглядом посмотрел на миниатюрную женщину.

Бриз сказала, — Ее пугают не мои когти, а мой язык. — И понизив голос, добавила, —

но если честно, я надеюсь, ты что-нибудь придумаешь, чтобы ее наказать. Потому что моих умственных способностей уже не хватает. Не представляю, как мы сможем удержать ее в логове. Разве что приставить к ней нянькой Роха.

— А кто тогда будет мыть полы?

Тэллоу потребовалось чуть больше недели, чтобы на юге найти Роха и Коралл, загнанных в ловушку одиноким медведем-оборотнем. Тэллоу почти погибла, пытаясь отвлечь медведя, но он убежал, когда к сражению присоединились Рох и Коралл.

После возвращения в логово Рох на неопределенный срок был отправлен заниматься уборкой. Во всяком случае, пока Зейн не решит, что больше не злится. Коралл пришлось чистить добычу, и это было более легким наказанием, потому что занимало только несколько часов в день. После того, что он узнал о Седна, он вообще не хотел ее наказывать, однако не мог позволить подавать дурной пример другим молодым волкам. Вполне хватало того, что постоянно убегала Индиго, и пока что без серьезных последствий.

Бриз наклонила голову.

— Я была уверена, что после того, как она попала в капкан, она перестанет заниматься этой глупостью. Но все становится только хуже, и с учетом того, что сейчас вокруг бродят медведи... Мне хочется, чтобы она нашла свою дурацкую пару и была уже его проблемой. Потому что тогда мне не придется все время о ней беспокоиться.

— Ты бы все равно переживала.

— Полагаю, ты прав.

Взглянув на вход в логово, Бриз страдальчески вздохнула, но когда посмотрела на Зейна, в ее глазах мелькнул озорной блеск. Это было так для нее нехарактерно, что он занервничал.

Она сказала:

— Есть один человек, который может нам что-нибудь посоветовать. Помнится, твоя пара очень хорошо уживалась с твоей сестрой. Возможно, мне стоит пойти и спросить, что она думает.

Улыбаясь, Бриз повернулась и направилась к входу. Зейн на мгновение замер, с трудом пытаясь сглотнуть. Он сделал несколько шагов вперед и сделал глубокий вдох, вбирая в себя множество запахов.

Под запахами жареного мяса, жженого шалфея и пота сотни различных оборотней, ему удалось уловить крошечные завитки чего-то, что заставило его ноги двигаться до того, как его мозг смог сформировать слово.

Джиннифер.

* * *

— Пожалуйста, не могла бы ты остановиться?

Непреклонный тон голоса Джиннифер сказал, что это приказ, а не просьба. Но Тэллоу его проигнорировала. Когтистая рука волка-оборотня метнулась к другой стороне живота Джиннифер, плотно прижимая два пальца. В ответ ребенок сильно пнул.

— Мы играем, — Тэллоу принялась.

Джиннифер шлепнула ее по руке.

— Последнее время ты не играешь с малышом, ты его раздражаешь.

Было время, когда она находила милой одержимость Тэллоу ребенком, хотя сама с трудом могла в это поверить.

Когда Боаз и Тэллоу пришли за ней в Порт Трент, никто из них не знал, что она была беременна. Находясь в Майами, она разговаривала с Боазом через Скайп Джека и сказала ему, что собирается приехать и забрать оставшиеся вещи. Она не знала, как рассказать о ребенке, так что оставила эту часть на потом, решив, что объяснит все при личной встрече.

Она не помнила, что оборотни могли унюхать гормональные изменения, вызванные беременностью. И как только они встретились на краю города, Тэллоу плавно подошла к ней и, упав на колени, потерлась лицом о ее живот.

Путешествие назад в логово заняло пять дней. Тэллоу настояла на том, чтобы нести Джиннифер, и Боазу пришлось бежать рядом с ними. Несмотря на то, что они были в логове уже три дня, его ноги до сих пор был покрыты волдырями.

Был и плюс в том, что Тэллоу находилась рядом, потому что она выступала в качестве ее стража. В какой бы комнате Джиннифер ни находилась, некоторым она не позволяла заходить, а других выпроваживала, если они задерживались слишком надолго.

Боаз положил руку на талию Тэллоу и потянул ее к себе на колени.

— Давай же. Прекрати, если ты не хочешь чтобы она снова тебя шлепнула.

Оборотень ерзала в его объятиях, хотя легко могла вырваться, если бы захотела. Невысокий, неуклюжий мужчина и длинноногая, привлекающая внимание волчица были странной парой. Но каким-то образом они хорошо друг другу подходили.

Тэллоу прищурила свои разноцветные глаза, глядя на Джиннифер.

— Знай, человек, я позволяю тебе меня бить только из-за щенка. Но я веду подсчет, и, как только он появится, я собираюсь вернуть тебе каждый шлепок. С процентами.

Было заметно, что симпатия Тэллоу к щенку не распространяется на его мать.

— С нетерпением буду ждать, — сказала Джиннифер, мысленно добавляя в конце «сука».

Она приподнялась и села на кровати, когда кто-то отдернул шкуру, висевшую на двери. Тэллоу выглядела так, словно она собиралась возразить, но захлопнула рот, как только Индиго подбежала к Джиннифер.

— Я знала, что ты вернешься, — сказала Индиго, притягивая Джиннифер в крепкие объятия.

Джиннифер так же отчаянно ее обняла и, когда они отстранились друг от друга, поцеловала каждую конопатую щеку Индиго. Глаза Индиго с изумлением остановились на ее животе.

— Это... моего брата?

За нее ответила Тэллоу.

— Думаешь, она бы заставила нас привезти ее сюда, если бы вынашивала щенка не от Зейна? Ты явно перегрелась на солнце, и от этого у тебя поджарились мозги.

Обращаясь к Боазу, она сказала,

— Мне не нужно было спрашивать. Как только я понюхала ее, то сразу поняла, что буду тетей.

Лицо Индиго сморщилось от досады.

— Тебе даже не нравятся щенки, и не ты его тетя, а я.

Молодая оборотень наклонила голову к животу Джиннифер.

— Ох, ну надо же, я могу слышать его сердцебиение. Привет-привет, сладкий щенок. Это тетя Индиго. Твоя единственная тетя.

До Джиннифер дошло, что они уже давно должны были услышать остроумный ответ

Тэллоу. Но когда она посмотрела на нее, то увидела, что та смотрит куда-то в сторону. Джиннифер последовала за ее взглядом, туда, где, прислонившись к двери, стоял Зейн.

В течение нескольких недель она ждала и страшилась этого момента, снова и снова проигрывая его в своей голове и стараясь представить, как все пройдет. Все уже пошло не так, как она планировала. Они не были наедине, и он ничего ей не говорил. Только пристально смотрел на нее с непроницаемым выражением лица, от чего каждый нерв ее тела был на пределе.

Планируя, что она скажет, она не могла предсказать, что с ней станет, когда она его увидит. Поначалу ее охватил страх, и это было как падение сквозь слой льда. Затем появились неуверенность и стыд, и она угодила в яму, заполненную лавой. Внутренности скрутило, и ее стало мутить, и ей хотелось вырвать и заплакать.

Тэллоу потянула Индиго за рубашку.

— Пока что достаточно. Мама и папа должны поговорить.

Прежде чем покинуть комнату с Тэллоу, Боаз ободряюще улыбнулся Джиннифер. Когда Индиго проходила мимо, Зейн положил руку, чтобы ее остановить. Снова превращаясь из статуи в человека.

Он посмотрел на нее укоризненным взглядом и сказал,

— Можешь принять ванну или пойти в свою комнату, но не околачивайся поблизости и не подслушивай.

Индиго что-то ответила, но Джиннифер не услышала. От звука низкого голоса Зейна, знакомой властности и спокойного контроля, мышцы ее сердца расслабились. И у нее появилась отчаянная потребность быть рядом с ним, прикоснуться к нему, почувствовать его запах.

После того как они оказались наедине, она несколько раз открыла и закрыла рот, пытаясь вспомнить все, что должна была сказать. Как она должна была объяснить ему, почему не вернулась раньше.

— Я должна была закончить свой документальный фильм, потому что это было слишком важно. Я должна была убедиться, что это именно та жизнь, которую я хотела. Я должна была быть уверена, потому что как только я приеду сюда, я не смогу снова тебя оставить.

Слова застряли у нее в горле, когда Зейн подошел и присел рядом с ней. Он провел кончиками пальцев по ее животу и затем положил ладони на выпуклость. Его рука закрывала больше, чем половину живота, и впервые за несколько недель она почувствовала себя очень маленькой.

— Как? — спросил он, массируя ее кожу большими пальцами и делая маленькие круги.

Ее попытка говорить беззаботным тоном сорвалась из-за дрожи в голосе. — У него будет твоя способность к деторождению и моя ужасная память на даты.

Джиннифер увидела, как его губы дернулись, но он по-прежнему смотрел вниз на свою руку, лежавшую на ребенке. Она облизала губы и спросила.

— Ты меня ненавидишь?

Его золотистые глаза сдвинулись и встретились с ее глазами. Он поднял руку и погладил ее лицо.

— Как я могу тебя ненавидеть?

Зарыдав, Джиннифер наклонилась вперед, чтобы захватить его губы в страстном поцелуе. Зейн обнял руками ее спину, и его рот ответил полной мерой, целуя ее в ответ, горя

от потребности. Его язык глубоко погрузился, исследуя каждый дюйм ее рта, прежде чем пригласить ее язык в чувственный танец.

Как только поцелуй усилился, их руки начали бродить, заново знакомясь с каждым изгибом и впадиной их тел. Его руки гладили ее шею, и он зарычал от удовольствия, когда пальцы коснулись его метки.

Она всхлипнула, когда он начал массировать ее грудь, и стала двигаться к нему поближе, пока Зейн не притянул ее к себе и не усадил на колени, так что она его оседлала. Его шкура упала рядом, и она почувствовала, как он возбуждился.

Потребность иметь его внутри себя была непреодолимой. Это была не просто ноющая пустота нерастраченной страсти, но что-то, что находилось гораздо глубже. Ей нужно было вновь соединиться с ним на самом первобытном уровне.

Они продолжили целоваться, и она ловко сдвинула одежду в сторону таким образом, что могла расположиться прямо над ним. Она покачивала бедрами и подумала, что чувствует его твердую длину, пульсирующую напротив ее сердцевины.

Она оторвалась от него только для того чтобы сказать:

— Порви это.

Альфe не нужно было просить разъяснения. Он протянул руку между ними и, используя свои острые когти, осторожно разорвал ее трусики. Зейн схватил свой возбужденный член, и им обоим пришлось отодвинуть друг от друга бедра, чтобы дать ему возможность устроиться напротив ее влажной расщелины.

Дюйм за дюймом она опустилась на него. Из-за беременности количество крови в ее теле значительно увеличилось и сейчас это стало совершенно очевидно. Ее проход стал более узким и набухшим и гиперчувствительным. Казалось, Зейн так же почувствовал разницу и был вынужден прекратить ее целовать, чтобы резко втянуть в себя воздух. С почти страдальческим стоном, он уткнулся ей в шею, вздрогнув, когда погрузился в нее полностью.

Они на мгновение оставались соединенными. Их тела прижимались друг к другу так плотно, насколько позволял ребенок, находившийся между ними. Джиннифер ласкала его затылок, а Зейн терся носом об изгиб ее шеи.

Она прошептала в его ухо:

— Я могу встать на колени, а ты позади меня.

— Я буду слишком грубым, — сказал он ей, его грудь захохотала от очередного рыка. — Мы сделаем это снова, когда я должным образом заявлю на тебя права, как на мою пару.

Тихо смеясь, она передвинула его руку на свой живот.

— Ты уже это сделал, куда же больше.

— Это ты так думаешь, моя пара, — сказал он, игриво покусывая ее шею. — Но в следующий раз, когда ты будешь фертильной, я тебя просвещу.

Прежде чем она успела ответить, губы Зейна снова сомкнулись на ее устах. Его руки схватили ее бедра, покачивая их в спокойном ритме, от чего они оба напряженно задышали. Ей хотелось, чтобы они кончили вместе, поэтому она зажмурила глаза и сжала руки в кулаки, стараясь сдержать волну. Это становилось все труднее, потому что его удары становились быстрее, и к тому времени, как она почувствовала, что его тело напряглось, она уже купалась в экстазе собственного освобождения.

Через некоторое время Зейн лег, укладывая Джиннифер рядом с собой. Он перевернул ее так, что ее спина прижималась к его груди, а его рука удобно устроилась на ее животе.

Она положила ладонь на его руку.

— Когда я раньше назвала ребенка он, я не сглупила. Прежде чем Боаз и Тэллоу привели меня обратно, я встречалась с Джини в клинике Порт Трента. У нее есть такая большая, громоздкая машина, которая... ну, я не знаю, как она работает, но она могла увидеть малыша — щенка. Это мальчик.

Ее грудь переполнилась от чувств, когда она вспомнила, как наконец-то согласилась посмотреть на экран. Она рассказала Зейну о прекрасной форме головы, длинных конечностях и прекрасно бьющемся сердце. Он спокойно слушал, но она могла услышать, как его собственное сердце колотилось в мускулистой груди.

Когда она закончила, он обнял ее второй рукой, так что теперь обхватывал ее живот двумя руками. Он прижался губами к ее макушке и сказал:

— Не думаю, что смогу уснуть в течении недели. Я знаю, что когда проснусь, все это окажется сном.

Это напомнило ей смешную фразу, которую использовал Джек, чтобы к ней подкатить, но вместо того, чтобы рассмеяться, ей захотелось заплакать. Джиннифер перевернулась на спину и посмотрела на него.

— Я больше никогда тебя не брошу, — сказала она ему. — Я люблю тебя, Зейн. Я остаюсь здесь, с тобой и нашим щенком независимо от того, что произойдет.

После этого он снова занимался с ней любовью. И когда они закончили, она сказала ему поспать, пообещав, что не покинет его объятий, пока он не проснется. Было еще много всего, с чем нужно было разобраться. Когда Джиннифер уезжала, она оставила записку Астрид, которой в тот момент не было дома. Однако она понимала, что ей, в конце концов, придется позвонить и все объяснить своей семье. И когда действительно придет время рожать, она бы хотела, по крайней мере, находиться в Порт Тренте. Так, чтобы Джини могла принять роды — и использовать обезболивающие.

И что важнее всего, союз между Силуит и Седна был нарушен, за что она чувствовала личную ответственность. Это был лишь вопрос времени, прежде чем этот меч обрушится на их головы. И в то время, когда вся тундра, казалось бы, балансировала на грани глубоких изменений, она надеялась, что Седна окажутся единственной проблемой, с которой они столкнутся.

Но она лежала в объятиях Зейна, ее альфы, ее пары и отца ее ребенка, и все эти проблемы казались очень далекими. Она позволила себе погрузиться в сон, зная, что любые трудности на их пути они встретят вместе.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания:

(1) Нунавут, обширная территория на северо-востоке Канады

(2) Гедонизм — этическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и целью жизни.

(3) Инуиты — эскимосы — этническая группа коренных народов Северной Америки, проживающая на около 1/3 северных территорий Канады от полуострова Лабрадор до устья реки Маккензи.

(4) Седна и (5) Силуит — названия стай вервольфов.